Ballantine/30854/$1.95

A DEL REY BOOK

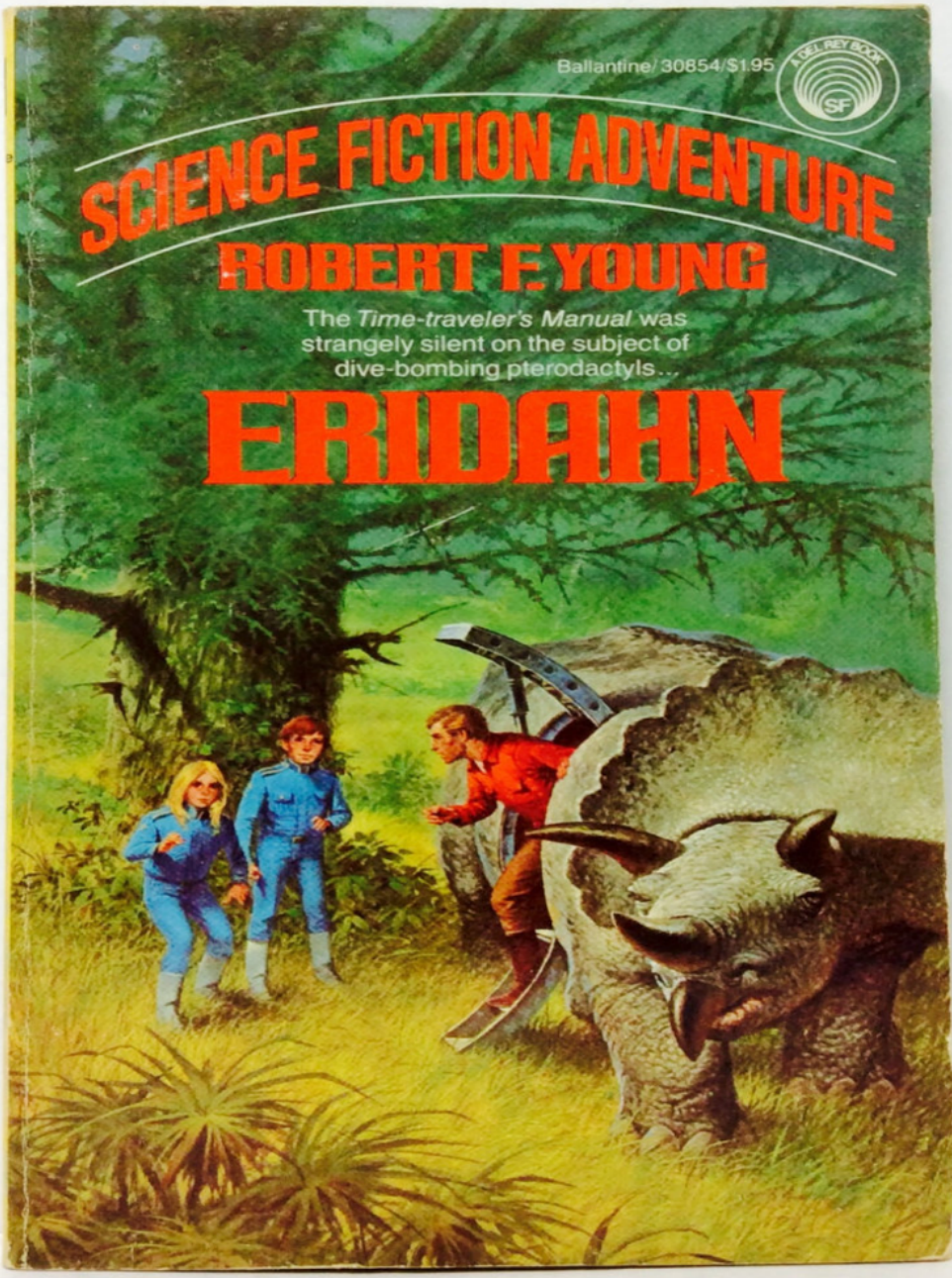
SF

SCIENCE FICTION ADVENTURE

ROBERT F. YOUNG

The *Time-traveler's Manual* was strangely silent on the subject of dive-bombing pterodactyls...

ERIDAHN



SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Роман основан на повести Роберта Янга "У начала времен". Роман на русский язык ранее не переводился.

Based on the novelette. “When Time Was New,” copyright © 1964 by The Galaxy Publishing Corporation for If
Magazine, December 1964.

-
- Глава 1
- Глава 2
- Глава 3
- Глава 4
- Глава 5
- Глава 6
- Глава 7
- Глава 8
- Глава 9
- Глава 10
- Глава 11
- Глава 12
- Глава 13
- Глава 14
- Глава 15
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7

УРОК БОТАНИКИ

Скип открыл две бутылки лимонада, протянул одну Дидри и забрался со своим лимонадом обратно на водительское сидение. — К слову, посмотрите-ка вон на то сумасшедшее дерево, мистер Карпентер!

И действительно, это было сумасшедшее дерево. У него были хвост, большая голова и зубы. Дерево загорало в косых лучах утреннего солнца. И оно разглядывало Сэма.

Большая капля слюны выкатилась из угла пасти тираннозавра, и они почти услышали шлепок, с которым она упала на землю. Тираннозавр испустил рев. Или вопль. Трудно было сказать, какой звук он издал.

— Сматываемся отсюда! — прошептал Скип.

Пер. Александр Кляшев

Глава 1

КАРПЕНТЕР НЕ УДИВИЛСЯ, увидев молодого анатозавра, стоящего под гинкго, но он не поверил своим глазам, обнаружив на дереве двоих детей. Не было ничего удивительного в том, что, путешествуя в эпоху рептилий, он обнаружил динозавра, но вот встретить мальчишку и девчонку он никак не ожидал. Во имя всех святых, что они делают в верхнемеловом периоде?

Подавшись вперед в водительском сиденье своего трицератанка с автономным питанием, он уставился на детей сквозь лобовое стекло, неотличимое снаружи от головы настоящего динозавра. Детишки совсем не походили на плод его воображения. Они выглядели так же реально, как анатозавр, который их преследовал, и были здорово напуганы. Лица у них были такие же белые, как дальние известковые скалы, что виднелись к северу за разбросанными там и сям по верхнемеловой равнине рощицами ив, дубов, саговников и гинкго.

Его внезапно осенило — они должны быть как-то связаны с той непонятной ископаемой находкой из другого времени, происхождение которой он отправился выяснять в прошлое. Мисс Сэндз, новый хронологист из Североамериканского палеонтологического общества — NAPS — не заметила их, исследуя местность через времяскоп [1]. Правда, она бы и не смогла этого сделать — с помощью времяскопов не разглядишь ничего меньше зауропода или небольшого холма. Похоже, он был застигнут врасплох из-за того, что не видел ни на дюйм дальше кончика собственного носа. Простая логика должна была бы подсказать ему, что некоторые из обитающих в этих местах людей анатомически современного типа, на существование которых указывают ископаемые останки, вполне могли бы иметь детей.

Анатозавр стоял на задних ногах, пережевывая нижний ряд листьев у гинкго. Похоже было, он совсем забыл о двух детишках, загнанных им на дерево, но дети о нем не забыли, а появление трицератанка, выглядевшего точь-в-точь как цератопс вида Triceratops elatus, испугало их еще больше.

Ничего не подозревая о крадущемся сзади механическом чудовище, анатозавр продолжал работать своими похожими на

утиный клюв челюстями. Он был большим, упитанным, с плоской головой, большими и мощными задними лапами и более короткими передними. Длинный, увесистый хвост динозавра выполнял роль балансира при передвижении. Его шкура была грязно-коричневого цвета. Анатозавр не был плотоядным и, возможно, преследовал детей только потому, что они всего лишь оказались на его пути.

— Вперед, Сэм, — сказал Карпентер, обращаясь к трицератанку. — Давай-ка научим его хорошим манерам!

С момента своего выхода из фотонного туннеля, который пробила во времени стационарная машина времени Ллонка, он двигался в северном направлении с черепашьей скоростью, высматривая какие-нибудь признаки человеческой жизни. Одна из причин, по которой он не додумался в начале связать детей с ископаемыми останками, состояла в том, что эти останки представляли собой окаменевший скелет взрослого современного человека, что заставляло его искать взрослых людей. Правда, тот факт, что был только один такой скелет, не привел его к мысли, что в верхнемеловом периоде жил один-единственный человек современного вида. Чтобы ваши останки сохранились для потомков, вы должны быть похоронены в подходящих для этого условиях, и из этого следует, что если какие-то люди, обитавшие в меловом периоде — 16 (Cretaceous-16 — принятое в NAPS официальное название местности, где был найден анахронизм), были похоронены — случайно или преднамеренно — таким образом, то были также и другие люди, чьи останки не сохранились.

Включив вторую передачу, он выстрелил из правой верхней рогопушки, прицелившись немного в сторону от левого бедра анатозавра. Выстрел попал в ближайший саговник и разнес его пополам, громко взорвавшись. Анатозавр уставился на разбитое дерево, а затем, услышав приближение Сэма, повернул назад свою голову. Одного взгляда на атакующий трицератанк было достаточно, чтобы заставить ящера пуститься наутек в направление к ивовой роще, волоча за собой хвост.

Карпентер остановил ящероход в нескольких ярдах от ствола гинкго и взглянул на детей еще раз — их побелевшие лица приобрели серый оттенок. Анатозавр выглядел довольно пугающе, но сейчас, похоже, им угрожало ужасное, превосходящее их воображение четвероногое, трехрогое создание, внешний вид

которого был способен привести в трепет всех обитателей С-16, за исключением, пожалуй, тираннозавра-рекса.

Карпентер скользнул по водительскому сиденью и открыл дверь со стороны пассажира. Горячий и влажный, но невероятно свежий воздух ворвался в кондиционированную кабину Сэма. Он спрыгнул на землю, и его красная клетчатая рубашка, коричневые брюки и черные ботинки были как странные, чуждые ноты, неожиданно прозвучавшие в симфонии мелового периода. Гинкго стояло на небольшой возвышенности. Равнина, окружавшая дерево, простиралась на север, к белым скалам, на запад, в сторону лесистых холмов, за которыми вздымались молодые горы, на восток к внутреннему морю, скрытому за многочисленными рощицами деревьев и к югу, к широкой реке, у северного берега которой находилась его точка входа.

— Эй вы, слезайте! Не бойтесь Сэма!

На него уставились две пары самых широко открытых, самых голубых глаз, какие он в жизни видел. Они были полны изумления, но в них не было ни капли понимания.

— Спускайтесь, — повторил он, помахав им рукой. — Бояться нечего.

Девочка и мальчик повернулись друг к другу и заговорили на каком-то странном языке. В конце-концов они решились покинуть свое воздушное убежище и спустились вниз по стволу дерева. Они встали спиной к гинкго, глядя на Карпентера.

Он подошел к ним, остановившись в нескольких футах. Мальчику можно было дать лет девять, а девочке — лет одиннадцать. Мальчик был одет в темно-синюю блузу с короткими рукавами, расшитую золотым позументом, и брюки того же цвета. Девочка была одета точно также, только ее одежда была лазурного цвета, а брюки больше походили на бриджи. Было трудно сказать, чья одежда была измята больше, но одежда девочки выглядела грязнее, возможно, потому, что была более светлого цвета. Ботинки у обоих были вымазаны засохшей грязью. Девочка была примерно на дюйм выше мальчика. Она держалась очень прямо, и ее волосы лютикового цвета падали ей на плечи. У мальчика волосы были потемнее и коротко острижены. Детишки отличались тонкими чертами лица и оба были худыми. Карпентер подумал, что они, скорее всего, брат и сестра.

Наконец мальчик, серьезно глядя в серые глаза Карпентера, произнес несколько фраз. Карпентер покачал головой, и мальчик сказал несколько фраз, по-видимому, на другом языке. Карпентер снова покачал головой. Он ответил мальчику на английском, затем на французском и на немецком — из современных языков он знал только их. Каждый раз мальчик качал головой. За все это время девочка не проронила ни слова — она просто стояла, поглядывая на Карпентера с каменным выражением лица.

Он не стал пытаться произнести что-нибудь на древних языках, знакомых ему. Обычно современные дети не очень-то склонны к изучению арамейского, греко-ионийского или греко-дорийского — эти языки он изучал, готовясь к путешествиям в прошлое, когда выполнял задания Ассоциации Исторических Исследований — сестринской NAPS организации. Эти ребятишки определенно выглядели современными детьми. Карпентер понятия не имел, из какой страны они прибыли и каким образом они оказались в С-16, но представлялось очевидным, что они должны были использовать для прыжка в прошлое машину времени Ллонка, и вряд ли они осуществили такой прыжок в одиночку.

Казалось, надежда понять друг друга была потеряна, но все оказалось не так. Мальчик полез в один из карманов своих брюк и достал что-то вроде двух пар сережек. Он приспособил одну пару себе на мочки ушей и протянул другую Карпентеру, показав, чтобы он прикрепил их себе. Сережки были крошечными подвесками с прикрепленными к ним зажимами. Нет, не подвесками — мембранами. Зажимы оказались самоклеющимися фиксаторами, которые плотно прижимали мембраны к отверстию уха, не ухудшая при этом слышимости.

Мальчик повернулся к девочке. — Давай, Дидри, — сказал он на английском. — У тебя есть пара, даже больше. Я знаю, у тебя есть. Надень их.

Дидри? Ну ладно, так или иначе это имя звучало как Дидри. Девочка достала такую же пару сережек из кармана своей блузы и одела их на мочки ушей. При этом она не сказала ни слова.

Карпентер почувствовал, что его разыгрывают. — Должен заметить, — сказал он мальчику сухо, — что ты на диво быстро умудрился освоить наш язык.

Мальчик покачал головой. — Нет, я по прежнему говорю на своем, — сказал он, и Карпентер заметил, что артикуляция его губ не совпадала с произнесенными словами. — Сережки-говорешки только делают похожим мой язык на ваш. Они воздействуют на слуховые нервы, осуществляя идиоматический перевод. Личные имена, конечно, не переводимы, и озвучиваются как имена, близкие вам по звучанию. Кое-какие слова вы слышите как они есть, так как сережки-говорешки не переводят все на сто процентов. В любом случае, каждый из нас одел их, и теперь все, что я говорю, вы слышите так, как если бы вы сами это сказали, а то, что вы говорите, я слышу так, как это сказал бы я. На Марсе у нас столько языков, что ни один человек никогда не сможет выучить их все. Даже в одной стране много разных языков. Рано или поздно сережки-говорешки должны были быть изобретены, и в конце-концов их изобрели. Почти у каждого есть по меньшей мере две пары.

— Марс?

— Да. Мы с Марса, Большого Марса. Меня зовут Скип.

— А какая у тебя фамилия?

Мальчик показался озадаченным. — У нас на Марсе у каждого только одно имя.

— Меня зовут Джим Карпентер, — сказал Карпентер. Он посмотрел на Дидри. Она глянула на него тоже, но таким манером, как будто она смотрела сквозь него. — Она твоя сестра?

— Да, сэр.

— Неужели она не может говорить?

— Видите ли, мистер Карпентер, она не может говорить с вами. Она принцесса.

— Понятно. Ну что ж, раз она принцесса, то ты, надо полагать, принц. Но ты разговариваешь со мной.

— Да, но со мной совсем другое дело. Она следующая, кто наследует трон Большого Марса, и это делает ее особенной персоной. И не только это, — добавил Скип. — Она с самого

начала была высокомерной.

Дидри сверкнула в его сторону глазами, но промолчала.

— Причина, по которой мы оказались здесь, на Земле, — продолжил Скип, — заключается в том, что нас похитили.

* * *

“Итак, я здесь, — подумал Карпентер, — в верхнемеловом периоде, и кого я спасаю от утиных челюстей анатозавра — принцессу Марса ее младшего брата, Скипа! А теперь еще, оказывается, они были похищены!”

Но в то, что рассказал ему Скип, было поверить не сложнее, чем в то, что собирался рассказать Скипу и его сестре он. — Я с Земли, из 1998 года. Это 74,051,622 года спустя. Он показал на трицератанк. — А это Сэм, мой вездеход. Он больше похож на танк, потому что это бронированный вездеход. Сэм — это его кличка. У него есть большой двигатель “Камминз”, который подзаряжает батареи, а заодно он оборудован небольшим временным двигателем, который позволяет ему совершать короткие прыжки назад во времени. После прыжка в прошлое он может вернуться в то время, из которого он прыгнул, плюс то время, которое он провел в прошлом, а встроенный регулятор предотвращает прыжки в более далекое будущее. Он снабжен скрытыми автоматическими голографическими камерами, расположенными по бортам, и обычно, когда я отправляюсь в доисторические времена, я делаю это исключительно с задачей отснять голографические видеоматериалы, но на этот раз я прибыл еще по одной причине: выяснить происхождение ископаемых останков человека. Новые методы датировки позволяют палеонтологам определять периоды времени с высокой точностью, и они могут фиксировать время гибели любого организма с погрешностью почти в неделю. Но они не могут сказать точно, где это случилось, из-за геологических изменений, в данном случае по причине Ларамидной Революции.

Даже у Дидри глаза стали большими. Они напомнили ему осенние астры.

— Обычно, когда я отправляюсь в прошлое, я отправляюсь не один, — продолжил он, — но голографист, которого предполагалось отправить со мной, уволился, а я не хотел дожидаться, когда его кем-нибудь заменят. Я должен отснять голографические видеоматериалы в течение двух недель. На случай, если вы, ребята, не знаете, как работает машина времени Ллонка, она использует диффузию света. Свет является своего рода критерием для измерения времени, и когда, распространяясь, он теряет свою непрерывность, вы можете путешествовать во времени почти так же, как путешествовать в пространстве. Сэм обеспечивает мне необходимую защиту от крупных тероподов и птеранодонов. Североамериканское палеонтологическое общество, в котором я работаю, имеет другие подобные вездеходы для эпохи рептилий, а также несколько машин для эпохи мамонтов. На самом деле у него нет хвоста, а вместо ног гусеничное шасси. Камуфлирующее поле создает видимость ног, когда он неподвижен или двигается. Оно же заставляет вас видеть великолепный большущий хвост.

— Черт возьми! — сказал Скип.

Было ясно, что он поверил каждому слову, сказанному Карпентером, и даже тем словам, которые сережки-говорешки перевести не смогли. Поверила ли ему принцесса Дидри или нет, было непонятно.

— Ну что ж, — сказал Скип, — значит, мы все выяснили. Мы из настоящего Марса, а вы — из будущего Земли. Я так и знал, что вы не можете быть марсианином.

— Один маленький вопрос, Скип. Для вас, как для жителей Марса, земная сила тяжести была бы непривычной, и как это ты и твоя сестра смогли забраться вон на то дерево?

— Мы просто залезли на него, и все. Мы и понятия не имели, что существует разница в силе тяжести.

— Но она существует. Сила тяжести на Марсе составляет тридцать восемь процентов от земной.

— Вы говорите о Марсе будущем, мистер Карпентер. Мы с Марса настоящего. Может быть, в настоящее время сила тяжести на Марсе больше, чем на Марсе в будущем.

— Но это невозможно.

— Тогда, вероятно, сила тяжести на Марсе будущего больше, чем вы думаете. Вы когда-нибудь были там, мистер Карпентер? Или кто-нибудь с Земли будущего?

— Нет. Но мы знаем, что на Марсе сила тяжести меньше.

— Может быть, если кто-нибудь с Земли высадится там и пройдется, он будет удивлен.

Карпентер понял, что возразить ему нечего, и отбросил свои аргументы.

Возможно, детишки действительно были с Марса. Возможно, их действительно похитили.

Но они также могли быть с Земли будущего, где их тоже могли похитить.

Он начал чувствовать себя глупцом после того, как рассказал им о машине времени Ллонка, NAPS и о Сэме. Возможно, в школе они слышали о работе современных палеонтологов все.

Но почему их глаза раскрылись так широко?

Послеполуденное солнце прошло половину своего пути по небосклону мелового периода, и его лучи, слегка рассеянные влажной атмосферой, мягко ложились на лица Дидри и Скипа. Он заметил, что их щеки были худыми, а руки — тонкими. Если их действительно похитили, то похитители точно не кормили их как надо.

Может быть, они действительно были с Марса?

Ну ладно, они не выглядели как марсиане, хотя этот аргумент был абсурдным — он просто не знал, как должны были в действительности выглядеть марсиане.

Ему вспомнились Маринер 9 и Викинг 1 и 2 и их посадочные блоки. Не принимая в расчет трехгранные пирамиды в Элизиуме, которые выглядели как артефакты, орбитальные аппараты не сфотографировали никаких намеков на присутствие разумной жизни, а посадочным модулям не удалось обнаружить сколько-

нибудь серьезных доказательств наличия органических молекул; однако ни посадочные, ни орбитальные блоки не смогли предоставить доказательств отсутствия жизни на Марсе в прошлом, и несомненно также, что они не смогли предоставить доказательств отсутствия жизни на Марсе в далеком прошлом.

И потом, были еще сережки-говорешки. На указательном пальце правой руки Карпентера был надет управляющий перстень, который на первый взгляд выглядел как дешевая безделушка, купленная в комиссионном магазине. На перстне последовательно располагались крохотные выпуклости, различающиеся на ощупь, а сам перстень представлял собой пульт дистанционного управления Сэмом. Это устройство было продуктом самых передовых технологий, тем не менее, технологии, которые его произвели на свет, не были настолько продвинутыми, чтобы с их помощью можно было разработать пару тоненьких сережек, которые бы напрямую воздействовали на слуховые нервы.

Но, возможно, сережки-говорешки были действительно безделушками, купленными детьми в комиссионном магазине. Мысленно он покачал головой. Артикуляция губ Скипа доказывала, что язык, на котором он говорил, действительно не был английским, несмотря на тот факт, что слова, услышанные Карпентером, были английскими.

Он все еще не был убежден, что детишки были марсианами, но независимо от того, были они ими или нет, они стали его подопечными. Они стояли на открытом месте так, как будто оно находились в Центральном Парке на Манхэттене, а не в С-16, и они запросто могли стать легкой добычей для первого голодного теропода, повстречавшегося им на пути. — Ладно, ребята, залезайте-ка к Сэму в кабину — там безопасно!

Он первый подошел к трицератанку и забрался в кабину водителя. Он не стал спускать вниз нейлоновый бортовой трап, а вместо этого нагнулся, взял Дидри за руки и втянул ее вслед за собой. Позади сиденья находилась довольно просторная каюта — отделенная от двигательного отсека и батареи противопожарной переборкой — в которой были узкая встроенная койка, небольшой прикрученный к полу стол, два прикрепленных к полу стула, встроенный шкаф, встроенный холодильник, умывальник и маленькая электрическая плита. — Вон там сзади. — сказал он, указывая в сторону каюты.

Дидри перелезала через спинку водительского сиденья, когда откуда-то сверху раздался странный свист. Она посмотрела наверх сквозь лобовое стекло, и ее лицо стало таким же белым, как оно было, когда Карпентер впервые увидел ее на гинкго. — Это они, — прошептала она. — Они нас нашли!

Проследовав за ее взглядом, он увидел в послеполуденном небе три огромных силуэта. “Птеранодоны!” — подумал он. Они атаковали трицератанк подобно тройке доисторических пикирующих бомбардировщиков. Схватив Скипа за руки, он втащил его в кабину и отправил в каюту вместе с сестрой. Он посмотрел на птеранодонов вновь. Они были слишком близко, чтобы использовать рогопушки Сэма. Он захлопнул пассажирскую дверь и скользнул за штурвал.

Птеранодонов явно интересовал Сэм. Первый был уже так близко, что его правый элерон задел гофрированный головной гребень Сэма, а фюзеляж второго коснулся спины ящерохода. Третий вышел из пикирования на большей высоте и взмыл в небо вместе с остальными. Их реактивные двигатели оставили три пары выхлопных струй.

Глава 2

КАРПЕНТЕР ТАК И ПОДСКОЧИЛ в своем сиденье. Элероны? Фюзеляж? Реактивные двигатели?

Птеранодоны?

Он включил защитное поле и выдвинул невидимый барьер на три фута наружу от поверхности ящерохода. Потом он включил первую передачу и направил машину к ближайшей роще. Птеранодоны в это время кружились высоко в небе.

— Скип?

— Да, мистер Карпентер?

— Когда твоя сестра увидела птеранодонов, она сказала: “Они нас нашли!” Кого она имела в виду?

— Я не знаю, что такое птеранодоны, мистер Карпентер, но я думаю, вы говорите о тех трех самолетах. Это самолеты. Трое из тех, кто нас похитил, управляют ими, и Дидри говорила о них.

— Понятно.

Гладкая, покрытая лишь редкими ложбинами равнина, по которой несся Сэм, вполне подходила для быстрой езды. Травянистые растения еще не вступили полностью в свои права, и растительный покров состоял главным образом из сассафрасов, лавров и карликовых магнолий. Магнолии были в цвету, и Карпентеру, несмотря на его старания, не всегда удавалось объезжать их. Время от времени шквал из лепестков, похожих на розовые снежинки, подобно короткому проливному дождю налетал на лобовое стекло. Маленькие синие, зеленые и желтые ящерицы то и дело мелькали на пути ящерохода.

Наконец Сэм добрался до рощи и скрылся под защиту ее деревьев. Карпентер сбавил скорость. Листва ив, из которых состояла роща, закрывала небо. — Эти похитители, о которых ты говорил, Скип. Я полагаю, они тоже с Марса.

— Конечно, откуда же еще они могут быть? — судя по голосу,

Скип немного успокоился. — Они похитили нас с дворцовой спортплощадки, разоружив охрану. Здесь четверо из них — трое мужчин и женщина. Они доставили нас сюда и спрятали в своем укрытии в Эридане. Еще есть пятый, он остался на Марсе, чтобы забрать выкуп. Но выкуп — это только часть их требований. Они приказали правительству начать раздачу еды беднякам. На самом деле никаких настоящих бедняков нет, просто похитители ненавидят истеблишмент и хотят выставить себя в благоприятном свете.

“Эридан” сережки-говорешеки Карпентера перевести не смогли. — “Эридан” — так вы называете Землю?

— Нет, только ее маленькую часть. Большой Марс сделал ставку на идею основания колонии. Название Эридан появилось на свет само по себе из-за всех этих диких животных.

“Зооланд”. Карпентер не мог придумать лучшего названия. С другой стороны, “Зооланд” больше подошел бы для всей планеты на этом этапе ее истории. — И какие размеры этой территории?

— Белые скалы — это ее северная граница. На запад она простирается до возвышенностей и гор, на юг — до большой реки, а на восток — до большого моря. Между нами и морем находится город Римен. Сейчас в нем никто не живет, за исключением похитителей.

— Город? Здесь?

— Ну да. Он был построен почти пятьдесят лет назад. Это …

— Пятьдесят моих лет?

— Да, сэр. Сережки-говорешки довольно точно переводят разницу во времени. Строители собирались возвести еще один город, но перед этим наши геологи открыли, что Земля была не так стабильна, как они предполагали, и геологическая революция — наподобие той, о которой вы рассказывали нам с Дидри — прогрессировала, поэтому второй город не был построен. А потом еще кое-что пошло не так. Колонисты, которые жили в городе, засевали поля зерновыми культурами, но все, что вырастало, съедали стада динозавров, похожих на того, который загнал нас с Дидри на дерево, или навроде Сэма. А еще большие птицы с кожаными крыльями начали нападать на людей в городе. А море!

Колонисты собирались ловить в нем рыбу, но когда они увидели, какие ужасные чудовища там живут, они и близко к нему не подходили! Поэтому когда Парламент Большого Марса решил, что им будет лучше вернуться домой, они не могли дождаться, когда сядут в корабли, которые правительство отправило за ними.

— И теперь этот город стал убежищем похитителей?

— Возможно, он был им много лет. Корабль, на котором они доставили нас сюда, находится примерно в миле к югу от города. Его верхняя часть замаскирована так, что Космический Флот не заметит его на случай, если они додумаются, что Дидри и я здесь и отправят корабль на Землю. Похитители не думали, что мы с Дидри рискнем покинуть город, потому что здесь полно ящеров, и поэтому они не особо нас охраняли. Все, что нам нужно было сделать, это открыть ворота и выйти наружу. Мы пытались найти их корабль и оттуда послать радиограмму Космическому Флоту, но мы заблудились. Вернее, мы не заблудились, просто большой длинный ящер вылез из болот и погнался за нами, мы испугались и побежали по равнине. Мы, должно быть, долго-долго шли по равнине, а потом большое животное со смешным ртом увидело нас, и мы залезли на дерево. Вот что с нами было до того, как вы появились, мистер Карпентер.

Карпентер решил больше не задавать вопросов, по крайней мере пока. Похоже, с каждым вопросом ему становилось все труднее поверить, что дети были не с Марса.

Его сомнения основывались на том факте, что ребята слишком походили на американских детей, и они вполне могли сойти за его сына и дочь.

В конце концов, этот город — если действительно был единственным — мог быть земным городом, и похитители, как и дети, могли быть из Соединенных Штатов двадцатого столетия. NAPS была не единственной организацией, осуществляющей путешествия во времени, и хотя Ллонка была недоступна для общественного использования, она могла быть похищена.

Впрочем, если бы такое случилось, он, разумеется, узнал бы об этом.

И потом, были еще сережки-говорешки, существование

которых также опровергало его сомнения. Если они, как говорил мальчик, осуществляли идиоматический перевод для каждого, то это определенно указывало на использование инопланетных технологий, а тот факт, что, как ему казалось, Скип говорит как американец, был всего-навсего связан с использованием сережек-говорешек.

Но в настоящий момент происхождение Скипа и его сестры не очень заботило Карпентера. Были ли они с Марса или нет, за ними и за ним самим гнались трое клоунов в поддельных птеранодонах, и он собирался как-то улизнуть от них.

Все это время он вел Сэма зигзагами через рощу, и наконец ящероход достиг ее северной границы. Карпентер остановил машину у крайних деревьев и осмотрел часть равнины за ними. Примерно в четверти мили от него располагалась другая, более крупная роща. Он взглянул на небо и не обнаружил никаких признаков птеранодонов. Прислушавшись, он различил только ритмичное урчание двигателя Сэма. Но птеранодонов нельзя было услышать, когда они находились высоко над землей, а нависающая листва скрывала большую часть неба.

У него было четыре варианта действий: (1) он мог прятать Сэма до наступления ночи; (2) он мог перенастроить камуфлирующее поле таким образом, что Сэм смешался бы с равнинным пейзажем; (3) он мог совершить прыжок назад во времени; (4) он мог просто поддать газу и сделать рывок до соседней рощи.

Он решил выбрать вариант номер 4. — Держись, ребята! — сказал он и рывком бросил Сэма из зарослей.

— Скр-р-р-р-и-и-и-и-и! Один из птеранодонов пролетел так близко, что со страшным скрежетом прочертил наискосок по поверхности защитного поля. Карпентер заметил, как его отбросило. Перед тем, как он обрел равновесие и взвился обратно в небо, он увидел бородатое лицо в иллюминаторе, расположенном в нижней части фюзеляжа и понял, что пилот управляет самолетом, лежа между длинными, плоскими крыльями. Он также заметил на брюхе самолета бомбодержатели и три маленькие яйцевидные бомбы.

Но не все было потеряно. Он все еще мог изменить вид камуфлирующего поля, и он по-прежнему мог прыгнуть назад во

времени. Но сделать то или другое в то время, когда Сэм находился на открытой местности, означало бы раскрыть все козыри, и по большому счету в этом не было необходимости, так как в случае, если бы им пришлось совсем туго, он мог сбить птеранодонов из рогопушек Сэма. Поэтому он продолжал давить на акселератор, заставляя Сэма нестись во всю прыть в сторону соседней рощи.

Сбитые магнолии окутывали трицератанк быстро тающими облаками розовых снежинок. Справа вдали Карпентер заметил стадо цератопсов — одушевленных «братьев» Сэма. В весеннем синем небе кружились, как черные Мессершмитты, птеранодоны.

Скип перелез через спинку водительского сиденья и уселся рядом с Карпентером. Он увидел, что мальчик весь дрожит. Взглянув через его плечо, он увидел побледневшее лицо Дидри. — Эй, ребята — чего вы боитесь? Сэм защитит вас.

— Мы — мы не боимся, что похитители убьют нас, — сказал Скип. Мы боимся только, что можем попасть к ним обратно. Они не убьют нас еще и потому, что, может быть, им будут нужны наши голоса для отправления радиограммы на Большой Марс в случае, если они не получат выкупа и их другие требования не будут выполнены.

— Их бомбы не причинят нам вреда, пока защитное поле Сэма включено.

— Нет, но один из них может спикировать перед нами и -

Один из пилотов как будто бы услышал слова Скипа, и лавр, стоявший прямо на пути Сэма, превратился в шквал из листьев и разбитых ветвей, а на его месте появился кратер. Это был приглушенный взрыв!

Карпентеру удалось объехать кратер, хотя Сэм и качнулся на мгновение. К счастью, деревья были близко, и через несколько секунд Карпентер завел Сэма под них. Лес состоял из гинкго и ив, которые стояли более редко, чем деревья в предыдущей роще.

Он сбавил скорость Сэма. — Я скажу тебе вот что, Скип: почему бы вам с сестрой не залезть назад в каюту и не приготовить себе что-нибудь поесть. Не знаю, чем вы привыкли питаться, но у нас в запасе есть все, что хотите. Для начала, в

шкафу ты увидишь такие квадратные запаянные банки — в них бутерброды. Просто потяни за маленькое колечко сверху, чтобы открыть банку. А в холодильнике ты найдешь высокие бутылки, на их горлышках нарисован круг из маленьких звездочек — там лимонад — такой сладкий газированный напиток. Поверни крышку на бутылке против часовой стрелки — налево. Ну, полезайте.

Он вел Сэма через лес, используя густую листву как прикрытие. Время от времени он замечал в промежутках между ветвями преследователей, но он был уверен, что пилоты не могли увидеть ящероход. Может быть, ему придется припарковать его под деревьями и остаться в лесу на всю ночь. Это дало бы ему время решить, как помочь детишкам. А заодно и выяснить, являются ли они действительно настоящими марсианами или все это просто чье-то хитроумное мошенничество.

Скип протянул ему бутерброд с ветчиной через спинку водительского сиденья. — Дидри просила передать вам бутерброд, мистер Карпентер.

— Я не просила!

— Просила! Ты дала мне бутерброд и показала на мистера Карпентера!

— Я не показывала на него!

— Показывала!

— Почему бы тебе не передать мне и лимонад тоже, принцесса, — сказал Карпентер. Рутбир — ты можешь отличить его по коричневому цвету.

Наступило долгое молчание. Затем поверх урчания двигателя Сэма он услышал, как открылась и закрылась дверца холодильника, после чего появилось горлышко бутылки с крышкой, а затем и вся бутылка с рутбиром, которую держала маленькая рука. — Спасибо, принцесса.

— Можно мне сесть спереди? — спросил Скип.

— Конечно.

Мальчик перелез через спинку водительского сиденья. — Дидри тоже хотела бы сесть впереди. — прошептал он Карпентеру в ухо.

— Скажи ей о'кей. — прошептал Карпентер в ответ.

— Забирайся сюда, Дидри.

Голова Сэма была шире пяти футов, но водительское сиденье было только в четыре фута шириной. Тем не менее, когда Дидри скользнула на место рядом со Скипом, еще оставалось достаточно места. Оба уплетали бутерброды и запивали их лимонадом. Карпентер удивился, как много бутербродов они уже съели. Хотя, конечно же, в этом не было ничего ужасного — у него было в запасе все, что только они могли пожелать, и даже гораздо больше. Продуктов на борту Сэма было достаточно, чтобы прокормить двух взрослых мужчин в течение двух недель.

Он мог видеть лицо Дидри в профиль, а также ее затылок, когда она смотрела в боковое окно кабины Сэма. Она ни разу не посмотрела в его сторону. Хотя, конечно, после того, что он узнал о ней, трудно было ожидать от нее подобного внимания. Он был всего лишь водитель, а она была принцессой. NAPS присвоило ему классификацию голографиста — исследователя прошлого и платило ему приличную зарплату, но все, что он должен был делать — это управлять ящероходами и мамонтомобилями, или, если говорить точнее, управлять вездеходами.

Несмотря на отчужденность Дидри, Карпентер начал чувствовать себя добрым отцом семейства, отправившимся со своими детьми в зоопарк. И в какой зоопарк! Везде вокруг шныряли ящерицы, и они блестели на солнце почти всеми цветами. Анкилозавр уставился на проезжающего Сэма из камышей; этот большой бронированный динозавр не стал становиться Сэму поперек дороги. Орнитомим, напуганный приближением ящерохода и спрятавшийся за дерево, напомнил своим видом страуса. Парочка взрослых анатозавров, перекусывающих листвой, решила перекусить где-нибудь еще. Струтиомим, беззубый динозавр, даже больше похожий на страуса, чем орнитомим, со всех ног промчался через поляну. Змей и черепах было столько же, сколько и ящериц, а на деревьях сидели странные зубастые птицы.

Карпентер, помня о Тираннозавре рексе, постоянно был начеку — один из этих гигантских тероподов вполне мог

прогуливаться неподалеку.

Внезапно на пути следования Сэма прогремел взрыв и появилась воронка. На лобовое стекло посыпались комья грязи. — Они обнаружили нас! — вскричал Скип.

Карпентер объехал воронку и бросил Сэма в более густые заросли леса. Он управлял одной рукой, держа свой бутерброд другой и зажав бутылку с рутбиром между колен. Торопливо расправившись с бутербродом и допив остатки рутбира, он положил бутылку на пол. Сбросив скорость Сэма, он посмотрел на часы — было 5:46 вечера. Стемнеть должно было еще не скоро. Он глянул на детей. Они позабыли о своих бутербродах и лимонаде и уставились сквозь выпуклое лобовое стекло Сэма на маленький кусочек неба, который виднелся сквозь листву. — Мне кажется, самое время от них улизнуть, как вы полагаете?

— Но как, мистер Карпентер? — спросил Скип. — Они могут заметить нас сквозь деревья, и если мы выберемся на равнину, они окружат Сэма воронками от взрывов и заставят вас отдать им Дидри и меня обратно.

— Мне кажется, вы подзабыли кое о чем важном, что я говорил вам насчет Сэма. Он может прыгать назад во времени.

Опасения Скипа рассеялись, и даже Дидри посмотрела на Карпентера. Карпентер ухмыльнулся. — Так что кончайте со своими бутербродами и не бойтесь.

Дидри что-то прошептала на ухо Скипу, затем Скип сказал: — Дидри говорит, что если мы прыгнем назад на пять дней, то тогда они нас ни за что не найдут, потому что в то время их здесь еще не будет.

— И вас двоих не будет тоже. Путешествуя по времени, мы вроде как взбираемся на дерево. Течение время сопровождается небольшими парадоксами, и если мы допустим один из них, он может стереть вас, ребята, с временной ветви, а заодно и меня, поскольку меня здесь также не будет. К тому же, — продолжил Карпентер, — прыжки в прошлое требуют много энергии, и если такая комбинированная машина времени, как Сэм, прыгнет назад гораздо дальше, чем на четыре дня, она сожжет свои батареи. Так что я думаю, нам лучше ограничиться одним часом.

Расчеты, связанные с прыжками в прошлое, увеличиваются, когда временная дистанция сокращается. Карпентер перевел Сэма на управление автопилотом и включил навигационные приборы. Лес оставался достаточно густым, и опасности быть замеченными похитителями не было. Он начал задавать арифметические головоломки компактному вычислителю Ллонка, встроенному в панель управления.

Скип нагнулся вперед, чтобы лучше видеть вычисления на экране компьютера. — Ваши цифры почти как наши, мистер Карпентер, — сказал он, глядя на появившиеся знаки. — Если это поможет делу, Дидри может сделать умножения вроде этих в уме, Дидри, сколько будет 828.464.280 умножить на 4.692.438.921?

— 3.887.518.032.130.241.880. — ответила Дидри.

— Я на всякий случай проверю. — сухо сказал Карпентер. Он коснулся маленькой кнопки, и на экране загорелись цифры: 3.887.518.032.130.241.880. Он уставился на них.

— Она же у нас гений по части математики, — пояснил Скип. — А я по части техники. Ученые из Королевской Академии Наук говорят, что для принца и принцессы странно быть гениями. Они говорят, что обычно члены Королевского Дома болваны, хотя, конечно, они не используют это слово. Бьюсь об заклад — они были в истерике от того, что нас похитили.

— Я полагаю, у ваших родителей истерика была куда больше.

— Пожалуй, что-то вроде этого. Если они не вернут нас с Дидри обратно, им придется где-то найти нового наследника, а это значит, что царствовать будут наши кузены, и это вовсе не понравится нашим родителям.

— Я не имел в виду истерику из-за новых наследников. Я имел в виду переживания из-за того, что вы, ребята, находитесь в опасности.

— Я не думаю, что они особенно переживают по этому поводу. Мы вроде как чужие для них. Мы даже живем в другой части дворца, а не в той, в которой живут они, и они видят нас только во время публичных выступлений или королевских свадеб, когда вся семья должна присутствовать.

— Послушай, — сказал Карпентер, — история, которую ты мне рассказал, и так весьма необычна, так уж не делай ее совсем сказочной. Почти каждый заботится о своих детях, даже короли и королевы.

— Может быть, на Земле будущего, но никак не на Марсе настоящем. В наше время на Марсе никто не заботится о своих детях. Наверное, для вас это звучит странно, потому что я не рассказывал о десентиментализации. Видите ли, каждый в Большом Марсе десентиментализирован с тринадцати лет. Это простая операция на мозге, которую может сделать почти каждый хирург. Много лет назад было установлено, что сентиментальность является основным дестабилизирующим фактором, и что без таких тонких и нежных эмоций, как любовь, привязанность или сострадание, все время мешавших людям, цивилизация может стать более стабильной. Как только человека десентиментализируют, он приобретает способность хладнокровно принимать разумные решения, всегда руководствуясь строгой логикой. Ненависть все еще изредка мешает людям, но, как правило, когда они десентиментализированы, они действуют с наибольшей возможной эффективностью и могут выбрать оптимальный путь достижения жизненного успеха и заработать много денег. Конечно, нашим с Дидри родителям не нужно думать, как преуспеть в жизни или заработать деньги, но у них такие же взгляды на жизнь, как и у остальных граждан Большого Марса. Как видите, они просто не могут сильно переживать из-за нас с Дэдри. Они беспокоятся из-за того, что нас нет, но они не могут испытывать эмоции.

Карпентер некоторое время смотрел на серьезное лицо Скипа и торжественный профиль Дидри. — Вот оно что. Ясно.

— Возможно, само государство обеспокоено нашим похищением больше, чем наши родители. В Большом Марсе это традиция — иметь короля или королеву и принца или принцессу в качестве наследников трона. Не потому что король или королева выполняют очень важную роль в управлении государством, а просто потому, что они есть. В начале нашей истории короли или королевы правили железной рукой. Сейчас народ правит самостоятельно, или думает, что правит, но с давних времен у нас всегда был Королевский Дом, и народ должен иметь Королевский Дом попросту для того, чтобы он создавал видимость верхушки истеблишмента.

— У нас на Земле есть правительство вроде вашего, но наш народ не десентиментализирован.

— Вы можете быть десентиментализированы и в то же время нуждаться в Королевском Доме. Королевский Дом представляет собой своего рода идеал богатства и социального положения.

В этот момент Карпентер понял, что разговаривает с мальчиком и выслушивает его так, как будто он и его сестра действительно были с Марса. Его вдруг осенило, что теперь он верит всему, что мальчик говорит ему. Чистые голубые глаза Скипа все время говорили, что все, о чем он рассказывал — правда, и Карпентер должен был поверить ему с самого начала, но его здравый смысл не позволял ему сделать это.

Иногда, подумал он, здравый смысл человека может стать его злейшим врагом. Птолемей использовал здравый смысл, когда он изобретал свою абсурдную вселенную. Средневековые доктора, руководствуясь здравым смыслом, пускали кровь у своих пациентов. Колумб, находясь под воздействием здравого смысла, назвал обитателей Острова Уотлинга индейцами.

Итак, детишки были с Марса, их похитили, они убежали, и они были принцессой и принцем. Теперь он действительно поверил в это. Он закончил свои расчеты, включил рубильник временного скачка и сказал: — Ну, поехали, ребятишки! На какое-то мгновение внутри и снаружи трицератанка что-то замерцало, и ящероход чуть тряхнуло. Впрочем, Сэм не замедлил своего движения на автопилоте — так гладко прошел скачок.

Глава 3

КАРПЕНТЕР ПЕРЕВЕЛ часы с 17:54 на 16:54, отключил автопилот и перевел Сэма на ручное управление. Часы на приборной панели Сэма переустановились сами. Деревья закончились, и Карпентер вывел Сэма на залитое солнечным светом открытое пространство. — Ну-ка, ребята, взгляните наверх — есть там так называемые птеранодоны?

Они долго вглядывались сквозь лобовое стекло в небо. Скип наклонился вперед, чтобы увидеть небо над лесом. — Ни одного, мистер Карпентер.

Карпентер прибавил скорость. — Нам лучше убраться отсюда побыстрее до того, как они доберутся до этого места. И нам будет лучше не оставлять следов.

Земля в этом месте, давно не знавшая дождя, была пересохшей. Он вел машину ломаным курсом, старательно объезжая участки земли, поросшие травой, которая могла быть примята гусеницами Сэма, а заодно и места, где вообще ничего не росло. В большинстве случаев растительный покров равнины был достаточно упругим и быстро восстанавливался после прохождения ящерохода. После того как они добрались до ручья, он около мили вел Сэма по его руслу.

Дидри что-то прошептала на ухо Скипу, и он спросил: — Дидри хочет узнать, как далеко Сэм может перескочить в будущее, если регулятор его временного двигателя будет отключен.

— Возможно, не дальше, чем он может прыгнуть в прошлое. В лучшем случае, на четыре с половиной дня. Чуть дальше — и его батареи, пожалуй, сгорят. Но если я направлю его в фотонное поле, расположенное в районе моей точки входа, и большая машина времени Ллонка в лаборатории NAPS подключится к нему, он сможет прыгнуть вперед на 74.051.622 года, три с половиной месяца и семь или восемь часов, которые я провел здесь. Для меня это мое настоящее, хотя для вас, ребята, это, конечно, будущее. Настоящие путешествия в будущее запрещены из-за осложнений, которые могут возникнуть из-за них, а также потому, что обычно людям лучше не знать, что с ними случится завтра.

Наступила тишина. Потом Скип спросил: — Каким стал Марс в ваше время, мистер Карпентер?

Карпентер постарался говорить поменьше неправды. — Мы знаем о нем не очень много, потому что нам пока не удаются межпланетные перелеты.

— Бьюсь об заклад, он сильно отличается от нынешнего.

— И потом, — сказал Карпентер, — 74.051.622 года — за это время меняется все. Ты говорил о Космическом Флоте. У них есть какие-нибудь шансы выяснить, что похитители доставили вас сюда?

— Нет. Они не очень-то умные, мистер Карпентер.

— Но если они все-таки найдут вас, сколько времени им понадобится, чтобы добраться сюда?

— Как раз сейчас Земля и Марс находятся в противостоянии — их разделяет около пятидесяти миллионов миль. Космическому флоту понадобиться чуть меньше пяти дней, чтобы покрыть это расстояние.

— Но это невозможно! — возразил Карпентер.

— Только не для больших, быстрых марсианских кораблей. Большой Марс специализируется на межпланетных путешествиях, наши корабли используют антигравитационные реакторы для взлета, затем они переключаются на плазменные двигатели. Они могут развивать довольно высокую скорость. Если бы не было нужно снижать скорость на полпути между планетами, они могли бы долететь еще быстрее. Неужели у вас нет вообще никаких межпланетных кораблей, мистер Карпентер?

— Мы долетели до Луны, — сказал Карпентер, — но это трудно назвать межпланетным путешествием.

Луна, подумал он, была самым дальним местом, до которого мы рассчитывали добраться. С тех пор как изобрели машину времени Ллонка, деньги, которые в противном случае тратились бы на космические исследования, тратились на изучение прошлого.

Сэм двигался в северном направлении, и скалы, которые хотя и находились на удалении нескольких миль, были ясно видны между разбросанными там и сям рощами деревьев. Карпентер подумал — интересно, что бы было бы, если бы он развернул трицератанк, направился в сторону реки и фотонного поля и затем взял бы детишек с собой в 1998 год. Но если бы он направился в обратную сторону, он подвергнул бы Сэма риску быть обнаруженным, и в любом случае он не был полностью уверенным, что должен взять ребят с собой в двадцатый век. Они могли выглядеть как современные американские дети, и Скип, конечно, разговаривал как один из них (спасибо сережкам-говорежкам в ушах Карпентера), но они не были современными американскими детьми. Они были марсианами, и что еще более усугубляло проблему, они были принцем и принцессой.

Несомненно, они были талантливы, но, не смотря на это, трудно было ожидать, что они без проблем примут ценности (или отсутствие этих ценностей) западной цивилизации двадцатого века. И что он должен будет сделать с ними, если возьмет их с собой в 1998 год? Взять их на воспитание? Усыновить их? Он печально улыбнулся. Как он сможет усыновить двоих детей, когда единственное жилище, которым он располагает — это номер отеля?

Конечно, он мог купить настоящий дом.

Но даже если предположить, что он усыновит их, были и другие обстоятельства. Каким образом он собирается отправить в бесплатную среднюю или даже частную школу принцессу, которая способна умножить в уме 828,464,280 на 4,692,438,921 и дать правильный ответ? Более того, принцессу, которая даже не будет разговаривать с кем-либо, кто не является членом Королевской Семьи Большого Марса. Он мог воочию представить себе, как она идет по школьному коридору, задрав нос, и другие дети высмеивают ее и называют Зазнайкой и другими подобными именами и ненавидят ее не только за ее высокомерие, но и за то, что она в три раза умнее их всех, вместе взятых.

Скипу, несомненно, будет попроще, но ему тоже придется нелегко.

Одним из возможных путей решения этой дилеммы было взять их с собой в 1998 год, переждать там неделю или две и

затем вернуться обратно в Эридан в надежде на то, что Космический Флот к тому времени выследит похитителей, выловит их и приступит к поиску детей. Правда, в соответствии с тем, что рассказывал Скип, представителям Космического Флота просто могло не хватить ума выследить похитителей, и к тому же осуществлению этого плана могли помешать еще более серьезные препятствия: собственно NAPS, а также тот факт, что путешествие во времени туда и обратно на 74.051.622 года стоило целое состояние. Правда, голограммы, отснятые Сэмом, могли частично объяснить, почему Карпентер вернулся с задания, не выяснив происхождение останков, но если бы он заикнулся в NAPS о возможности еще одного такого путешествия только для того, чтобы вернуть детишек обратно, гнев Общества стал бы подобен вихрю несчастий, обрушившемуся в свое время на библейского Иова. Он мог спорить до посинения, доказывая, что детишки были марсианами и что похитители, доставившие их на Землю, могли быть связаны с происхождением останков, но NAPS поверило бы ему не больше, чем он поверил Скипу в самом начале.

Он посмотрел на часы — было 17:21. Если он направится на открытую местность, стемнеет еще до того, как он доберется туда, и ему все равно придется ехать в темноте. Как бы он не собирался позаботиться о детях, ему все равно придется ждать до утра. Он глянул на скалы. Теперь они были достаточно близко. — Ну, а что вы скажете насчет ночевки на открытом воздухе?

Скип посмотрел на него, и Дидри тоже. — На открытом воздухе? — спросил Скип.

— Конечно. Разведем костер, приготовим еду, расстелем на земле одеяла — совсем на индейский манер.

— А что такое на “индейский манер”?

Он рассказал им про индейцев арапахо, чейенов, кроу, апачей, и про буйволов, и про безбрежные прерии, и про последний бой Кестера, про Джеронимо, Сидящего Быка и Кочиса, а затем он принялся рассказывать об индейцах на Востоке, о Деганавиде и Хайавате, основавших Ирокезскую Лигу Пяти Племен, о вожде Великом Озере, о Четырех Посланниках и о Дороге Слез — и все время, пока он говорил, они не сводили с него глаз, как будто он ясное солнышко, восходящее утром после долгой, холодной ночи. Или по крайней мере это было так до тех

пор, пока Принцесса Дидри не заметила, что он смотрит на нее, после чего она сменила прелестное выражение своего лица обратно на королевское.

Скалы, в наклонных лучах солнца ставшие еще белее, вздымались в небо все выше и выше. Они были известковыми, хотя издали выглядели меловыми. За рощицей гинкго у подножья скал он обнаружил большую пещеру, в которой отлично припарковал Сэма. Затем он выдвинул защитный экран, охватив им всю пещеру и довольно большую площадку на земле перед ней, после чего выдвинул внутри него камуфлирующее поле и отрегулировал его цвет так, чтобы он сливался с белизной скал. При взгляде снаружи камуфлирующее поле выглядело как большой каменный выступ, выдающийся из основания скал, а так как оно создавало маскирующий эффект только с одной стороны, Карпентер с детишками могли видеть сквозь защитную и камуфлирующую “стены” своего “святая святых” все, что происходит снаружи.

Сэм потерял свой прежний вид. Теперь он выглядел как большой танк с гофрированной кабиной в своей передней части.

Тщательно осмотрев получившийся дворик на наличие рептилий и обнаружив только немногих мелких ящериц, Карпентер послал Скипа и Дидри за хворостом, или, вернее, он отправил Скипа. Дидри не стала принимать участия в такой унизительной работе и стояла в стороне, презрительно наблюдая за своим братом. Скип напомнил ему бойскаута, старающегося изо всех сил, чтобы получить какой-нибудь скаутский значок. Вокруг было изобилие высохших ветвей гинкго, подходящих для дров, и вскоре он соорудил большую кучу из хвороста. К этому времени он утратил крохотные остатки своей сдержанности и кричал: — Можно я разведу костер? Можно, мистер Карпентер? Можно?

— Почему бы нет? — сказал Карпентер.

К этому времени уже стемнело. Маленький огонек вскоре разросся в большое пламя, окрасив стены пещеры сначала в розовый, а затем в поблекший до бледно-желтого цвет. После того, как дети умылись в умывальнике внутри Сэма, Карпентер нашел на верхней полке шкафа, где хранились туалетные принадлежности, две новые расчески и раздал им. Он умылся сам, а затем начал искать среди запасов провизии продукты,

подходящие для загородного пикника. Мисс Сэндз была помощницей, одаренной богатым воображением, и он не особенно удивился, когда обнаружил дюжину сосисок в холодильнике и четыре пакета булочек в шкафу. Он нашел также горчицу и маринад. Он прихватил столовый нож, вынес булочки, сосиски, горчицу и маринад наружу и разместил их на плоском камне рядом с костром. Затем он разыскал прутик длиною в ярд, заострил его с одного конца своим карманным ножом и продемонстрировал Скипу, как нанизывают сосиску на острие и жарят на костре. После того, как сосиска треснула, он показал мальчику, как нужно класть ее на разрезанную булочку и намазывать сверху горчицу и маринад. — Не знаешь, твоя сестра хочет есть?

— Не знаю, — сказал Скип, откусывая большой кусок от хот дога. Он прожевал и проглотил его. — Ух ты!

— А если я приготовлю ей хот дог, она съест его?

— Она может.

Карпентер нашел и заточил еще один прутик, насадил на него сосиску и стал поджаривать ее на костре; Скип, прикончив свой первый хот дог, начал готовить второй. Дидри, стоя немного в стороне, наблюдала за происходящим со смесью пренебрежения и любопытства, причем любопытства было больше. Казалось, ее похожие на осенние астры глаза стали еще больше. Она не была похожа на принцессу в своих измятых и грязных бриджах и блузе, хотя ее волосы были теперь аккуратно расчесаны. Даже в свете костра они были лютикового цвета. Когда сосиска лопнула, Карпентер положил ее на булочку и приправил горчицей и маринадом. Он протянул ей хот дог: — Попробуй, крошка [2], может быть, тебе понравится.

Вначале он подумал, что она не собирается брать его, но она протянула руку и взяла хот дог. Он повернулся к костру, собираясь приготовить хот дог себе. Когда спустя несколько минут он глянул на нее, ее хот дог изчез и она что-то шептала Скипу.

— Хорошо! — сказал Скип. Отыскав еще один прутик, он позаимствовал у Карпентера карманный нож и заточил его. Он насадил на него сосиску, нанизал другую сосиску на свой прутик и стал держать обе над костром. Когда они лопнули, он положил

их на булочки, и они вместе с сестрой заправили хот доги горчицей и маринадом. Дидри откусила от своего большущий кусок, и Карпентер отвернулся, чтобы она не заметила его улыбки.

Он заострил для себя еще один прутик, а потом, поджарив и съев два хот дога, направился в каюту Сэма. Перед этим он уже спустил нейлоновый бортовой трап, чтобы дети могли забираться внутрь и спускаться из машины. Он приготовил какао на плите в каюте Сэма. Похоже было, что для завершения пикника чего-то не хватало. Он подумал: а что, если мисс Сэндз уложила вместе с сосисками, булочками, горчицей и маринадом еще и зефир [3]? Он перерыл весь шкаф, и действительно, в нем оказался большой пакет с зефиром. С победным видом он вынес его наружу вместе с какао и тремя чашками. Налив какао, он открыл пакет. — Вы, ребята, кое-чего еще не видели.

Он насадил перед их удивленными глазами зефир на прутик и стал держать его над затихающим огнем. Дети вытаращили глаза. Зефир подрумянился до золотисто-коричневого цвета. Он снял его с прутика и откусил маленький кусочек. — Недурно, — сказал он.

Скип уже нанизал зефир на свой прутик и держал его над костром. Дидри пододвинулась ближе к костру, глядя на зефир. Он уже приобрел золотисто-коричневый цвет. Скип, утратив способность ждать, снял его с прутика и попробовал. — Ого!

Не говоря ни слова, Карпентер поднял прутик, заостренный Скипом для Дидри, нанизал на него зефир и протянул ей. Секундой позже она стояла рядом со Скипом, который поджаривал свой зефир, и оба зефира становились золотисто-коричневыми над пламенем костра.

Когда наконец пламя костра обратилось в жаркие угли, зефира осталось совсем немного. — Ребята, вы когда-нибудь ночевали на открытом воздухе? — спросил Карпентер.

Скип покачал головой. — Конечно, вы можете спать внутри Сэма, — продолжил Карпентер. — Один из вас может спать на кровати, а другой — на одеяле, постеленном на полу, и …

— Нет, мы лучше заночуем на открытом воздухе, — сказал Скип. — Как индейцы. Правда, Дидри?

Дидри кивнула.

Костер давал еще достаточно света, и можно было не включать большой поисковый прожектор, встроенный в головной гребень Сэма. Карпентер начал собирать ветки гинкго, которые еще оставались упругими, и соорудил из них подстилки. Затем он открыл находящийся под полом каюты багажный отсек, в котором было достаточно одеял, чтобы снабдить ими маленькую армию. Он вытащил оттуда большую охапку, принес ее к подстилкам и накрыл каждую тремя одеялами. Притащив из багажного отсека следующую партию одеял, он свернул по два одеяла в подушки и накрыл каждую из импровизированных постелей еще одним одеялом так, чтобы детишки могли накрыться ими.

Было тепло, но защитное поле, непроницаемое для динозавров, пропускало ночной воздух, поэтому должно было похолодать.

Лица Дидри и Скипа выдавали их усталость, но Скип не спешил ложиться в постель, когда Карпентер объявил, что пора идти спать. Дидри, не говоря ни слова, выбрала одну из лежанок, сняла ботинки и легла, натянув одеяло до подбородка. Скип наблюдал за тем, как Карпентер расправлял свою постель, и когда Карпентер сел на нее, мальчик сел рядом. — Эй, — сказал Карпентер, — вообще-то это моя лежанка.

— Я знаю. Я — я еще не устал.

— Ты выглядишь усталым.

— Да нет, я в порядке.

Весь вечер из-за защитного экрана доносились рев, рык и ворчание, теперь их внезапно сменили жуткие звуки, напомнившие Карпентеру грохот асфальтодробилки. Пещера дрогнула, и несколько крошечных язычков пламени, еще остававшихся среди углей, отчаянно заплясали.

— Похоже, что это Тираннозавр собственной персоной, — сказал Карпентер. Наверное, проголодался и решил закусить парочкой орнитомимусов.

— Тираннозавр?

Он описал гигантского тираннозавра. Он никогда не видел его во плоти, но во время предыдущих путешествий он встречал их предшественников, Аллозавра и Горгозавра. Когда он закончил, Скип кивнул. — Он — это еще одна причина, по которой колонисты так торопились убраться отсюда. Черт возьми, ну и страшные чудовища водятся у вас на Земле, мистер Карпентер!

— В наше время их уже нет. Они еще будут жить здесь несколько миллионов лет. Когда-то на Марсе тоже должны были жить похожие создания.

— Нет, у нас их никогда не было.

— Но должны же были быть какие-то формы жизни до появления человека.

Скип покачал головой. — Нет. Если бы они были, наши палеонтологи нашли бы какие-нибудь их следы. На Марсе всегда существовали только те виды живых организмов, которые существуют сейчас, и даже со времени последнего ледникового периода они были те же самые. А динозавры исчезнут совсем, мистер Карпентер?

— Да, все их виды.

— Что с ними случится?

— Никто в моем времени не знает, что с ними произошло. Когда закончился меловой период, они исчезли — меловым периодом мы называем тот отрезок времени, в котором мы сейчас находимся. В Североамериканском палеонтологическом обществе думали, что, как только они начнут использовать машину времени Ллонка, им удастся разузнать, что с ними случилось, но у них ничего не вышло. Всякий раз, когда я или другие голографисты — исследователи прошлого собираемся отправиться в последнее тысячелетие мелового периода или около этого, мы промахиваемся и попадаем в другое, гораздо более раннее прошлое, чем в то, в которое мы хотели прыгнуть.

— Бьюсь об заклад, это Кью. Они не хотят, чтобы вы все разузнали.

Как и Эридан, это слово сережки-говорешки перевести не смогли. — Кью?

— Они засеяли Марс человеческой и другими формами жизни. Должно быть, они собираются когда-нибудь засеять человеческой жизнью и Землю тоже. Ваше путешествие сюда из будущего подтверждает это.

— Если они собираются засеять Землю человечеством, почему они вначале насадили рептилий?

— Не исключено, что рептилии — эксперимент, в котором, возможно, что-то пошло не так.

Карпентер вспомнил Дарвина, но излагать теорию эволюции девятилетнему мальчику с Марса показалось ему бессмысленным занятием. — На что они похожи, эти Кью, Скип?

— Никто толком не знает. Существует теория, что они с другой галактики, но никто не знает, чем они тут занимаются. Колонисты, которые здесь жили, говорили, что они их видели.

— Здесь, на Земле?

— Да. И люди, живущие на Марсе, заявляли, что видели их тоже. А еще Кью оставили о себе свидетельства.

— Что это за свидетельства?

— Гигантские монументы.

— И что, ваши ученые действительно думают, что они засеяли Марс?

— Ну да, они считают, что так оно и было.

В этот момент асфальтодробилке, по-видимому, попался особенно неподатливый кусок асфальта, и к тому же, судя по немыслимым звукам, которыми она разразилась, внутри у нее что-то сломалось. Скип придвинулся поближе к Карпентеру. — Не бойся — успокоил его Карпентер, — через наше защитное поле не пробьется даже целая армия тираннозавров.

— Вы женаты, мистер Карпентер?

Вопрос показался Карпентеру пустым — возможно, Скип задал его, чтобы просто подольше не ложиться спать. — Полагаю, под брачными отношениями ты имеешь в виду пожизненный союз между мужчиной и женщиной?

— Да, отношения, основанные на любви и бизнесе. На Марсе государство заботится о том, чтобы участники такого союза были совместимы друг с другом.

— Как могут два человека говорить, что они любят друг друга, когда они десентиментализированы?

— Ну, на самом деле они не могут, поэтому государство так и старается насчет совместимости. А вы женаты? — снова спросил Скип.

— Нет.

— Почему? Вы ведь взрослый.

— Видишь ли, на Земле будущего брачные отношения отличаются от тех, что у вас сейчас есть на Марсе настоящего. Государство в эти дела не лезет, и бизнес не играет в них никакой роли, хотя, быть может, и должен. У нас обычно парень влюбляется в девушку и она влюбляется в него, и потом в большинстве случаев они женятся. Хотя часто бывает и так, что женитьба оборачивается ошибкой и все идет не так.

— Я думаю, совместимости довольно трудно достигнуть, если вы не десентиментализированы.

— Пожалуй, это наше слабое место.

— Я думаю, что, конечно, ищи вы свою единственную любовь, какая-нибудь девушка обязательно влюбилась бы в вас, мистер Карпентер, а вы — в нее.

— Иногда, — сказал Карпентер, — мужчина влюбляется в девушку, но она его не любит.

— Это то, что случилось с вами, мистер Карпентер?

Дидри повернулась на бок под своим одеялом. Карпентер

удивился, что она еще не заснула. — Да, — сказал он, — это то, что случилось со мной. Он обнаружил, что рассказывает Скипу о мисс Сэндз. Казалось, он говорил этой ночью больше, чем за все прошедшие долгие годы, и, возможно, так оно и было, потому что за все эти годы он так и не встретил никого, с кем мог бы поговорить — никого, кто выслушал бы то, что он должен был рассказать, не просто из вежливости, а потому, что это было бы ему интересно. — Эту девушку зовут мисс Сэндз. Она хронологист и моя помощница в Североамериканском палеонтологическом обществе. Ее зовут Элейн, но все зовут ее Сэнди. Кроме меня. Я — я просто зову ее мисс Сэндз. Она присматривает за тем, чтобы никто ничего не забыл, когда он отправляется в прошлое, и еще она при помощи ретроскопа, использующего технологию радиоуглеродного датирования, точно фиксирует ту точку во времени, куда нужно прыгнуть, а затем определяет район при помощи времяскопа. А потом она и ее ассистент, Питер Филдс, дежурят, готовые прийти на помощь, если голографист перешлет им банку консервированного куриного супа [4]. Это наш сигнал бедствия. Понимаешь, в нашем языке слово “цыпленок” иногда означает страх.

— Вы влюблены в нее, мистер Карпентер?

— Я влюбился в нее с первого взгляда.

— И что она вам сказала, когда вы признались ей в любви?

— Я не говорил ей об этом. Я никогда не решался. Видишь ли, она не простая девушка, она не такая, как все. Она особенная. А я просто один из голографистов, для которого она выполняет свою обычную рутинную работу. Быть может, это одна из причин, по которой она, похоже, никогда не замечала меня. Иногда мне кажется, что я для нее что-то навроде деревяшки. Все, о чем мы с ней разговариваем — это мои пожелания доброго утра ей и ее “доброе утро” мне в ответ. И даже тогда она не посмотрит на меня. Понимаешь, ты не можешь просто так подойти и сказать “я люблю тебя” такой девушке, как она. Ты боготворишь ее издали и ждешь, когда она заметит, что ты существуешь. Я могу себе представить, что она скажет, если я признаюсь ей в любви, я могу себе представить!

— Черт возьми, — сказал Скип, — можно попробовать и посмотреть, что получится.

Карпентер покачал головой. — У меня не хватит духа. Так или иначе, я не имею права ожидать, что она полюбит меня. Я всего лишь водитель трицератанка. Что я могу дать такой девушке, как она?

— Вы можете любить ее. Видите, мистер Карпентер, я еще не десентиментализирован, поэтому я знаю, что такое настоящая любовь. Я точно знаю, если вы по-настоящему полюбили девушку, она не может ожидать от вас еще чего-то большего.

— Это не срабатывает. Жители Марса настоящего правы. Брак должен держаться на любви и деловых отношениях, даже если особой любви и нет. Ты можешь любить кого-нибудь сколько тебе угодно, но если семья не скреплена чем-нибудь еще, ничего не получится.

— Я думаю, это слабоватый аргумент, мистер Карпентер, потому что, готов поспорить, водитель трицератанка навроде вас зарабатывает кучу денег.

— А я думаю, — сказал Карпентер, — что сейчас самое время одному известному мне молодому человеку отправиться спать.

— Но я не устал.

— Ты так устал, что уснешь через секунду после того, как закроешь свои глаза.

Скип неохотно поднялся на ноги. — Что говорят люди не Земле будущего, когда они отправляются спать?

— Они говорят “спокойной ночи”. А утром, когда они встают и видят кого-нибудь, они говорят “доброе утро”.

— Спокойной ночи, мистер Карпентер.

— Спокойной ночи, Скип.

Карпентер проследил, как он подошел к своей постели из веток, снял ботинки и скользнул под верхнее одеяло. Вскоре до Карпентера донеслось его ровное дыхание. Немного погодя к нему присоединилось такое же ровное дыхание Дидри, свидетельствующее, что она наконец уснула.

Одеяло сползло с ее плеч. Он подошел и поправил его, накрыв ее до подбородка. Она повернулась с одного бока на другой, и отблеск костра придал красноватый оттенок ее ярко-желтым волосам. Ему захотелось узнать, были ли на Марсе, как на Земле 1998 года, луга, усеянные разноцветными лютиками, и он подумал, что, возможно, были, и вообразил себе солнце над марсианским горизонтом, возвещающее о том, что наступило росистое утро.

Он устал, но знал, что не сможет быстро заснуть. Обойдя угасающий костер, он всмотрелся во тьму за защитным полем. Огромный теропод удалился, и о своем присутствии заявили более мелкие создания мелового периода. Карпентер разглядел несколько страусоподобных орнитомимусов, а у рощицы гинкго заметил смутный силуэт анкилозавра. Он слышал, как шныряют насекомоядные мелового периода. С небес светила луна, чем-то чуть-чуть непохожая на ту луну, к которой он привык. Это была прибывающая луна. Без сомнений, разница была в меньшем числе кратеров, покрывающих ее поверхность.

Вскоре он обнаружил, что хотя все еще смотрит на луну, но больше ее не видит. Вместо этого у него перед глазами стоял костер, тот костер, который был совсем недавно, а у костра — девочка и мальчик, которые жарят зефир на затихающем пламени. “И почему это я не женился и не завел себе детей? — вдруг подумал он. Мне встречалось множество хорошеньких девушек — почему я пренебрег ими, и только ради того, чтобы в тридцать два года безнадежно влюбиться в девушку, которой совершенно безразлично, существую я на свете или нет? Откуда только я взял, что холостяцкая свобода лучше спокойного довольства жизнью, когда ты кого-то любишь и кто-то любит тебя? Почему думал, что одинокая комната в отеле — это и есть крепость, достойная настоящего мужчины, а выпивки в полутемных барах с неопрятными девицами, чьих лиц наутро уже не помнишь — все, что ему было нужно после дневных или недельных трудов?

Он много чего перепробовал. В свое время он был боксером-любителем, позже сделался лесорубом. Потом он совершил восхождение в горах Тибета. Не на Эверест, но почти на такую же огромную вершину. Несколько лет спустя он устроился матросом в торговый флот, а после этого работал сталеваром. В конце концов он стал голографистом, исследующим далекое прошлое.

Из двух стаканов — пустого и полного — он выбрал пустой.

Хотя, пожалуй, в итоге этот стакан все же оказался не совсем пустым, потому что он нашел в далеком прошлом то сокровище, которое отбросил в своем настоящем, и этим сокровищем были детишки — девочка и мальчик.

Стало прохладно. Карпентер направился к Сэму, забрался в водительскую кабину, вытащил из прикрепленной к водительской дверце кобуры небольшой пистолет и засунул его за ремень. Вернувшись наружу, он подбросил хвороста в угасающий огонь, затем снял ботинки и улегся на свою лежанку из веток. Он положил пистолет на землю так, чтобы до него можно было легко дотянуться, хотя был уверен, что он ему не понадобится, после чего настроил сигнал своего воображаемого будильника на первые признаки дня. Он был уверен, что похитители не смогли выследить Сэма, однако фальшивый каменный выступ, образованный камуфлирующим полем у основания скал, средь белого дня будет выглядеть совершенно неуместным, и, если похитители продолжат поиски, они смогут догадаться о его истинной природе. Нужно было найти для детей безопасное убежище, где они могли бы прятаться до тех пор, пока он не решит, что ему делать с ними дальше.

Он долго лежал, слушая, как трещит оживающее пламя, и глядя, как играют отблески на детских лицах. Со скалы, с расстояния в несколько футов на него золотыми глазками посматривала маленькая ящерка. Вдали послышался вопль динозавра. А рядом с ним, окруженные глубокой мезозойской ночью, ровно дышали на своих постелях из веток двое детей. В конце концов он уснул.

* * *

Он проснулся на рассвете. Костер погас, но Карпентер не стал разводить его заново, потому что это отняло бы слишком много времени. Он отнес посуду для какао и три чашки в каюту к Сэму и, очистив, вымыл их в раковине. Затем он начал варить какао — с утра нужно было перекусить. Он собирался приготовить для детишек обильный завтрак, но позже, после того как будет найдено безопасное убежище.

Карпентер налил себе в чашку какао, оставил ее в каюте и вынес наружу посуду и оставшиеся две чашки. Дети еще крепко спали. — Просыпайтесь, ребятишки — самое время устроить на дороге небольшое представление.

Представление не было слишком долгим. Фактически, оно даже не добралось до дороги. Карпентер сделал две ошибки. Он вернул свой пистолет в кобуру на водительской дверце, а после отключения и перенастройки камуфлирующего поля так, чтобы Сэм снова принял облик трицератопса, он решил дать батареям короткий перерыв и выключил защитное поле. Когда он допил свой какао и спрыгнул с водительской кабины на землю, из-за зарослей гинкго появились и начали приближаться три фигуры. Одна двигалась с направления на десять часов, одна — на двенадцать и одна — на два. Каждая фигура была вооружена чем-то похожим на длинное серебристое ружье, и каждой ствол был направлен Карпентеру точно в грудь.

Глава 4

ФИГУРА, приближавшаяся с направления на двенадцать часов, оказалась женщиной. Она была высокой и худой и обладала безжалостным, красивым лицом. Ее черные волосы доходили до плеч, а на правый щеке был заметный шрам. Возраст у нее был примерно тот же, что и у Карпентера.

Остальные две фигуры оказались мужчинами. Они также были такого же возраста, как и Карпентер. Оба имели жесткие, бородатые лица. Фигура на направлении в десять часов оказалась тонкой и жилистой, на направлении в два часа — гораздо выше женщины. У высокого мужчины были крупные зубы, делавшие его лицо похожим на обезьянью морду. На его лице расплывалась улыбка.

Длинные коричневые волосы обоих мужчин явно нуждались в расческе, а их одежды состояли из запачканных комбинезонов и грязных ботинок. Женщина была одета так же.

Карпентер нащупал большим пальцем управляющий перстень, надетый на его указательный палец. Когда он нашел крохотную квадратную выпуклость, он нажал на нее, и Сэм, чья морда была направлена в сторону выхода из пещеры, рванул наружу и помчался по равнине, заставив женщину отпрыгнуть в сторону с дороги. Сэм несся с такой скоростью, что пассажирская дверь, которую Карпентер оставил открытой, захлопнулась.

Женщина и тощий, жилистый мужчина принялись стрелять в ящероход только перед тем, как он исчез в зарослях гинкго. Их ружья излучали что-то навроде лазерных лучей, но, судя по непрерывному и постепенно затихающему урчанию двигателя Сэма, который двигался все дальше по равнине, никто не смог попасть в цель.

Автопилот, включенный и запрограммированный при помощи перстня, должен вести Сэма на протяжении пяти миль, а навигационные приборы, также включенные при помощи перстня, уберегут его от опрокидывания в овраги и столкновения с деревьями.

Трое похитителей были в бешенстве, особенно высокий, с

обезьяньими зубами, который двинулся на Карпентера. Все это время Дидри и Скип стояли как статуи, держа в руках забытые полупустые чашки с какао. Теперь же Скип закричал: — Следите за ним, мистер Карпентер — он плохой парень!

Мрачное выражение лица высокого мужчины было видно даже сквозь бороду, а его прищуренные голубые глаза были так же мрачны, как и его лицо. Он остановился в нескольких футах от Карпентера. — Итак, у тебя есть приятель.

Карпентер кивнул. Отлично, если похитители думают, что есть кто-то еще, тот, кто удрал на Сэме.

— Что ты здесь делаешь? Откуда ты?

У высокого мужчины в ушах не было сережек-говорешек, и Карпентер подумал, что отвечать не было смысла. — Он из будущего, — сказал Скип. — Он не знает ни одного из марсианских языков.

— Заткнись! — рявкнул высокий.

Остальные похитители подошли поближе. — Он знает, куда направился его приятель. — сказала женщина. — Заставь его сказать нам, Флойд.

Высокий ткнул Карпентера стволом в грудь. — Мы не любим секретов. Куда он делся?

— Я же говорил вам, — крикнул Скип, — он не знает нашего языка!

Женщина подошла к Скипу и Дидри. — Тогда ты скажешь нам, — сказала она Скипу.

— Я не знаю.

Женщина повернулась к Дидри. — Я уверена, принцесса знает. Дидри посмотрела на женщину так, как будто та была червяком, который только что выполз из червоточины. Мгновенно придя в ярость, похитительница взвизгнула: — Ты скажешь мне, или я сломаю твою тонкую шею!

Дэдри плюнула ей в лицо. Женщина убрала одну руку со

своего ружья и размахнулась, целясь Дэдри в лицо. Карпентер, позабыв о Флойде с его ружьем, бросился к ним. Но Флойд не забыл о нем, и приклад его ружья описал дугу в направлении головы Карпентера. Благодаря боксерскому рефлексу Карпентеру удалось блокировать удар предплечьем, но он был сбит прикладом с ног и оказался на земле. Секундой спустя дульный срез ружья оказался в дюйме от его носа.

Дидри увернулась от удара женщины. Третий похититель шагнул к ним. — Большая машина навроде этой должна оставить следы. Давайте найдем ее по ним.

— Она не оставила их вчера.

— Мы просто не знали, где ее искать, и все. Давайте, шевелитесь.

Дульный срез ружья отодвинулся от носа Карпентера влево на дюйм, потом еще на дюйм. Затем исчез совсем. — Обыщи и свяжи его, — приказал Флойд худому, жилистому мужчине.

В карманах у Карпентера не было ничего ценного, из-за чего можно было бы беспокоиться. Его бумажник был в кабине Сэма, и он особо не переживал о своих часах. Однако у него были опасения насчет управляющего перстня. Если ему когда-либо представится шанс вызволить детишек и освободиться самому, будет мало хорошего, если он не сможет вызвать Сэма к себе.

Худой, жилистый мужчина вытащил из карманов Карпентера кошелек для мелочи и нож и забрал у него часы, но управляющий перстень он либо не заметил, либо посчитал его не стоящей внимания безделушкой. И он не заметил сережки-говорешки в ушах Карпентера, хотя, быть может, похитителям просто было все равно, понимает ли он, что они говорят, или нет.

После того как худой, жилистый мужчина связал ему руки за спиной куском белой веревки, который ему дала женщина, Флойд пнул Карпентера в ногу и указал в направлении гинкго. Они подтолкнули Дидри и Скипа в ту же сторону, хотя и не стали связывать им руки, после чего последовали за своими тремя пленниками.

— Похоже, — обратился Карпентер к Скипу, который шел рядом с ним, — я вас здорово подвел, ребята.

— Неправда, мистер Карпентер. Вы сделали для нас все, что смогли.

— Как зовут того, кто обыскивал меня?

— Фред. Высокого зовут Флойд — он главный. Имя женщины — Кейт. Четвертый должен быть в городе. Его зовут Хью, и он самый худший.

— Как он может быть хуже этих троих?

— Я не знаю как, но он еще хуже их.

— Заткнитесь! — взвизгнула Кейт.

Кейт, Флойд, Фред, Хью. Эти имена звучали как американские, так же как имена Дидри и Скип. Но Карпентер знал, что они не были американцами. И он знал кое-что еще.

Они были не просто похитителями. Они были террористами.

* * *

На равнине, в некотором расстоянии от зарослей гинкго был припаркован вездеход. Его вид напомнил Карпентеру лунный автомобиль Lunar Rover, взятый Скоттом и Ирвином с собой на Луну и оставленный там, хотя он был больше, имел как колеса, так и понтоны, а его внешний вид выдавал инопланетное происхождение. Пара гребных винтов в задней части могла опускаться для передвижения по воде. Из-за особенностей своей конструкции этот вездеход можно было назвать амфибийным багги.

Скипа затолкали на заднее сиденье, а Флойд и Фред уселись по бокам от него. Кейт толкнула ружьем Дидри и Карпентера в сторону переднего сиденья. Затем она уселась за руль, вставила свое ружье в специальное боковое крепление и включила багги. Рванув с места, она заложила крутой поворот и понеслась по следам Сэма, которые прорезали травянистый покров равнины подобно старой степной колее.

Солнце встало над горизонтом, и вместе с ним появились жара и влажность, обычные для верхнемелового дня. Но воздух был невероятно свежий, и хотя его свежесть не стерла ни жару, ни влажность, она сделала их более-менее сносными. К этому времени Карпентер прикинул, каким образом похитители обнаружили их лагерь. Камуфлирующее поле Сэма не работало в инфракрасном спектре, и похитители, должно быть, скользили на своих птеранодонах вдоль края скал, используя инфракрасные приборы ночного видения. Не надо было особенно сильно напрягать мозги для того, чтобы понять, что Карпентер с детьми направятся в сторону скал, однако чтобы сообразить, что трицератанк оборудован камуфлирующим полем, нужно было постараться. Было ясно, что он имеет дело далеко не с идиотами.

Карпентер мог ясно разглядеть правую щеку Кейт из-за лютиковой головы Дидри. Он рассмотрел ее шрам. Тот тянулся от верхней скулы вниз до края рта, делая ее губы гротескно искривленными вверх. Это мог быть след от ножа. Ножа Флойда? Фреда? Хью? Кто бы ни был его автором, она носила этот шрам с гордостью. Возможно, это был ее способ заявить своей цивилизации, что она посылает ее к черту; манифестом о ее ненависти ко всему человеческому. “Она не нуждается в нем”, - подумал Карпентер. Злости в ее глазах и так было предостаточно.

Она не знала, что Сэм, проехав пять миль, должен будет остановиться, и гнала на большой скорости, надеясь догнать трицератанк. Багги скакал на кочках и так и сяк. Оказалось, его двигатель был электрическим и потому практически бесшумным. Следы Сэма большей частью представляли собой прямую линию, время от времени огибавшую заросли деревьев. Багги никогда бы не смог догнать Сэма, держи он свою скорость постоянно, однако Сэм не был запрограммирован на это. Внезапно Кейт закричала: — Вот он! — и Карпентер увидел, что Сэм, промчавшись свои пять миль, остановился как раз посередине большого открытого пространства на равнине.

Кейт двинулась в направлении ящерохода, разогнав багги еще больше. На заднем сидении Флойд и Фред приготовились стрелять. — Может быть, — сказал Фред, — он сломался. А может, тот, кто управляет им, поджидает нас.

— Сбавь скорость, Кейт, — приказал Флойд.

Кейт сбросила скорость до черепашьей.

Примерно на полмили дальше от того места, где стоял Сэм, находилось большое стадо цератопсов. Карпентер стал задумчиво разглядывать его. Хотя его руки были связаны за спиной, пальцы оставались свободными, и он запросто мог дотронуться большим пальцем до управляющего перстня. Его первоначальный план заключался в том, чтобы отправить Сэма в еще одно путешествие длиной в пять миль, однако присутствие стада давало ему возможность сделать кое-что поинтереснее.

Он слегка наклонился вперед на своем сидении. Его левая рука все еще была онемевшей после удара прикладом, который он получил от Флойда, и онемение спустилось на пальцы. Но он вполне мог обойтись и без левой руки, потому что его козырной туз находился в правой. Карпентер осторожно повернул управляющий перстень большим пальцем правой руки, пытаясь найти округлую выпуклость. Отыскав, он нажал на нее.

Сэм начал двигаться “рысцой” в сторону своих “братьев”.

— Давай, Кейт! — закричал Флойд. — Он уходит!

Кейт рывком увеличила скорость. Сэм продолжал свою “рысцу”. Он будет двигаться, пока Карпентер нажимает нужную выпуклость на управляющем перстне.

Все, на что было способно багги — ехать с той же скоростью, что и Сэм. На заднем сиденье Флойд вскинул свое ружье, но левое колесо багги попало в яму, и лазерный луч угодил в небо.

Сэм подобрался к стаду достаточно близко. Динозавры не проявили к нему никакого интереса. Все они принадлежали к роду Triceratops elatus, который сменил на этой стадии мелового периода все предшествующие виды цератопсов. — Интересно, примут ли они Сэма? — подумал Карпентер.

Они уделили багги внимания не больше, чем ящероходу. Флойд выстрелил еще раз, но попал в дальнее дерево. — Давай, догони его, Кейт! Догони его!

— Я не могу!

Сэм присоединился к стаду.

Стадо шло на выпас. Динозавры собирались подкрепиться кустарником, и Карпентер мог почувствовать их едкий запах. Конечно, тот факт, что запах Сэма отличался от запаха животных, мог выдать его как чужака, однако стадо как ни в чем не бывало продолжало двигаться на пастбище. Возможно, от всех животных вместе стоял такой дух, что они не могли разнюхать что-нибудь еще.

Карпентер ослабил нажим на управляющий перстень, дав таким образом Сэму команду замедлить свою “рысцу”. Теперь он не мог разглядеть трицератанк — рядом с ним были одни цератопсы. Дидри хихикнула — она заметила управляющий перстень и догадалась о его истинном назначении.

— Который из них он? — закричал Флойд. — Который?

Сэм растворился в стаде.

Багги приблизился к стаду на опасное расстояние. Большой бык развернулся в их сторону.

Бык был даже больше, чем Сэм; он копнул лапой землю. Фред прицелился в него из ружья, однако выстрелить ему не удалось, потому что багги так ударился обо что-то, что чуть не взлетел в воздух. — Валим отсюда, Кейт!

Огромный бык копнул землю лапой еще раз, после чего понесся на них. Кейт сделала сумасшедший разворот на двух колесах и рванула в противоположную сторону. Фред и Флойд на заднем сиденье начали стрелять в мчащегося за ними быка, однако все время стреляли мимо. Багги снова обо что-то ударился, и на этот раз ему не хватило совсем немного, чтобы перевернуться, но Кейт не сбавляла скорость до тех пор, пока Флойд не крикнул: — Он остановился, Кейт — притормози!

Карпентер убрал большой палец с выпуклости на управляющем перстне и облокотился обратно на спинку сиденья, насколько ему позволяли связанные запястья. Сегодня террористы больше не собирались искать Сэма. Они не смогут найти его и завтра тоже, если только стадо не уйдет, и пока они верят в то, что за штурвалом Сэма сидит “приятель” Карпентера, они должны считать, что ящероход к тому времени будет далеко от них. Хотя, конечно, были шансы, что похитители вместо того,

чтобы искать Сэма, будут пытаться выяснить у Карпентера, куда его “приятель” припрятал ящероход.

Но это не было его нынешней проблемой, хотя, возможно, вскоре ему придется с ней столкнуться. Сейчас Кейт ехала в восточном направлении. Террористы везли своих пленников в город.

* * *

Внедорожное путешествие до Римена больше походило на охотничью экспедицию, чем на загородную поездку. Двое террористов на заднем сиденье стреляли в каждое животное, которое им попадалось, а Кейт то и дело останавливала багги и стреляла тоже. Никто из них не был хорошим стрелком, однако закон больших чисел был на их стороне. Они подстрелили трех орнитомимусов, двух анатозавров и пять больших ящериц. Когда багги обогнул большой пруд, они обнаружили гигантского аламозавра и дырявили его своими лучами до тех пор, пока он не погрузился в воду наполовину, превратившись в огромную кучу окровавленного мяса. Когда они натолкнулись на стадо троодонов, они повеселились по-настоящему. Кейт остановила багги, и они начали стрелять втроем. Троодоны были маленькими, страусоподобными созданиями, и верхушки их голов были украшены костяными хохолками. Террористы подстрелили шестерых, прежде чем до остатков стада дошло, что нужно спасаться бегством. Флойд и Фред спрыгнули с багги и забросили одну из туш на капот. Троодоновый суп вечером. Немного погодя Кейт, переехав на багги мелкий ручей, застрелила дромеозавра. Дромеозавр имел огромные глаза и относительно большой мозг, и за свое сходство с похожими на страусов эму был отнесен палеонтологами двадцатого столетия к эмуподобным рептилиям. Кейт прожгла ему голову.

Дидри выглядела измученной. Карпентер сам чувствовал себя неважно. Облака летающих насекомых жужжали над тушей, лежащей на капоте, затрудняя для Кейт управление багги, хотя, похоже, ей было все равно. Наконец показался город, верхушки его зданий виднелись за обширными зарослями саговников. Поздним утром в лучах солнца здания сияли меловой белизной; многие из них оказались пирамидальными. После того, как багги

въехало в заросли саговников, Карпентер увидел, что город был окружен стеной. Она была такой же белой, как и городские постройки.

Далеко слева от них он различил гигантское здание, отстроенное из белых блоков. Рядом с ним находилось несколько больших горизонтальных печей, похожих на вращающиеся горизонтальные печи, используемые для производства цемента; вблизи печей стоял огромный кран. Поросль из кустарника подобралась прямо к стенам здания и окружила кран. Ни здание, ни кран не использовались уже много времени. Стало ясно, что гигантское строение была заводом по изготовлению цемента.

Римен был построен из бетона.

Правда, это был сорт бетона, который Карпентер никогда прежде не видел. Он внимательно разглядел стену, когда багги подъехал к ней ближе. Она блестела, как полированный камень. Затем он увидел, что во многих местах бетон начал выкрашиваться.

Скип говорил, что город был построен почти пятьдесят лет назад. Несмотря на влажный климат, бетон должен был прекрасно сохраниться за прошедшие пятьдесят лет. Тот факт, что он начал разрушаться, доказывал, что строители больше заботились о красоте, чем о долговечности.

Через тысячи лет бетон станет пылью, а стальные нервюры, балки и колонны будут ржаветь под солнцем и дождем до тех пор, пока не превратятся в ничто.

Вдоль стены цвел декоративный кустарник из магнолий. Кейт вела багги вплотную вдоль стены; они подъехали к большим воротам, похожим на опускную решетку в средневековых замках. Фред спрыгнул на землю, протиснулся сквозь прутья решетки и начал возиться с горизонтальной стальной балкой, которая запирала ворота. Когда наконец она поддалась и скользнула в специальное гнездо, он толчком открыл ворота. После того как Кейт заехала внутрь, он закрыл их, потянул балку на свое место, а затем вскарабкался обратно на багги.

Стена оказалась по меньшей мере в двадцать футов толщиной. Она напомнила Карпентеру стену, которой когда-то был окружен древний Вавилон. Вряд ли стена, окружающая

Римен, была более долговечной.

Теперь багги был внутри города. Пирамидальные постройки, которые Карпентер видел издали, были основным типом зданий, но они оказались трех-, а не четырехсторонними. Здания, которые не были пирамидами, имели квадратную конструкцию, однако они были похожими на пирамиды из-за того, что каждый последующий этаж был уже предыдущего за счет узких террас, расположенных по его периметру. Окна в тетраэдральных пирамидах были треугольными, в квадратных зданиях — квадратными. Марсианская архитектура была монотонной и незамысловатой. Каждое окно было разделено пополам узкой вертикальной планкой или брусом, но ни в одном из окон не было никаких следов стекла. Квадратные здания были от пяти до восьми этажей в высоту. Поскольку окна в тетраэдральных строениях не располагались на одной линии, невозможно было понять, сколько этажей в них было, но пирамиды были гораздо выше квадратных зданий.

Треугольные пирамиды … Были ли они связаны с гигантскими пирамидами, которые Маринер 9 сфотографирует миллионы лет спустя? Карпентер нашел, что в это трудно поверить. Конечно, трехсторонние пирамиды в Элизиуме не могли быть построены так давно.

Кейт ехала по широкой аллее. Наконец она свернула на боковую улицу. Карпентер пожалел, что он не управляет Сэмом. У него было много оснований вспоминать о Сэме, но сейчас главной причиной были голографические камеры, установленные на трицератанке. Документальные кадры о марсианском городе в верхнемеловом периоде. У NAPS глаза полезут на лоб. Палеонтологи начали бы раскапывать все вокруг, чтобы выудить из земли доказательства, и если бы они ничего не нашли, им все равно пришлось бы смириться с фактом существования города.

Улица, по которой ехал багги, была покрыта более грубой разновидностью бетона, чем та, которая использовалась при постройке зданий и стены. Во многих местах она была покрыта трещинами. Кейт сделала еще один поворот. Карпентер пытался запомнить дорогу; он надеялся, что Дидри и Скип стараются запомнить тоже, и он подумал, что у них это должно получиться лучше.

Кейт ехала внутрь города все дальше и дальше. Саговники

росли на маленьких участках земли вдоль улиц и аллей. Время от времени за вереницей построек Карпентер замечал участки стены, и он понял, что город не был настоящим городом; что он мог приютить не более десяти тысяч человек — не из-за количества зданий, которых было более-менее достаточно, а из-за того, что большинство из них были складами, офисами и тому подобными постройками. Но слово “город” как-то засело у него в голове. — “Это было бы неромантично, — подумал он, — называть такое экзотическое место просто деревней.”

Когда он увидел на улице, вдоль которой ехала Кейт, пешехода, у него промелькнула мысль, что, вероятно, не все колонисты оставили город. Потом Карпентер догадался, что пешеход мог быть четвертым террористом, который, возможно, совершает утреннюю прогулку. Когда человек увидел приближающийся багги, он дождался их, а затем, отшвырнув бутылку, которую он нес, запрыгнул на подножку. Он был сложен как борец сумо и не имел ни волос, ни бороды. На нем был такой же комбинезон, как и на остальных террористах, только гораздо более грязный. У него были толстые, словно резиновые, губы и глаза, похожие на маленькие голубые агаты. От человека разило перегаром.

Он перегнулся через Карпентера и улыбнулся Дидри. — Итак, они привезли мою милашку обратно! — произнес он на удивление высоким голосом.

Дидри откинулась назад так далеко, как смогла. В ее глазах были оскорбленное достоинство — и ужас. Карпентер рванулся вперед, отталкивая террориста прочь. Террорист дружески улыбнулся ему. — И посмотрите, кого они привезли еще!

— Его приятель смылся на танке, — произнес Фред. — Мы собираемся отлично повеселиться, когда будем выяснять, где он его раздобыл.

— Он не с Большого Марса. Он не марсианин вообще.

— Мы пока не знаем, кто он такой, Хью, — сказала Кейт, — но мы обязательно узнаем.

Хью потрепал Карпентера по щеке. — Жду не дождусь.

* * *

Тайной базой террористов был один из квадратных домов с террасами. Когда Кейт притормозила перед ним, Карпентер заметил, что дом был пятиэтажным. Ворота у дома были достаточно большим, чтобы она смогла загнать багги задним ходом вовнутрь. Флойд толкнул Карпентера стволом в спину. — Двигай! Кейт обошла машину и открыла ворота. Когда все выбрались из багги, Фред закрыл их. Несмотря на инопланетный дизайн, они были такими же, как гаражные подъемные ворота двадцатого столетия.

Первый этаж представлял собой одну большую комнату. Из ее центра поднималась винтовая лестница. Судя по разбросанным там и сям разным вещам, террористы тщательно прочесали город. Рядом с дверью стояла длинная деревянная скамья, заваленная инструментами, которые, возможно, колонисты в спешке просто не стали брать с собой. Там были мотки проволоки, веревки на катушках, груды одежды, различное инопланетное оборудование, тарелки, кастрюли, сковородки; у дальней стены стояло что-то, похожее на кухонную плиту. Рядом с плитой находился шкаф, а недалеко от шкафа располагалась встроенная раковина, переполненная грязной посудой. Напротив шкафа стоял деревянный стол с шестью ножками, окруженный четырьмя стульями странного вида. На вычищенном участке пола рядом с ним лежали четыре замызганных матраса. Скомканные одеяла поверх матрасов выдавали в них импровизированные постели.

Окна были только на двух стенах, и комната освещалась только тем светом, который проходил через них. К этому времени солнце стояло прямо над головой, и свет едва достигал известняковой стены слева от Карпентера, поэтому он вначале не заметил фресок на ней. Когда наконец он рассмотрел их, он вытаращил глаза. Он увидел ярко-зеленые поля и холмы и темно-синее небо; реки, которые каким-то образом выглядели как каналы; он различил маленький городок в зеленой долине, и его дома были такими же, как дома в Римене. А вдали за городом он увидел гигантские трехсторонние пирамиды и одну огромную, невообразимых размеров четырехстороннюю, которые Маринер 9 сфотографирует в далеком, далеком будущем. И он понял, что видит восточный район Элизиума, не так, как его увидит Маринер 9, а так, как он выглядит сейчас, когда Марс знал жизнь.

Кейт толкнула его ружьем в спину. — Поднимайся!

Он взглянул на детей. Они смотрели на него. От отчаяния их голубые глаза потемнели. — Держитесь, ребята — я как-нибудь вытащу вас отсюда.

— Заткнись и двигай! — взвизгнула Кейт. Карпентер пробрался к лестнице через кучу барахла, которое террористы натащили в дом. Ему хотелось развернуться и вырвать у Кейт ее ружье, но он понимал, что будет мертв, не успев развернуться и наполовину. Обернувшись через плечо, он бросил прощальный взгляд на детишек. Взгляд должен был подбодрить их, но Карпентер знал, что он имел оттенок того же отчаяния, что поселилось в детских глазах. Затем он проследовал перед женщиной вверх по лестнице.

Глава 5

КАРПЕНТЕР ПОДНЯЛСЯ НА ЧЕТЫРЕ лестничных пролета. Каждый его шаг Кейт сопровождала тычком ружья в спину. Лестница была бетонной. Ее поверхность имела прекрасную гладкую отделку, правда, на ней уже начали появляться следы разрушения. Планировка здания наводила на мысль, что когда-то оно было отелем. Первый этаж включал в себя вестибюль. Восьмиугольная лестничная клетка на каждом последующем этаже была окружена восьмиугольным балконом, который везде, судя по количеству дверей, обеспечивал доступ к восьми комнатам. Окрашены были только двери — в безжизненный бледно-голубой цвет. Голый бетон, из которого были сделаны стены, пол и потолок, был похож на полированный камень. К сожалению, “полированный камень” во многих местах растрескался, а кое-где превратился в осколки.

Несмотря на все происходящее, Карпентер стал думать о том, что все квадратные здания в городе могли иметь такую же планировку, как это строение, которое, возможно, было не отелем, который использовался время от времени, а обычным многоквартирным домом.

Размышления обо всех этих стальных конструкциях, которые пришлось доставить с Марса на Землю во время возведения города, вызвали в нем благоговейный трепет. Раса землян двадцатого столетия никогда не могла себе даже представить транспортировку стальных строительных конструкций для целого города сквозь миллионы космических миль в эпоху рептилий, за более чем 74,000,000 лет до запуска русскими своего Спутника!

Ну ладно, конструкций, предназначенных не для города, а для маленького городка размером с деревню. Тем не менее это было потрясающее достижение. К тому же надо учесть невообразимое количество других вещей и самих колонистов, которые также были доставлены на Землю.

Но в одном отношении они облегчили себе транспортную проблему: они производили свой цемент на Земле, возможно, используя известняк из скал, а также земные глину и сланцы; и земные ингредиенты должны были также содержать по меньшей мере часть той загадочной добавки, которая придавала бетону

вид полированного камня.

На пятом этаже Кейт открыла дверь в одну из комнат. Краска на двери во многих местах облезла кусками, и Карпентер обнаружил, что дверь была сделана из стали. Если все двери в городе были стальными … Он снова ощутил благоговение. Но его благоговение прогнали воспоминания об отчаянии в глазах Дэдри и Скипа.

Большой Марс, при всем своем технологическом величии, не собирался освобождать от террористов двух детишек. Никто даже и не думал взяться за это дело.

Кейт втолкнула его в комнату за дверью. Флойд последовал за ними вверх по лестнице, и он присматривал за Карпентером с ружьем в руках после того, как Кейт поставила свое в сторону. Она приказала Карпентеру лечь на пол и затем начала связывать его лодыжки куском пластиковой веревки, который она принесла с собой. Веревка была длинной, и она обмотала ей ноги Карпентера на половину расстояния от лодыжек до колен перед тем, как завязать. Он надеялся, что Кейт не станет проверять веревку, которой Фред довольно небрежно связал его запястья. Она не стала, а, отвесив ему на прощание пинок по ребрам, удалилась вместе с Флойдом, закрыв за собой дверь. Карпентер не заметил на двери замка или ручки, однако он услышал холодный, бескомпромиссный щелчок.

В комнате было одно окно. К этому времени солнце прошло зенит, и на бетонный пол лег маленький параллелограмм света. В комнате ничего не было, кроме пыли. Казалось, ее стены и потолок насмехались над ним. Годы назад они были выкрашены в бледно-зеленый цвет, но большая часть краски облезла.

Он лежал на спине посреди пола. Сгибая и разгибая ноги, Карпентер подполз к стене и, согнувшись, сел у окна. Онемение в левой руке прошло, и он начал сгибать и разгибать кисти рук в запястьях назад и вперед. Благодаря Фреду ему можно было занять себя на всю катушку. Если на Большом Марсе и были бойскауты, Фред явно никогда не входил в их число.

Стараясь освободить свои руки, Карпентер изучил веревку, которой Кейт связала его ноги. Ее диаметр был примерно в полдюйма; можно биться об заклад, что веревка была нервущаяся или что-то вроде этого. Это его порадовало, так же как и

количество веревки, которое использовала Кейт. У него был наполовину готовый план.

С равнины до него доносился запах пышной растительности, а время от времени он слышал далекие пронзительные крики, ворчание и визг тероподов, зауроподов и орнитоподов. Карпентер слышал также слабый шум прибоя; он был уверен, что это звуки внутреннего моря, которое простиралось с юга на север почти через всю западную часть Северной Америки. Моря, в котором колонисты так боялись ловить рыбу. Конечно, их нежелание отчаливать на рыболовных судах было вполне понятным. Им пришлось бы справляться с длинношеими эласмозаврами, короткошеими плиозаврами, похожими на чудовищных ящериц тилозаврами и гигантскими мозазаврами. Колонистам определенно не повезло, потому что в море можно было получить хороший улов — эта стадия мелового периода изобиловала костистыми рыбами.

Параллелограмм света, медленно пересекая пол, постепенно становился длиннее. Запястья у Карпентера начали ныть. Похоже было, что веревка не собиралась поддаваться. Он ничего не пил, кроме какао утром, и его рот и горло пересохли. В течение дня сухость превратилась в жажду. В комнате было жарко, и даже небольшие усилия, которые ему приходилось тратить на то, чтобы сгибать и разгибать вперед и назад кисти рук, привели к тому, что на его лбу выступил пот. Вдобавок пот начал досаждать ему, заливая глаза. Карпентер старался думать о Дидри и Скипе. Вряд ли террористы причинят им какой-либо вред. Их старания вернуть детей обратно доказывало, что им все еще нужны их голоса для отправки новых радиограмм на Марс. Нет, пока они нуждаются в детях, они не должны навредить им. Но как насчет того, что они собираются делать с ними потом?

Отчаяние придало ему сил в попытках освободить руки. К этому времени Карпентер содрал кожу с запястий, но боли он больше не чувствовал. Он старался успокоиться. Дидри всего лишь ребенок, как и Скип. Наверняка даже террористы не убивают обычных детей. Было очевидно, что они не нанесли детям физического вреда — иначе Скип обязательно бы рассказал ему об этом. Но, возможно, они просто не успели навредить детям; быть может, они собирались сделать это. Он вспомнил, как Кейт собиралась ударить Дидри, и содрогнулся; затем он вспомнил, как Хью смотрел на девочку, и содрогнулся снова. Если Кью засеяли Марс, почему они не отбраковали негодное? Они

могли бы не допустить появление Флойда, Фреда и Кейт с Хью. Карпентер начал ненавидеть Кью, хотя он и сомневался в их существовании. Веревка вокруг его запястий немного ослабла, но он не мог даже начать высвобождать руки. Параллелограмм света добрался до дальней стены и норовил взобраться на нее. Он прислушался к тому, что происходило на улице, но ничего не услышал. Чем террористы могли быть заняты? Может, они отправились на свой космический корабль? Скип рассказывал, что он находится в миле к югу от города. Возможно, они взяли с собой детей, прибыли на борт корабля и сейчас отправляют радиограмму Большому Марсу. Если это действительно так, и они заставили Дидри и Скипа переговорить со своими родителями, дети им могут больше не понадобиться, и -

Карпентер заставил все свои мысли умолкнуть и сосредоточился на запястьях. Не будет ничего хорошего ни для него, ни для детей, если он свихнется, переживая за них. Световой параллелограмм коснулся потолка и начал уменьшаться в размерах. Карпентер снова попытался высвободить свои руки. Тщетно. Его рот и горло превратились в промокательную бумагу. Он продолжил работать кистями вперед и назад. Наконец он увидел, что световой параллелограмм исчез. В комнате воцарилась полутьма.

Вперед — назад, вперед — назад, вперед — назад. Полутьма уступила место ночи. Карпентер продолжал попытки освободить свои руки. Он натер их до того, что они начали кровоточить. Внезапно он услышал шаги на балконе и прекратил свою работу. Под дверью появилась полоска желтого света. Затем послышался щелчок, дверь распахнулась, и в комнату ступила фигура, несшая маленький фонарь. Это была Кейт.

Она закрыла за собой дверь и поставила фонарь на пол. Это был фонарь, непохожий на любые другие фонари, которые Карпентер когда-либо видел. Источником света был предмет, похожий на большое желтое яйцо. “Яйцо” располагалось на гнезде из разноцветной проволоки, к которому крепилась изящная рукоятка. Фонарь наполнил комнату теплым, мягким светом. Кейт уселась на пол с другой стороны от фонаря, вытянув ноги, и скрестила стопы. Она вытащила пару сережек-говорешек из нагрудного кармана и вдела их в уши. — Откуда ты взялся со своим приятелем?

— Из будущего Земли, — ответил Карпентер.

Она моргнула. Затем произнесла: — Ну, мы знаем, что ты не с Марса, и нам известно, что на этой планете нет человеческой жизни. Семь других планет солнечной системы мертвы, а это значит, что если ты со своим приятелем из другого мира, он должен быть частью другой звездной системы, и из этого следует, что ты, твой приятель и ваш нелепый танк пролетели на космическом корабле, который вы где-то спрятали, световые годы, чтобы добраться сюда. Во все это довольно трудно поверить; марсианские ученые говорят, что путешествия во времени возможны, так что, может быть, ты действительно из будущего

— Откуда вы знаете, что я не марсианин?

— Мы просто знаем, и все. Как далеко в будущем то место, откуда ты прибыл?

— Дальше, чем вы поверили бы.

— Что ты здесь делаешь?

— Занимаюсь голографической съемкой этой фазы прошлого.

— Куда смылся твой приятель?

— Вы сами видели. Он присоединился к цератопсам.

— У вас где-то должна быть база, куда он направился, не так ли?

— Когда я услышал твои шаги на балконе, — сказал Карпентер, — я был уверен, что ты несешь мне чего-нибудь перекусить.

— Может быть, твой приятель не один, а вас тут целая компания. Если это так, мы хотим знать, куда они все подевались. И еще нам нужен твой танк.

— Даже корочка хлеба пришлась бы кстати, — продолжал Карпентер, — глоток вина приветствуется тоже.

Кейт слегка наклонилась вперед. Мягкий свет фонаря сделал ее рубец менее резким, но он превратил ее карие глаза в бледно-

оранжевые. — Нам нужен твой танк, и мы получим его.

— Меняю его на детишек.

— Почему ты так заботишься о детях?

— Потому что они дети и они беззащитны. Что вам нужно от Большого Марса, чтобы они получили детей обратно?

— Они никогда не получат детей, что бы они не сделали.

— Мальчику девять лет, девочке одиннадцать. Вся их вина — это то, что они родились богатыми. Если уж вам так хочется насолить правительству Большого Марса за все те пакости, которые, как вы думаете, оно вам устраивает, или за то, что вы просто ненавидите его, пожалуйста — насолите ему, но после верните детишек обратно.

Кейт ухмыльнулась, и ухмылка растянулась вверх через шрам на ее щеке. — Ты принадлежишь к истеблишменту, правда? Элите того времени, откуда ты прибыл.

— Нет. Они и знать не знают обо мне. Я ненавижу нашу элиту так же, как вы ненавидите свою. У меня не больше возможностей уничтожить ее, чем у вас, но я бы не стал этого делать, даже если бы и мог, потому что другие, быть может, даже худшие, заняли бы их место.

— Хуже не будет, если все как следует спланировать.

— Люди, которые свергают власть предержащих, вообще не способны ничего спланировать как следует. Они только притворяются, что ненавидят элиту, а на самом деле все, что они действительно когда-либо хотели, это власть.

— Это глупцы навроде тебя, — сказала Кейт, — делают существование истеблишмента возможным.

— Я думаю, — продолжил Карпентер, меняя тему, — если бы вы действительно хотели получить мой — наш — танк, вы бы уже нашли его к этому времени с помощью ваших самолетов.

— Если бы мы попытались, твой приятель прыгнул бы в прошлое так же, как ты или он проделали это вчера.

И снова Карпентер понял, что имеет дело отнюдь не с дураками. Террористы не только догадались, где он прячется с детьми, они также сообразили, как он ускользнул от них. — Так или иначе, — сказал он, — я теперь знаю, почему вы так легко поверили, что я из будущего — и зачем вам нужен ящероход.

Кейт встала. — На самом деле нас не заботит, откуда ты. Она подняла фонарь. — Ты получил небольшую передышку с полудня, потому что нам нужно было подготовить следующее сообщение для Королевского Дома. У тебя будет еще немного времени ночью — мы хотим дать тебе подумать, что может случиться, если ты не расскажешь нам то, что мы хотим узнать. Я вернусь рано утром, и если ты не скажешь мне, где твой приятель прячет танк, я выжгу девчонке глаза.

* * *

После того, как Кейт закрыла дверь, щелкнув замком, в комнате стало темно, как в могиле. Отчасти тьма наступила из-за того ужаса, который Кейт нагнала своей угрозой на Карпентера, и нехорошего предчувствия, что она выполнит свои обещания. Эта часть тьмы осталось и после того, как его сетчатка приспособилась к обычной темноте и дала ему возможность видеть комнату в тусклом свете звезд, падавшем через окно.

Он снова начал яростно работать своими связанными запястьями, пытаясь высвободить то одну руку, то другую. Обе руки теперь кровоточили. Он потерял ощущение времени и был очень удивлен, когда к свету звезд в комнате присоединился свет луны. Поскольку окно выходило на запад, луна должна была пересечь меридиан.

В конце-концов кровь помогла ему высвободить руки — она была чем-то вроде жидкой смазки. Когда его правая рука выскользнула на свободу, он поднес ее к глазам и разглядывал так, как будто никогда до этого не видел. Затем он поднял левую руку. Она тоже была измазана кровью и выглядела так же странно, как и правая.

Карпентер развязал узлы на веревке, которой Фред связал его запястья. Это были домохозяйкины узлы; он удивился, как они

только держались. Затем он развязал узлы на веревке, которой Кейт связала его ноги. Они тоже были домохозяйкиными узлами. Размотав веревку, он встал и начал прохаживаться по комнате до тех пор, пока не прошло онемение в ногах и стопах. Затем Карпентер растянул на полу обе веревки. Похоже, они были одного сорта, а пальцы подсказали ему, что они имели одинаковый диаметр. Веревка покороче была длиной примерно два с половиной фута, длинная — около одиннадцати. Он подошел к окну и посмотрел вниз. Рядом с домом росли саговники, возможно, внизу был маленький парк; их высота не дотягивала до окна. Узкие террасы у основания каждого последующего этажа делали его немного меньше, чем этаж, который был под ним. Самая высокая терраса тянулась внизу на расстоянии нескольких футов от края подоконника. От следующей ниже террасы до подоконника было примерно футов двенадцать. Длины веревок вполне хватало.

Карпентер понял, что дрожит. Он боялся, что веревок не хватит. Когда его руки окрепли, он ощупал вертикальную планку, разделявшую окно надвое, так как света звезд и луны не хватало, чтобы как следует ее рассмотреть. Он ощутил своими пальцами крохотные выпуклости на ней. Планки, из которых состояли остатки оконной рамы, были сделаны вровень с оконным проемом, и его пальцы также нашли маленькие выпуклости, выступавшие из них. Карпентер догадался, что оконная рама была проектором силового поля, но его больше заботила прочность планки, чем ее назначение. Площадь сечения планки была приблизительно один квадратный дюйм. Карпентер взялся за нее двумя руками и потянул. Планка не поддалась. Он потянул сильнее, но планка прочно держалась на своем месте.

Он надеялся, что планки в других окнах окажутся такими же прочными.

Карпентер связал веревки вместе, используя тугой рифовый узел, и получил одну веревку общей длиной около тринадцати футов. Затем он свернул веревку в кольцо и накинул его на левое плечо. Когда он будет спускаться, ему придется заглядывать в каждую комнату на случай, если Дэдри и Скип будут заперты в одной из них, и даже перед тем, как начать спуск, ему будет нужно проверить другие комнаты на пятом этаже. Возможно, детишки все еще находились на первом этаже, но у него не было возможности узнать, так ли это на самом деле, поэтому единственное и самое верное, что он мог предпринять — это

проверять верхние этажи во время своего спуска вниз.

Карпентер был вполне уверен, что в каждой комнате имелось окно. Он представил себе фасад здания, на каждом этаже которого, за исключением первого, имелось по три окна, и вполне вероятно, что по три окна было на каждом этаже с других сторон. Это означало, что все угловые комнаты имели два окна, а в комнатах между ними, наподобие той, в которой он сейчас находился, было по одному окну.

Высунувшись в окно, он посмотрел вниз. Луна окрасила перьевидные листья саговников в серебристый цвет. Карпентер поднял глаза. Стоящий рядом дом уставился на него своими окнами. С правой стороны он мог видеть улицу, на которую выходил фасад дома похитителей. Она также была окрашена серебром. Карпентер посмотрел на луну; она навеяла воспоминания о костре в пещере и о детях.

Были шансы, что террористы все еще находились в доме. Выскользнув в окно, Карпентер опустил свои ноги на террасу, которая тянулась ниже подоконника. Ее ширина была около восемнадцати дюймов — идеальная дорожка для бывшего альпиниста навроде него.

Он начал двигаться боком вдоль террасы по часовой стрелке, лицом к стене. Перед каждым боковым шагом Карпентер обследовал террасу своей левой стопой на случай, если бетон обвалится. Когда он добрался до боковой комнаты, он заглянул внутрь. Она была пустой.

Карпентер обогнул угол здания. Теперь он был отрезан от лунного света, и все, что он мог увидеть, был свет звезд. Это был добрый, мягкий свет. Он увидел три окна и окончательно убедился, что все стороны здания одинаковы.

Карпентер проследовал мимо другого окна угловой комнаты и заглянул в следующую; в ней также никого не было. Продолжив обход здания, он обнаружил, что весь пятый этаж был пустой.

Пришло время начать спуск.

Он находился теперь у окна угловой комнаты, расположенной к югу от помещения, в котором он был заперт. Он с силой потянул вертикальную планку; она не сдвинулась с места.

Размотав веревку, он привязал один конец к вертикальной планке, используя альпинистский узел наподобие “удавки с полуштыками” [5]. Узел не соскользнет, пока веревка будет натянута, но его можно будет легко развязать после спуска, находясь внизу, когда веревка будет ослаблена. Он начал спускаться, перебирая руками, на следующую террасу. Несмотря на ярко светившую луну, он мог различить над собой звезды. Звезды мелового периода. Карпентер различил оранжевую булавочную головку Марса. Он нашел странным видеть эту планету на небе. С тех пор как он оказался в марсианском городе, он наполовину поверил, что он на Марсе. Древнем Марсе богатых зеленью холмов и долин, и рек, выглядевших как каналы, и трехсторонних пирамид, которые переживут 74,000,000 лет и, возможно, переживут вечность.

Несмотря на то, что каждый последующий этаж был немного уже предыдущего, окна здания располагались одно над другим, и для того, чтобы добраться до следующий террасы, ему пришлось спускаться прямо мимо окна, расположенного над ней. Это был рассчитанный риск. Отсутствие какого-либо света из проема внизу успокоило его, но он не расслаблялся до тех пор, пока не встал напротив окна и не увидел, что в комнате за ним никого нет.

Достигнув террасы, он развязал узел. Свернув веревку в кольцо и повесив ее на плечо, он снова начал обходить здание по часовой стрелке. Он обнаружил, что комнаты с западной и северной стороны также были пусты. Затем, обогнув угол с восточной стороны, он увидел свет, исходящий из дальнего углового окна — свет, который ему не удалось заметить сверху, потому что он двигался, прижавшись лицом к стене.

Карпентер замедлил шаг, стараясь не выдать себя звуком. Он заглянул в среднюю комнату, обнаружив, что она была пустой. Когда он почти дошел до освещенного окна, он остановился и заглянул в комнату через его край. Кейт, Флойд и Фред сидели вокруг шестиногого стола, на котором стояли фонарь Кейт, или другой, точно такой же; большая бутыль и четыре кружки. Хью стоял возле двери, держа другой фонарь. По всей видимости, он собирался выйти. В комнате не было никаких признаков Дидри и Скипа. Распахнутые дверцы большого, от пола до потолка, шкафа открывали вид на полки с выстроившимися бутылями, похожими на бутыль, стоявшую на столе.

Тайный бар террористов?

Карпентер убрал голову, чтобы его не заметили. Террористы спорили. Он обнаружил, что может различать все четыре голоса. Голос Флойда был грубым и скрипучим, Фреда — немного хриплым, Хью — как голос ирландского тенора. Голос Кейт, конечно, выделялся из всех.

Хью произнес: — Не вижу причин так спешить. Кирк не выйдет на связь раньше полуночи.

— Ты все равно поедешь, на случай, если он свяжется с нами раньше, — ответил Флойд.

— Он не свяжется, — возразил Хью.

— В любом случае ты поедешь! — повторил Флойд.

Хлопнула дверь.

— Ты не должен отправлять его, — раздался голос Кейт. — Он пьян. Он прикладывался весь день, и он может загнать багги в трясину.

— Тебе не нравится идея отправить его — поезжай сама! — ответил Флойд.

— Ты не имеешь права требовать от женщины, чтобы она поехала к кораблю впотьмах!

— Тогда заткнись, Кейт!

— С миллионами на полпути, Флойд, ты отправляешь пьяного устанавливать радиосвязь! — сказала Кейт.

— Остыньте вы оба. Хью получит сообщение от Кирка, и все будет нормально, — вмешался Фред.

— Почему он не может связаться с нами днем? Какая там ему на Марсе разница, ночь на Земле или нет? — поинтересовалась Кейт.

— Кирк такой забавник, — отозвался Фред.

— Как ты думаешь, они заплатят нам? — спросила Кейт.

— Лучше бы им заплатить! — ответил Флойд.

— Если они заплатят, — сказал Фред, — может быть, нам надо будет просто согласиться на деньги и забыть сказать им, чтобы они начали раздавать больше разных вещей бедным, распустили Разведывательную Службу, удвоили социальные выплаты и сделали прочие вещи, о которых мы собирались сообщить им завтра.

— Ты больной, Фред, — произнесла Кейт.

— Я, быть может, и вижу смысл заставить их распустить Разведывательную Службу. Возможно, это для нас и неплохо. Но какая нам будет польза, если мы заставим их раздать больше еды бедным и удвоить социальные выплаты? Единственно, что для нас на самом деле важно — это миллионные выплаты.

— Мы можем заставить их выплатить огромные деньги, в любом случае нам нужно заставить, когда завтра мы снова устроим для наших ребяток сеанс радиосвязи, и мы сделаем это!

— Может, они не так сильно нуждаются в возвращении принцессы и принца, как вы оба думаете, Флойд. У короля полно племянников и племянниц, которые могу стать его наследниками.

— Ты кое-чего не знаешь, Фред, — возразила Кейт. — Традиция гласит, что трон наследует старший ребенок, независимо от пола. Вот что правит Большим Марсом — традиция. Ни король, ни Парламент, ни Первый Спикер. Традиция. В истории Королевского Дома никогда не было такого, чтобы не нашлось наследника или наследницы. Отсутствие наследника трона может поставить всю страну на колени. Поэтому Парламент или Первый Спикер сделают все что угодно, чтобы вернуть принца и принцессу обратно. Все что угодно!

Флойд рассмеялся: — Для того, чтобы в любом случае не получить их обратно!

— Я хочу сама заняться принцессой, — продолжила Кейт, — этой грязной маленькой аристократкой!

Карпентер содрогнулся.

Разговор перетек от детей к нему. Кейт уже сообщила Флойду и Фреду о том, что Карпентер объявил себя человеком из будущего, и оказалось, что они поверили этому так же легко, как и сама Кейт. Несомненно, по этой же причине они поверили и в прыжок Сэма в прошлое. Но никто из них не думал, что он из столь далекого будущего. Они говорили об одной или двух тысячах лет. Это привело его к заключению, что Кью собираются засеять Землю очень скоро, несмотря на геологическую активность.

Они продолжили обсуждать, куда его приятель мог спрятать танк. Фред заявил, что, возможно, в горах. Кейт полагала, что, быть может, он отправил танк в будущее. Флойд ответил, что он так не думает. Затем Кейт сообщила, что они отправятся искать танк завтра утром, потому что Карпентер — они называли его Человек из Будущего — расскажет им достаточно, чтобы не дать ей выжечь принцессе глаза. Она продолжала удивляться, почему его приятель не прыгнул на танке назад в прошлое, когда они преследовали его, и пришла к выводу, что он не предполагал, что им известна эта его способность, и он не хотел, чтобы они увидели его исчезновение. Затем она, Флойд и Фред начали толковать, на что они собираются потратить выкуп. Оказалось, что каждый из них хотел накупить кучу дорогих вещей — одинаковых вещей, предположил Карпентер. Представители истеблишмента, которых они презирали, пооткрывали так много магазинов.

Он услышал все, что хотел. Чтобы не рисковать быть замеченным проходящим мимо окна, он обошел здание против часовой стрелки, добрался до южной стороны и заглянул в последнюю комнату четвертого этажа — промежуточную комнату на другой стороне от той, на которой террористы устроили свое собрание. Обнаружив, что она пуста, он спустился на террасу третьего этажа.

Он снова начал огибать здание по часовой стрелке, стараясь услышать звук багги. К этому времени Хью должен вывести его на улицу. Очевидно, он этого не сделал, что подразумевало, что Хью все еще в здании. Добравшись до северной стороны, которая выходила на улицу, Карпентер посмотрел вниз, приготовившись увидеть багги, выезжающий из ворот. Багги не было. Холодок пополз по его спине. В этот момент он заметил свет в среднем окне.

У него была плохая привычка думать о худшем, чем он в данный момент и занимался; но сейчас для этого были основания — приблизившись к окну, он услышал все, что говорил Ирландский Тенор. — Тебе некуда деваться, моя милашка. Заглянув в окно, он увидел Хью, стоявшего посередине комнаты. Он подвесил свой фонарь на крючок, прикрепленный к стене; фонарь наполнял комнату мягким светом. Комната была немного меньше той, в которой заперли Карпентер, но, несмотря на освещавший ее мягкий свет, она была не менее уродливой.

Скип лежал в углу, крепко связанный. Веревки Дидри лежали у ее ног. Они были разрезаны, но Карпентер нигде не видел ножа. Она пятилась к правой стене. Ее блузка была сорвана, а сорочка разодрана посередине. Ее лицо было таким же белым, как тогда, когда Карпентер увидел ее на гингко, и ее похожие на осенние астры глаза были наполнены ужасом. Хью сделал к ней шаг. Другой. С угла его похожего на резиновый рта вытекла струйка слюны. Она попыталась отступить назад еще, но не смогла. Стены в комнате были выкрашены в голубой цвет, но в глазах Карпентера они стали красными. Он скинул моток веревки со своего плеча; он даже не заметил, как моток выскользнул из его пальцев и упал на улицу рядом со стеной здания. Его глаза видели только комнату.

И Хью.

Глава 6

ХЬЮ НЕ ЗАМЕТИЛ Карпентера, скользнувшего через окно, он видел только Дидри.

Он не замечал его до тех пор, пока Карпентер не встал между ним и Дидри. Дидри не замечала его до этого тоже. Она тихо и коротко вскрикнула.

— У него нож, мистер Карпентер! — крикнул Скип.

Если у Хью и был нож, его не было видно. В любом случае Карпентер не беспокоился. Вряд ли Хью сразу возьмется за нож, чтобы разобраться с таким относительно хилым противником.

Похоть в его глазах обратилась в ярость. Но эта ярость была как обезжиренное молоко по сравнению с яростью Карпентера. Ярость Карпентера была холодной и расчетливой. Он понимал, что должен позволить Хью сделать первый шаг. Хью мог иметь мускулы марсианина, но он был в полтора раза больше Карпентера.

Вы всегда должны вынудить более крупного человека атаковать вас, чтобы использовать его вес против него самого.

Хью начал говорить Карпентеру какие-то слова, которые сережки-говорешки не могли перевести. Вероятно, слова были ругательствами, не имеющими англо-американского эквивалента.

Конечно же, это должна была быть грязная нецензурная брань.

Внезапно Хью броском преодолел несколько футов, которые отделяли его от Карпентера. Карпентер дождался момента, когда вся масса здоровяка пришлась на правую ногу, и пнул его в правую коленную чашечку. Хью сдавленно хрюкнул и рухнул, как гора. Карпентер нацелился пнуть Хью в глотку. Хью схватил его за стопу, вывернул ее и свалил Карпентера на пол; затем человек-гора оказался сверху.

Карпентер пытался вывернуться из-под сокрушительного веса. Толстые пальцы нашли его горло; их сила потрясла его.

Малая сила тяжести на Марсе будущего имела множество подтверждений, однако Хью был с Марса настоящего. Аргумент Скипа о том, что сила тяжести на Марсе будущего была больше, чем представлялось жителям Земли, был бездоказателен, однако гипотеза о большей, чем предполагалось, силе тяжести на Марсе настоящего получила блестящее подтверждение. Хотя Карпентер всего лишь пытался разжать пальцы Хью, это дало ему представление о том, насколько действительно силен был этот человек, и он просто не мог бы быть таким сильным, если бы на Марсе он весил меньше, чем на Земле.

С научной точки зрения это было невозможно, однако факты — вещь упрямая.

Карпентеру не удавалось разорвать хватку Хью, в отчаянии он двинул его коленом в пах. Хью хрюкнул, и его хватка ослабла. Карпентер вывернулся из-под человека-горы. Пошатываясь, он встал на ноги. Хью неуклюже поднялся на свои. Его челюсти были широко открыты, и Карпентер сделал то, что должен был сделать в первую очередь: он пробил боковой правый. Но он потерял равновесие, удар получился слабый и попал Хью в висок. Тем не менее, Хью почувствовал его. Карпентер пробил левый. Хью блокировал его правым предплечьем, но его левая рука все еще была опущена, и он был открыт для удара справа. — Нож! Нож! — закричал Скип, — в его рукаве! Но Карпентер уже пробил правый. Нож появился в правой руке Хью как по мановению волшебной палочки. Он начал опускаться к правой руке Карпентера, в то время как правый кулак Карпентера двинулся в направлении челюсти Хью. Кулак выиграл гонку, но долей секунды позже клинок вонзился Карпентеру чуть выше предплечья, рассекая плечевую артерию. Из раны мгновенно хлынула кровь.

Карпентер знал, что у него осталось совсем немного времени. Его правая рука теперь не действовала, но Хью был сильно оглушен ударом. Хотя он все еще держался на ногах, его глаза стали стеклянными. Карпентер подключил левую, затем пробил правой. Однако его силы истекали, и на хороший удар их не хватало. Он пробил еще один левый. Хью шатался. Карпентер стоял в луже своей собственной крови. Еще левый. Хью продолжал качаться. — Ради Бога — падай! — прошептал Карпентер и замахнулся снова. Наконец человек-гора рухнул на пол; нож все еще был зажат в его руке.

Карпентер понимал, что ему нужно остановить кровотечение

как можно быстрее. Он попытался расстегнуть свой ремень, но он мог работать только одной рукой. Рядом с ним появилась Дидри. Она расстегнула его ремень, вытянула его из брюк, обмотала верхнюю часть руки и застегнула, соорудив тугой турникет. — Быстрее, крошка, — прошептал он, — разрежь веревки Скипа. Но она уже вытащила нож из руки Хью и подскочила к своему брату. Она разрезала его веревки, затем отбросила нож и стала искать свою блузу. Обнаружив ее, она оделась и тут же вернулась к Карпентеру.

Указательным пальцем левой руки он нащупал выпуклости на управляющем перстне. Он надеялся, что ни одна из них не была случайно нажата во время драки с Хью. Кнопка вызова была крохотным шестигранником; он отыскал и нажал ее. Он никогда не думал, что будет так отчаянно нуждаться в Сэме.

Скип уже присоединился к своей сестре. Его тонкие черты выражали страдание. Он посмотрел на порез на руке Карпентера; кровотечение остановилось. Он всмотрелся Карпентеру в лицо: — Вы в порядке, мистер Карпентер? Вы в порядке?

— Я в порядке, — солгал Карпентер. — Уходим, ребята. Нам нужно выйти из города. Сэм уже в пути. Комната слегка качнулась перед его глазами. Он заставил себя остаться на ногах. — Нам нужно торопиться. Трое других наверху и могут услышать нас. Возьми фонарь, Скип.

Дидри толкнула дверь, и они вышли на балкон. С верхнего этажа донесся звук голосов и шагов. Посмотрев наверх, Карпентер увидел лицо Кейт в свете фонаря. Он услышал ее режущий слух высокий голос. — Он уходит! Он уходит вместе с детьми!

Они помчались вниз по лестнице — Скип впереди, Дидри за ним, Карпентер замыкающим. Сверху раздался яростный топот. Фонарь неистово раскачивался в руке Скипа. Были ли ружья в той комнате, где террористы пряли нити судьбы во время своего застолья? — подумал Карпентер. Он их не заметил. В любом случае, они были бы бесполезны на винтовой лестнице.

Второй этаж. На взгляд Карпентера, лестница завернулась несколько круче, чем должна была. Он заставил ее вернуться на место. Большая комната на первом этаже. — Багги! — вскричал Скип. — Давайте возьмем их багги!

Он был припаркован прямо у гаражных ворот. Скип поставил фонарь на пол и вскарабкался за руль. Карпентер направился к воротам. Он видел, как Флойд закрывал их, и знал, что ворота не были автоматическими. У их основания был глубокий паз. Просунув в него пальцы левой руки, он потянул ворота вверх. Ворота не сдвинулись с места. Дидри присоединилась к нему и просунула свои пальцы в паз рядом с его. Вместе они подняли ворота. Либо она была сильнее, чем выглядела, либо у Карпентера оставалось сил больше, чем он думал, однако ворота плавно скользнули вверх.

К этому времени Скип завел мотор у багги. Трое террористов с Кейт во главе уже вовсю топали ногами на последнем лестничном пролете; они были безоружны. Свет фонаря освещал всю комнату и Карпентер увидел, что три их ружья были прислонены к кухонной стене.

Дидри подтолкнула его к багги. — Забирайся первой, крошка, — сказал он. После того, как она взобралась на багги, он поднял фонарь своей левой рукой и швырнул его со всей силой, которой у него осталось совсем немного, в сторону замызганных лежанок. Фонарь разбился об пол прямо перед ними, взорвался, и огненные пальцы электрических разрядов дотронулись до скомканных одеял. Террористы испуганно застыли у подножия лестницы; Кейт первой пришла в себя. — Флойд! Фред! Закройте ворота, чтобы они не смогли уйти! Я возьму ружья. Она направилась на кухню, обходя пламя. Флойд и Фред бросились к воротам.

Дидри схватила Карпентера за руку. Она наполовину втащила его на переднее сиденье рядом с собой. Скип нажал на акселератор, и не успели Флойд и Фред пробежать и половину расстояния до ворот, как багги вырвался на улицу.

* * *

Город. Он был чем-то нереальным в глазах Карпентера. Здания раскачивались, улицы колыхались, саговники размахивали перьевидными листьями. Небо тоже было нереальным. Звезды кружились в вихре, а луна была танцующим, сияющим мягким светом диском.

Разозлившись, он вернул зданиям, улицам и саговникам точную фокусировку; зафиксировал звезды и луну на своих местах.

Сидящая рядом с ним Дидри ослабила, а затем снова затянула турникет. Странно, что принцесса Большого Марса должна прислуживать простому водителю вездехода. Что-то похожее на крохотную звездочку на мгновение блеснуло на ее щеке. Если бы он не знал ее лучше, он бы поклялся, что это была слеза.

Карпентер старался вспомнить маршрут, которым Кейт следовала на секретную базу, но у него ничего не вышло. Улицы и аллеи были похожи на лабиринт. Скипу, похоже, вспоминать ничего не пришлось — он так лихо объезжал углы и несся вдоль извилистых улиц, как будто был водителем в этом городе всю свою жизнь. Когда дом террористов оказался далеко позади, он включил у багги фары. Вскоре появились ворота.

Скип затормозил перед ними и выскочил из машины. Дидри соскользнула со стороны водителя, и они начали пытаться сдвинуть с места большую стальную балку, которую Фред с таким трудом вернул в специальное гнездо. К этому времени Карпентер наполовину выбрался из багги; затем он увидел, что покидать машину ему не нужно, потому что балка поддалась детским усилиям. Они распахнули ворота. Карпентер обессилено упал обратно на свое сиденье, Дидри скользнула рядом с ним с водительской стороны. Вернувшись за руль, Скип рывком вывел багги из города.

— Сэм, — произнес Карпентер, удивляясь, почему его голос звучит как бы издалека, — он может появиться в любую секунду.

Скип свернул немного влево, и они очутились в зарослях саговников, через которые багги проезжал на пути в город. Затем Скип свернул еще левее и последовал курсом, параллельным городской стене. Карпентер хотел объяснить, что Сэм может появиться здесь в любую секунду, потому что когда кнопка вызова на управляющем перстне активирована и ящероход во всю прыть несется в направление места нахождения перстня, но по какой-то причине слова в его разуме никак не могли преодолеть расстояние до его языка. В любом случае, его объяснения оказались ненужными, поскольку багги выехал из зарослей на

открытое пространство, освещаемое звездами и луной, и на это же пространство, лязгая гусеницами, выкатился знакомый силуэт.

— Сэм! — вскричал Скип, затормозив багги. — Вот это да!

Луна запрыгала вверх и вниз, и звезды снова закружились в вихре. Сэм, казалось, колыхался в лунном свете. Почему Скип не вылезает из багги? — Скип, — пытался выкрикнуть Карпентер, — выбирайся оттуда! Но ему так и не удалось произнести эти слова вслух.

Дидри перелезла через колени Карпентера и помогла ему выбраться из багги.

Мальчик проехал немного вперед и всмотрелся в освещенный фарами участок. Затем он нажал на акселератор, и багги резко рванул вперед. — Скип! — попытался выкрикнуть Карпентер, но его губы не издали ни звука. Затем мальчик спрыгнул с водительского сиденья, приземлился на ноги и сделал ловкий кувырок. Багги продолжал нестись вперед. Затем он остановился. Внезапно Карпентер увидел, что машину затягивает в самую середину трясины.

Скип бегом вернулся обратно. — Я запомнил это место, когда мы искали корабль. Это зыбучие пески.

Понтоны помогли багги совсем чуть-чуть, не больше. Он начал тонуть. Его фары погасли. В лунном свете было видно, что багги теперь стал возвышаться над поверхностью на уровне колен. Внезапно раздалось громкое ПЛУП! и он исчез из виду.

Быть может, если бы сотрудники NAPS во время полевых исследований копнули поглубже, они нашли бы окаменевшие останки настоящего инопланетного вездехода.

Сэм коснулся Карпентера сбоку, как огромный пес, ласкающийся к хозяину. Карпентер нажал шестиугольную выпуклость, отключив ящероход от дистанционного управления. Затем он отыскал на двери с пассажирской стороны встроенную ручку и открыл замок. Дверь распахнулась. — Я поведу его, мистер Карпентер, — сказал Скип, — я знаю, как им управлять.

Карпентер не сказал ничего. Он привалился к гусенице Сэма. Он чувствовал руки, поддерживающие его, но эти руки не были

достаточно сильными, и он продолжал сползать вниз. Вскоре он ощутил землю под своей спиной. Он взглянул на небо; оно превратилось в карусель. Луна обернулась серебряной лошадкой, которая все бежала и бежала по кругу. Карпентер попытался взобраться на нее так же, как он делал это, когда был маленьким мальчиком, но лошадка ускользнула от него, а карусель закружилась все быстрее и быстрее и, наконец, закрутилась так быстро, что сорвалась стрелой во тьму и исчезла.

Глава 7

КАРПЕНТЕР ЛЕЖАЛ в церкви на одре. Он был уверен, что умер.

Нет, не в церкви. В кафедральном соборе.

Белые колонны с обеих сторон, возведенные из больших, сложенных друг на друга квадратных блоков известняка, поднимались до высокого сводчатого потолка, который тоже оказался известковым и свет от которого отражался вниз, в обширный неф.

Он не мог видеть стены собора. Возможно, потому, что они были слишком далеко.

Да, он определенно умер, потому что рядом с ним сидела девочка-ангел. Она плакала.

На коленях у нее была миска, а в руке она держала ложку. В миске был куриный суп. Он мог бы сказать это по запаху.

Его одр был приподнят с одной стороны и опирался на что-то таким образом, что, хотя Карпентер лежал на нем, он был в полусидячем положении. Кто-то накрыл его одеялами.

Ложка в руке ангела коснулась его губ, и он проглотил ее содержимое; да, это был куриный суп. Он согрел его горло. Он проглотил еще одну ложку.

Почему это ангел кормит его куриным супом, если он умер?

Все растаяло перед его глазами.

Когда он снова открыл глаза, ангел все еще сидела рядом. Она больше не плакала, но ее глаза были влажными. Они были голубыми и походили на сентябрьские астры после дождя.

Миска с супом все еще была у нее на коленях. Или, быть может, это была другая миска; он не знал, как долго был без сознания. Была ли это другая миска или нет, но по запаху он понял, что в миске был куриный суп. Ложка коснулась его губ, и

он сделал большой глоток. Это был хороший суп. Самый лучший суп, который он когда-либо пробовал.

Неф собора теперь был виден более отчетливо. Он мог рассмотреть одну из его стен, находящуюся на довольно значительном расстоянии. Она больше походила на большую кучу камней, чем на стену. Слева от камней был вход, заросший диким виноградом. Судя по лучам солнца, пробивающимися между виноградными лозами и разукрасившими пол арабесками, снаружи должен быть или полдень, или утро.

Какой странный вход для кафедрального собора!

Снова ложка. Он проглотил еще одну порцию куриного супа. Затем появился маленький контейнер молока с трубочкой. Он потянул молоко через трубочку. Судя по тому, что молоко было холодное, оно должно было быть из холодильника Сэма.

Сэм?

Да. Сэм. Его трицератанк.

Он услышал журчание. Оно походило на журчание ручья.

Он снова провалился в беспамятство.

Когда он очнулся, он увидел два лица. Одно из них было лицом ангела, другое — лицом мальчика. Он узнал мальчика. Его звали Скип. Затем он узнал ангела. Это была принцесса Большого Марса.

Был ли это ее дворец?

Еще куриного супа. Ложка за ложкой. И снова молоко. Он выпил половину контейнера. Или, может быть, весь контейнер; он не знал.

Он вспомнил — что-то случилось с его правой рукой. Он посмотрел на нее. Она была аккуратно перевязана от середины предплечья до середины плеча. Остальное было обнажено.

Его другая рука тоже была обнажена. Так же, как и его плечи. И куда подевалась его рубашка?

Его брюки исчезли, также, как и ботинки. И его нижняя одежда. Он лежал раздетым под одеялами.

Должно быть, в один из тех промежутков времени, в которые он находился без сознания, кто-то раздел его.

Или, возможно, его раздели перед тем, как уложить.

Это было неправильно. Он должен быть одет в новенький, с иголочки, костюм.

Неужели он все-таки не умер?

Он снова отключился.

На этот раз он был на Земле настоящего. И кого он видит — конечно же, это мисс Сэндз. Она в своем кабинете в отделе хронологии, и он только что вошел туда. Он давно собирался сказать ей о безответной любви, которая горела в его груди, но он никогда не осмеливался. Но теперь он был новым Карпентером. И пусть она посмеется над его словами, если уж это должно случиться, но он должен сказать ей.

Он смело пересек комнату и, приблизившись к ее аккуратному рабочему столу, остановился напротив нее. — Мисс Сэндз, — сказал он, — столетиями поэты воспевали любовь с первого взгляда, только для того, чтобы быть осмеянными своими циничными современниками. Я хочу признаться здесь и сейчас, что циники, а не поэты, были глупцами, потому что с самого первого раза, когда вы появились у меня перед глазами, мисс Сэндз, безумная любовь поразила меня, как гром среди ясного неба, и с тех пор я был сам не свой. Месяцами я боготворил вас издали, не решаясь открыть свои чувства, потому что я знаю, что моя любовь безответна. Но это слишком дорого мне обходится — откладывать тот момент, когда я сложу мою любовь к вашим ногам, даже если она вам не нужна, даже если вы отвергнете ее с презрением. И вот здесь и сейчас я предлагаю вам свою любовь, мисс Сэндз, и вы можете делать с ней все, что вам будет угодно: зашвырнуть ее в угол, если на то будет ваша воля, или растоптать ее с презрением ногами.

* * *

Когда он вновь очнулся, он обнаружил, что может сидеть и ему больше не нужно опираться спиной о приподнятую часть его одра, и обнаружил также, что его “одр” был сооружен из одеял, сложенных на лежанке из веток. Справа и слева от него были похожие постели, а рядом с его собственной лежанкой сидела на свернутом одеяле вездесущий ангел с миской куриного супа — принцесса Большого Марса.

— Почему ты плачешь, крошка? — спросил Карпентер, и она отвернула от него свое лицо. Но потом она повернулась к нему обратно, и снова появилась ложка с обжигающим горло куриным супом.

Рядом с принцессой Марса уселся ее брат Скип. — Похоже, вы идете на поправку, мистер Карпентер! Вы поправляетесь!

Карпентер увидел, какой чистой была их одежда. Как будто они посетили прачечную-автомат. Конечно же, на Эридане не было прачечных-автоматов.

Появился контейнер с молоком, на этот раз без трубочки. Он отпил из него.

Посмотрев налево, он увидел Сэма. Ящероход был припаркован на порядочном расстоянии от увитого виноградом входа. Камуфлирующее поле было отключено, и Сэм лишился хвоста и ног. Встроенный в его гофрированный головной гребень поисковый прожектор был направлен вверх, в высокий потолок, и отраженный от потолка свет прожектора освещал неф.

Косые солнечные лучи снова светили сквозь виноградные лозы на входе. — Сейчас утро или обед? — спросил Карпентер.

— Утро, — ответил Скип.

— Я слышу, где-то бежит вода.

— Это подземный ручей.

— Я надеюсь, ребята, что вы не пили эту воду.

— Нет. Мы знаем, что есть кое-что получше. Мы использовали для питья воду из бака Сэма. В ручье мы только

стирали. Мистер Карпентер, нам — нам пришлось постирать вашу одежду. Она вся была в крови.

— А где она?

— Она висит за ручьем. Я натянул веревку для белья.

— Скип, где мы вообще сейчас находимся?

— Мы находимся в подземной горной выработке, в которой колонисты добывали известняк для производства цемента, из которого они строили город. Во время разработки месторождения они возводили колонны, чтобы поддерживать потолок, и это место стало выглядеть так красиво, что они начали продвигаться дальше вперед и сделали его еще красивее. Колонисты вырезали своды в потолке, и когда они продолжали разрабатывать известняк дальше, они вырубили штольню и лестничные марши, ведущие к ней наверх. Они начали добывать известняк дальше за штольней — там известняк лучше — и там теперь полно самых разных туннелей, ведущих далеко-далеко в скалы. Тот ручей — это подземный поток, который они нашли случайно. Он выходит наружу у стены под штольней и затем уходит обратно под землю рядом с лестницей.

— Как вы узнали об этом месте, ребята?

— Дидри узнала об этом в специальной школе, в которую мы ходим.

— Эта скала, в которой мы сейчас находимся — она должна быть частью цепочки из подобных скал, рядом с которыми мы разбили наш лагерь на индейский манер.

— Ну да, так оно и есть, только наше место дальше к востоку от нашего индейского лагеря. Мы недалеко от моря, а город точно к югу от нас.

— Как далеко южнее?

— Что-то около пяти миль. Строители использовали монорельсовую дорогу для транспортировки известняка, но опоры, которые ее поддерживали, обрушились.

— Но террористы — похитители — они могут знать о

подземной выработке тоже.

— Может быть, они и знают, но когда колонисты улетали, они взорвали вход в это место — он был вон там, где сейчас куча больших кусков скалы — и снаружи все это выглядит так, как будто никакого входа вовнутрь нет.

— Почему они должны думать, что никакого входа нет?

— Я думаю, у них просто сложилось такое впечатление.

— Но вы с Дидри как-то разыскали вход вовнутрь.

Мальчик кивнул. — Мы порядком отчаялись. После того, как вы потеряли сознание, мы еле-еле подняли вас в кабину Сэма, а затем мы не знали, куда ехать. Потом Дидри вспомнила о подземной выработке, у нас появился шанс, и мы направились сюда. Она знала, что колонисты взорвали вход, но мы подумали, что просто должно остаться отверстие, достаточно большое для того, чтобы Сэм мог проехать через него. Однако мы не смогли найти его до тех пор, пока не рассвело, потому что отверстие было не видно из-за растущего над ним винограда.

Ложка с супом прикоснулась к губам Карпентера. Он проглотил ее содержимое. Внезапно он выпрямился на своей лежанке из ветвей. — Вы должны были оставить следы!

— Нет, мы не оставили. Я включил задние ходовые огни Сэма и повел его кормой вперед по его следам, которые он оставил на равнине раньше. Затем, когда я добрался до того ручья, который мы пересекли, когда похитители везли нас в город, я развернулся в нем и поехал вдоль русла ручья к скалам. Это такой же ручей, как тот, что протекает в нашей пещере, и он выходит из скал наружу к западу от нас. Когда мы выехали из ручья, Сэм не мог оставлять следы, потому что земля была скалистой. Поэтому похитители никогда не смогут найти нас здесь по нашим следам.

— Вы, ребята, очень умные.

— Мы сфокусировали защитное поле Сэма на входе в пещеру, так что даже если похитители выследят нас, они не смогут сюда войти.

— Защитное поле можно закоротить.

— У них нет таких познаний, чтобы они смогли сделать что-нибудь подобное.

Ложка супа еще. Карпентер удивился, почувствовав, как он устал. Проглотив полную ложку супа, он снова отключился.

Когда он очнулся, он снова увидел принцессу Большого Марса. Как будто она никогда не отходила от него. Он увидел, что за заросшим виноградными лозами входом в пещеру стемнело. — Ты устала, крошка. Почему бы тебе немного не отдохнуть?

— Она спит, когда спите вы, мистер Карпентер, — отозвался Скип, сидевший рядом с ней. — В любом случае еще рано. Съешьте еще немного супа. Она только что приготовила его.

Конечно же, на ее коленях была миска с супом, а в руке она держала ложку. На этот раз он истребил все содержимое миски. Появился еще один контейнер с молоком. — На этот раз консервированное молоко, — сообщил Скип. — Остальное молоко скисло.

Карпентер взял контейнер из руки Дидри. Она смешала воду с молоком, и это оказалось не так уж и плохо на вкус. Он понял, что вполне владеет своей правой рукой. Это казалось неожиданным и приятным сюрпризом. Он глянул на аккуратную белую повязку. — Как вам удалось остановить кровотечение, ребята?

— Дидри зашила артерию обратно. В шкафу у Сэма были иглы, нитки и все остальное, в чем она нуждалась еще. У нее хорошо получаются такие штуки. Она изучает их в школе.

Карпентер уставился Дидри в лицо. — Ты зашила артерию, крошка?

Она кивнула. Она больше не плакала, но ее лицо было столь печальным, что, казалось, она вот-вот расплачется снова. — Не грусти, крошка, все хорошо.

Она поставила миску с супом на пол пещеры, положила в нее ложку, встала и ушла прочь.

— Она дуется весь день, — сказал Скип.

— Почему она должна дуться?

— Я не знаю. Никогда не понимал женщин.

— Я тоже. — ответил Карпентер. — Похоже, вы порядком намучились со мной, ребята.

— Неправда, мистер Карпентер. Это вы намучились со мной и Дидри. Если бы не вы, нас бы уже не было в живых, а если бы мы и остались живы, то ненадолго.

— Я не могу вам сейчас толком помочь. И смогу еще меньше, если не начну двигаться. Для начала нужно хотя бы немного прогуляться вокруг. Принеси мне мою одежду, Скип.

— Конечно. Ваши ботинки рядом с лежанкой.

Когда Карпентер, полностью одевшись, встал на ноги, они показались ему сделанными из резины, а неф — мысленно он все еще называл эту часть подземной выработки нефом — съехал набекрень. Но он был полон решимости и, оперевшись на плечо Скипа, заставил свои ноги слушаться. Наконец неф выпрямился, и он увидел стены с обеих сторон, а также лестницу и галерею наверху, к которой эта лестница вела. Казалось, галерея была создана скульпторами, а не горнорабочими. Он почти увидел вдоль ее стен выставленные на обозрение произведения искусств.

Он не стал пытаться одолеть весь путь до лестницы, однако ушел довольно далеко, чтобы посмотреть на подземный ручей. Отраженного света не хватало, чтобы рассмотреть, была ли вода в ручье грязной или чистой. Карпентер подумал, что, возможно, она была прозрачной, как вода из горного потока. Он улыбнулся, увидев бельевую веревку, натянутую Скипом; это был отрезок веревки, извлеченный из багажного отсека Сэма и натянутый между двумя ветками, принесенными снаружи и закрепленными в трещинах в известковом полу. Вероятно, трещины появились под действием взрыва, который перекрыл вход в пещеру. Тот же взрыв покрыл пол пещеры тонким слоем белой пыли.

Карпентер прислушался к звуку подземного ручья; ему нравилось его тихое ласковое журчание. Затем Скип помог ему добраться обратно до его лежанки из хвороста. Дидри нигде не

было видно. Возможно, она забралась внутрь Сэма. Плюхнувшись на лежанку, он удивился своей усталости. Должно быть, он потерял изрядно крови, пока молотил по челюсти Хью. Он сбросил с ног ботинки. — Может, мне нужно немного поспать, Скип.

— Конечно, мистер Карпентер. Будьте спокойны — мы с Дидри здесь.

* * *

Проснувшись, он не знал, сколько проспал. Возможно, не очень долго; он был уверен, что не круглые сутки, так как за заросшим виноградом входом было темно. Дидри сидела рядом с его кроватью. Он заметил, что ее постель была аккуратно застелена. Лежанка Скипа была с другой стороны от его собственной, и Карпентер увидел, что мальчик крепко спал под верхним одеялом.

До рассвета было недалеко; большую пещеру наполнял предрассветный холод. У Дидри не было ни миски с супом, ни контейнера с молоком. Почему она сидела на таком холоде? — Неужели ты не устала, крошка?

Она затрясла своей головой.

Изголовье его постели было опущено. Он обернулся и увидел, что свернутые одеяла, которые подпирали его, были убраны. Карпентер не чувствовал своей спины, лежа на постели горизонтально; он знал, что так будет некоторое время перед тем, как он уснет снова, и начал пытаться запихнуть одеяла обратно. Дидри оттолкнула его руки и сама засунула одеяла обратно. Затем она снова уселась на свое место.

В огромном нефе наступила тишина. Это тишина успокаивала. Детишки были с ним, и с ними было все хорошо. Ему придется каким-то образом вернуть их обратно на Марс, но сейчас беспокоиться об этом было не нужно. Так или иначе, если ему и не удастся вернуть их обратно, он в любом случае сможет взять их с собой в будущее Земли. Что было по-настоящему важно сейчас — это то, что все было в порядке.

— Мистер Карпентер?

Он взглянул на Дидри. Впервые она заговорила с ним напрямую. Он не мог видеть отчетливо ее лицо, потому что Скип убавил свет поискового прожектора Сэма, но он видел достаточно ясно, что она плакала.

Может быть, она плачет из-за Хью? — подумал он. Он нашел, что в это трудно поверить. Хью едва дотронулся до нее. И все-таки, почему она плачет? И почему почти каждый раз, когда он просыпался, он видел, как она плакала, сидя рядом с его постелью? — Крошка, тебе не из-за чего плакать.

— Да, не из-за чего, мистер Карпентер.

— Я присмотрю за тем, чтобы с вами было все хорошо, ребята.

— Я знаю, что вы присмотрите, мистер Карпентер. Поэтому я и плачу.

Он не нашел, что сказать.

— И еще, — продолжала она, — я плачу, потому что я была такой вредной и не разговаривала с вами. Вы самый замечательный человек, кого я когда-либо знала. Никто так хорошо не относился ко мне, как вы, и ни один не заботился обо мне по-настоящему до того, как все это со мной случилось, и я даже не разговаривала с вами, потому что я вредная, высокомерная принцесса, и мне так жаль, что я просто хочу умереть!

Карпентер протянул к ней руку и прикоснулся к ее волосам. Затем она, плача, очутилась в его объятиях. — Тебе не надо ничего говорить мне, крошка. Я все понимаю. Это не заставит меня любить тебя меньше.

— Вы должны ненавидеть меня, мистер Карпентер.

— Как может кто-нибудь тебя ненавидеть?

— Потому что я вредная и высокомерная.

— Я не смог бы ненавидеть тебя, даже если бы я захотел. Даже если бы не из-за тебя самой, я бы все равно не смог, потому что если бы не ты, меня бы уже не было в живых. Мало того, но ты к тому же готовишь самый лучший куриный суп, который я когда-либо пробовал.

— Это консервы — вы знаете это, мистер Карпентер. Я даже не знала, что это куриный суп, да и не важно, что это было. Все, что я делала — это добавляла воду в банку и разогревала ее.

— Это шутка, — сказал Карпентер.

— Разогреть вам суп?

— Да. Его вкус зависит от способа приготовления.

Она подняла на него глаза. — Мне кажется, вы шутите, мистер Карпентер.

— Ну, может, совсем немножко.

— А почему вы зовете меня крошкой, мистер Карпентер? У нас так называется сухой и жесткий маленький кусочек хлеба.

— На Земле это тоже называется крошкой, но ничего обидного тут нет. Дело не в этом. Крошками у нас называют еще девушек, которые нам нравятся [6].

На ее лице пробилась улыбка, и она была как ясное солнышко после апрельского ливня. — Мне — мне нравится, когда вы меня так называете, мистер Карпентер.

— Сейчас мне известна некая ‘крошка’, которая должна быть в постели.

— Моя лежанка справа от вашей.

— Я знаю.

— Если вам что-нибудь будет нужно, разбудите меня.

— Не волнуйся и спи, крошка. Я в порядке.

* * *

Утром Карпентер обнаружил, что у него появилось достаточно сил, чтобы ходить без посторонней помощи. За увитым виноградными лозами входом было пасмурно, и он мог слышать стук дождевых капель. Дети крепко спали. Он подошел к Сэму. Дверь с пассажирской стороны была открыта, и он глянул на панель управления внутри. Тревожных индикаторов красного цвета видно не было. Позже ему придется завести двигатель и дать ему поработать некоторое время, чтобы зарядить батареи. Возможно, Скип уже сделал это, но не мешало бы подзарядить их еще.

Он прислонился к гусенице Сэма. Камуфлирующее поле было выключено, и ящероход смахивал на большой негабаритный бульдозер. Он мог взять Эдит, большой тираннотанк, и, возможно, взял бы его, если бы Джордж Аллен, который должен был отправиться вместе с ним, не уволился. Сэм был ящероходом, больше подходящим для одного человека.

Ему хотелось приготовить детишкам завтрак, но он не чувствовал себя достаточно хорошо для этого. Хотя его правая рука чувствовала себя весьма неплохо. Скоро Дидри сможет снять повязку. Он нашел трудным поверить, что она смогла зашить артерию, хотя он знал, что это было правдой.

Если бы она не смогла, он бы, возможно, был мертв; и если бы Скип не оказался таким стойким и не гонял всю ночь Сэма по скалам, все трое могли бы снова попасть в руки террористов, и вполне возможно, что к этому времени все они были бы убиты.

Он потрогал свое лицо. Оно оказалось заросшим по меньшей мере трехдневной щетиной. Он взобрался внутрь Сэма, пробрался в каюту, извлек из шкафчика крем для бритья, бритву и побрился над маленькой раковиной. Хотя в каюте имелся душ с водостоком и шторками, которые, будучи сдвинутыми, защищали от брызг остальную часть жилого отсека, а датчик воды демонстрировал, что бак для воды у Сэма был заполнен более чем наполовину, Карпентер решил, что тратить воду из бака было бы неразумно. В любом случае, в этом не было необходимости, так как он мог выкупаться в ручье.

Карпентер достал из шкафчика кусок мыла, большое

полотенце, выбрался из ящерохода и направился к подземному ручью. Вода выглядела холодной. И она была холодной — потрясающе холодной. Он не хотел намочить сережки-говорешки и повязку на своей руке, и ему удалось сохранить их сухими, правда, с большим трудом. Потом он стал растирать себя полотенцем до тех пор, пока не согрелся, а затем натянул одежду. Он почувствовал себя на миллион долларов.

К этому времени Скип уже встал. Дидри еще крепко спала.

— О Боже! — воскликнул мальчик, увидев Карпентера. — Вы разгуливаете по пещере! И вы побрились!

— Сколько мы здесь уже обитаем, Скип?

— Сегодня четвертый день.

— Я думаю, пора бы мне уже подняться с кровати и начать ходить.

— Я разбужу Дидри, чтобы она смогла приготовить завтрак.

— Не надо, пусть она поспит.

— Тогда я приготовлю завтрак, хотя из меня повар не очень. Я хотел бы готовить, как Хаксли.

— Хаксли?

Скип показал на галерею. — Он старик, который давным-давно живет в скале.

— Там кто-то живет, и ты ничего не сказал мне?

— У меня — у меня просто не было времени сказать вам, правда, мистер Карпентер.

— Ребята, вы не должны шляться где попало и связываться с незнакомыми людьми!

— Да он совсем безобидный, мистер Карпентер. Он один из колонистов. Когда все улетели обратно, он остался. Он говорит, что сыт по горло Большим Марсом, да и всей планетой, если на то пошло, и никогда туда вернется. Он хочет встретиться с вами.

— Почему он тогда не показывается?

— Он очень осторожный. Я думаю, он боится людей, потому что много лет жил в одиночестве.

Дидри проснулась и сидела в своей кровати. Затем она откинула накрывавшее ее одеяло и просунула ноги в ботинки. — Засоня! — сказал Скип.

Она встала и посмотрела своими похожими на осенние астры глазами Карпентеру в лицо. — Доброе утро, мистер Карпентер.

— Доброе утро, крошка.

Скип вытаращил глаза на свою сестру. — Ага, в конце концов ты все-таки решила слезть со своего трона!

— Умолкни! — отозвалась Дидри.

— А я уж собрался готовить завтрак.

— Я сама приготовлю завтрак. Она посмотрела на Карпентера. — Я полагаю, вы не хотите куриного супа, не так ли, мистер Карпентер?

— Мне кажется, с куриным супом можно пока повременить. Я бы хотел кофе. И яиц.

— Ой. Я — я не знаю, как готовить кофе. Или яйца.

— Мне пойдет и какао, — сказал Карпентер. — Я покажу тебе, как его готовить, а заодно и как поджаривать яичницу.

Скип по-прежнему таращился на свою сестру. — Да-да, как раз самое время!

— А что ты хочешь на завтрак? — спросила его Дидри.

— То же самое, что и мистер Карпентер, — Скип глянул на Карпентера. — Совершенно не понимаю мою сестру.

— Женщины так загадочны, — ответил Карпентер.

Дидри направилась к дальней стене собора. — Куда она пошла, Скип?

— Она собиралась умыться. Я думаю, мне тоже не помешало бы.

— Я думаю, неплохо было бы после завтрака навестить Хаксли.

— Вы считаете, у вас хватит сил, мистер Карпентер? Дорога довольно длинная. Он приходит к ручью за водой каждый день. Может, нам лучше дождаться его здесь?

— Полагаю, я смогу туда добраться, — ответил Карпентер. — По меньшей мере, попытаюсь.

Может быть, Хаксли и был безобидным, а может быть, и нет. Безобидный или нет, он был потенциальным кандидатом в окаменелые останки.

Глава 8

ДИДРИ НЕ ПОНРАВИЛАСЬ идея Карпентера отправиться в столь дальнее путешествие так скоро, и она сказала ему, что он должен подождать по крайней мере до следующего дня, прежде чем нанести визит Хаксли. Он рассмеялся и рассказал ей о том, как он выкупался в ручье и что он отлично теперь себя чувствует. Дидри пришла в ужас от этого известия. — Мистер Карпентер, вам нельзя так рисковать собой, потеряв столько крови! Это чудо, что вы не замерзли до смерти!

— Я — я, пожалуй, не подумал как следует, крошка.

Но Карпентер по прежнему был полон решимости посетить Хаксли, и Дидри в конце концов уступила. Перед тем как отправиться в путь, он извлек пистолет из кобуры на двери Сэма и засунул его за ремень. Это всего лишь тот самый случай, подумал он, когда двое детишек подружились с кем-то, о ком они совсем ничего не знали. Правда, он подозревал, что виноват в этом знакомстве был только Скип, поскольку Дидри вряд ли имела что-то общего с совершенно незнакомым человеком.

Она и Скип показывали дорогу. Карпентер, начав свой подъем по известковой лестнице, был не совсем уверен в себе. Хватит ли у него сил одолеть весь подъем? Дети поднимались медленно, и Дидри замедлила шаг настолько, что вскоре оказалась рядом с ним. Карпентер улыбнулся ей. — Я в порядке, крошка.

Тем не менее он обрадовался, когда они достигли галереи.

Она была вырублена столь тщательно, что напомнила ему галерею в оперном театре. Карпентеру никогда не доводилось бывать в оперном театре, но он был уверен, что галерея в нем должна выглядеть один в один как эта. Коридор, открывающийся у задней стены, был подобен входу, через который представители фешенебельного общества шествовали к своим роскошным местам.

Перед тем как они отправились в путь, он направил луч поискового прожектора Сэма вверх, но его свет едва достигал дальней задней части собора. Возможно, если бы он видел

получше, он смог бы заметить трещины на стенах галереи, правда, тогда она потеряла бы свой изысканный вид.

Скип повернул в один из коридоров. Он прихватил с собой один из карманных фонариков, которые лежали в выдвижном ящике под панелью управления Сэма, и теперь включил его. Коридор был достаточно широким. Дидри продолжала держаться сбоку от Карпентера. — Пусть Скип ведет нас, — сказала она.

— Неужели ты не знаешь дорогу?

— Нет. Я никогда не ходила со Скипом к Хаксли. Но я видела его один раз, когда он приходил за водой.

Пол в коридоре с наклоном поднимался наверх. Наконец Скип дошел до Y-образного перекрестка и свернул на левую ветку. Дидри и Карпентер последовали за ним. Левый коридор также слегка поднимался наверх. Затем Скип свернул налево в другой коридор, потом свернул еще раз — в правый. Пол продолжал подниматься наверх, и Карпентер был уверен, что они находятся рядом с вершиной скалы — и далеко от ее отвесного склона.

Еще один поворот налево, еще один — направо; Карпентер старался запомнить маршрут. Он не хотел быть слишком беспомощным в этом месте. Немного времени спустя он заметил впереди свет — крохотную точку. По мере того, как точка увеличилась, она приобрела форму маленького квадрата. В конце концов выяснилось, чем она была — открытым смотровым окном в двери.

— Хаксли, — крикнул Скип, — я здесь! Я привел мистера Карпентера и мою сестру.

Он остановился прямо перед дверью. Это была стальная дверь, подумал Карпентер, такая же, как двери в городе. За смотровым окном появилось лицо: морщины, пара голубых глаз и всклокоченные седые волосы. Скип приподнялся на цыпочках, чтобы его лицо было видно через смотровое окно. Дверь медленно распахнулась вовнутрь; на нее упал свет из комнаты, и оказалось, что дверь, как и предполагал Карпентер, была стальной.

Однако гораздо интереснее Карпентеру была не дверь, а

пожилой человек, открывший ее. Прежде всего, Хаксли был маленького роста, а годы делали его еще меньше. Его волосы были расчесаны так же, как у Эйнштейна, либо не расчесаны вовсе. Впалые щеки свидетельствовали об отсутствии зубов, а кожа была серого цвета. Только тусклые голубые глаза оживляли лицо Хаксли, правда, их пустота портила общее впечатление. Карпентеру вспомнились мрачные глаза террористов. Быть может, годами ранее глаза Хаксли были такими же мрачными. Он был одет в оборванную тунику длиной до колен, которая была похожа на шкуру гадрозавра и, возможно, раньше ей и была, и в комичную обувь, вырезанную из дерева.

— Входите, входите, — произнес он боязливым голосом. — Я дома.

— Я привел мистера Карпентера и мою сестру, — повторил Скип.

— Хорошо, хорошо.

Дом оказался большой комнатой с низким потолком, вырубленной в известковой скале. В центре располагался грубо сработанный деревянный стол, по бокам которого стояли три столь же грубо сработанных деревянных стула. Стоявший на столе яйцевидный фонарь испускал мягкий свет. В стене напротив входной двери была похожая дверь. В ней находилось зарешеченное окно, сквозь которое в комнату проникал серый свет пасмурного дня. На стене слева ярусами висели ряды деревянных полок, заставленных томами, похожими на папки-скоросшиватели. Вдоль стены напротив располагалась кухонная утварь: плита, деревянный буфет грубой работы и металлический бак. Бак был заполнен грязной посудой. Между буфетом и плитой находился сводчатый проход, который вел в другую комнату или, возможно, в уборную. В потолке был сдвижной люк, установленный на направляющих рельсах. Не исключено, что он закрывал световое окно, зарешеченное так же, как и окно в двери. Карпентер был уверен, что комната находилась чуть ниже уровня земли. Вероятно, к наружной двери сверху вниз вели ступеньки или, быть может, трап.

У кафедрального собора, кажущегося таким безопасным, все время была задняя дверь, хотя, конечно, вряд ли Хаксли когда-либо оставлял ее открытой. — Добро пожаловать в мое скромное жилище, — обратился он к Карпентеру.

Более подходящим прилагательным было бы слово ‘неопрятное’. Пол был покрыт слоем грязи толщиной в дюйм, а стену над плитой украшали разноцветные пятна. Комната благоухала, как старая помойка. Возможно, от Хаксли исходил такой же запах, но аромат помойки в комнате был столь крепок, что, если от хозяина и попахивало, это было незаметно.

— Дидри, — сказал Скип, — у тебя есть еще одна пара сережек-говорешек. Дай их Хаксли, чтобы он мог понимать мистера Карпентера.

Дидри передала Хаксли сережки-говорешки. После того как он приспособил их к своим ушам, Карпентер произнес: — Вы живете здесь с тех пор, как колонисты улетели?

— Да. С тех пор. — Хаксли указал на стол и стулья. — Пожалуйста, присаживайтесь, сэр.

Он подвел Карпентера к столу. Карпентер выбрал стул, выглядевший немного почище остальных, Скип уселся на другой, а Хаксли выбрал стул рядом с Карпентером. Дидри пришлось стоять, но она, похоже, ничего не имела против.

— Скип говорил мне, что вы из будущего, — продолжил Хаксли.

— Далекого будущего,

— Он говорил о семидесяти четырех миллионах лет. Я не поверил ему, но теперь я верю. Я вижу, что вы не марсианин, и вряд ли Кью собираются засеять эту планету гораздо раньше этого времени.

— Как вы определили, что я не марсианин?

— Это вполне очевидно, хотя физически вы идентичны нам.

— Вы предполагали, что Кью собираются засеять Землю. Такими же людьми, как и вы сами. У нас в мое время существует множество различных рас с заметно отличающимися историям. Все они принадлежат к одному виду, но различаются по степени пигментации и имеют незначительные отличия в физических характеристиках. Вы и ребятишки выглядите как представители

того же расового типа, к которому принадлежу я, но, конечно же, на Марсе должны быть другие расы, помимо вашей.

— Они есть, только между ними нет физических отличий, и я даже не понимаю, что вы имели в виду, когда упоминали о различиях в степени пигментации.

— Значит, Кью должны были использовать только один тип при засевании. Если они собираются засеять Землю, им будут необходимы различные типы.

— Я думаю, засев Марса был начальным экспериментом. Конечно же, они продолжат экспериментировать и будут усложнять задачи.

— Но почему они сразу засеяли Марс людьми, а на Земле начали эволюционную цепочку, которая в конечном итоге привела к рептилиям?

— Я не знаю. Но я не думаю, что они рассчитывали получить в качестве результата эволюции рептилий. Вот почему Кью здесь.

— Вы их видели?

— О, да. Несколько раз.

— И на что они похожи?

— На геометрические фигуры. Я думаю, они собираются уничтожить рептилий. По меньшей мере, некоторых из них.

Это было, как будто бы старик заглянул в будущее. Но Карпентер был далек от убеждения, что Кью будут ответственны за вымирание динозавров. Фактически, он сомневался, существуют ли Кью на самом деле.

Он указал на полки с папками. — Материалы для чтения?

— Да. Я много читаю. Я регулярно охотился до тех пор, пока не израсходовал заряды для моего ружья, и теперь чтение — это все, чем я могу заниматься. Тома, которые вы видите, составляют лучшие материалы библиотеки Римена. Я принес их сюда после отлета колонистов. Я доставил сюда множество других вещей: кухонную плиту, лоханку для мытья посуды, столовые приборы,

инструменты, разделочные ножи, пожизненный запас рационов питания, фонарь и пожизненный запас топливных элементов, а также стальные двери для моего нового дома. Много дней я переносил все эти вещи сюда. Самым худшим было нести двери. Дважды меня атаковали динозавры, и я чуть не лишился жизни.

— Почему вы не остались в городе?

— Потому что он напоминал мне о Марсе, главным образом своей архитектурой. Я хотел забыть Марс. Когда мы прибыли на Землю, мы принесли Марс с собой. Я был главным помощником инженера-строителя Римена, но я ничего не мог поделать с архитектурным проектированием.

— Скип рассказывал вам о похитителях?

— Да. Теперь я вдвойне рад, что не остался в городе.

— Похитители — я называю их террористами — ненавидят истеблишмент Большого Марса. Вы говорили, что хотели забыть Марс. Вы тоже ненавидите истэблишмент?

— Да, но только пассивно. Когда-то я был его маленькой частичкой. Конечно же, вы ничего не знаете о нашей планете, мистер Карпентер — нашей нынешней планете — за исключением того, что вам могли рассказать эти двое детей. У нас пять основных государств. Большой Марс, географически, самое маленькое государство, но в техническом отношении самое передовое, однако несмотря на все наши передовые технологии, мы все еще упорно сохраняем глупую, почти нефункциональную монархию. Наша монархия — это такой глазированный торт, состоящий из властолюбцев, жуликоватых воротил и, конечно же, простолюдинов, от которых никуда не деться. Двурушничество — самое худшее, что у нас есть, я мог бы даже использовать термин ‘сверхдвурушничество’. Вы не сможете продвинуться в обществе по причине своих заслуг даже совсем немного. Вам приходится мошенничать и заискивать перед власть имущими всю вашу жизнь. Что касается истинной эффективности десентиментализации, которой подвергается любой марсианин в каждой стране, то она является фарсом. Скип рассказывал вам о десентиментализации, мистер Карпентер?

Карпентер кивнул.

— Она отлично работает до определенной точки. Когда десентиментализированный человек принимает решение, он никогда не делает это под влиянием любви, привязанности или сострадания. Тем не менее, решение редко бывает объективным, десентиментализация попросту высвобождает больше места для жадности. Островной континент Большого Марса, за исключением Королевского Дома, у которого денег уже столько, что он не знает, что с ними делать, населен двумя классами людей — теми, кто двурушничанием и заискиваниями добился высокооплачиваемых должностей и теми, кто отчаянно пытаются это сделать. Если вы, как и я, неспособны в искусстве лести, вы обречены навсегда остаться в рядах простонародья. Но мне повезло. В большей степени случайно, чем намеренно, меня сделали главным помощником инженера-строителя Римена. Я был на грани того, чтобы сделаться инженером-строителем второго города, который Большой Марс планировал построить в горной местности, однако затем этот проект был заброшен. Когда я был лишен возможности доказать самому себе, что единственное, за что я получаю зарплату — это мои заслуги, меня одолела горечь. Я решил не иметь ничего общего с островной страной, в которой я родился, и с планетой, частью которой она является.

— Большой Марс является островом? — спросил Карпентер.

— Да. Гигантским островом. Я не знаю, как выглядит Марс в ваши дни, но в настоящее время его северное полушарие состоит из большого океана, который окружает маленькие, покрытые льдом острова на полюсе. Остров Большой Марс находится в восточном полушарии, он расположен недалеко от обширной территории, которая покрывает почти всю южную половину планеты.

“Элизиум, — подумал Карпентер, — Хаксли говорит об Элизиуме. В будущем земные геологи предположат, что на Марсе мог существовать такой океан, и что Элизиум мог быть островом.” — Если Большой Марс — это то место, которое я имею в виду, — сказал он, — то там еще есть пирамиды. Один из наших космических аппаратов сфотографировал их. Трехсторонние пирамиды и одна четырехсторонняя, прямоугольная.

— Кью построили их задолго до нашего времени. Из странного материала, который мы никогда не могли проанализировать, и по причинам, которых мы никогда не могли

понять. Я не удивлен, что они до сих пор стоят. Как вы могли заметить еще с Римена, они оказали заметное влияние на нашу архитектуру. Интересно, что еще осталось от современного Марса.

Заботясь о Дидри и Скипе, Карпентер уклонился от того, чтобы обрисовать картину поверхности Марса будущего, вместо этого он остановился на теме пирамид. — На Земле в моей стране, — сказал он, — в одной из наших западных пустынь мы строим огромный обелиск в честь завершения еще одного столетия Американской Цивилизации. Он называется Обелиск Господь Благослови Америку. Строительство было начато двенадцать лет назад и планируется к завершению на рубеже веков. Обелиск значительно выше, чем все, что мы когда-либо строили — значительно выше всего, что когда-либо было построено на Земле любой расой — но пирамиды на Марсе превращают его в творение карликов.

— Вы, кажется, достигли кульминационной точки в развитии вашей цивилизации, — продолжил Хаксли, — так же, как и мы, жители Большого Марса, в настоящее время, по-видимому, достигли кульминационной точки в развитии нашей. Так это или нет, но, тем не менее, мы подошли примерно к такому уровню, который мы всегда планировали получить. Наши палеонтологи считают, что Кью засеяли нашу планету примерно двадцать два столетия назад. Сразу после последнего ледникового периода. Сейчас наступает другой ледниковый период.

— Я уверен, что он наступит в весьма далеком будущем и не повлияет на вашу жизнь.

— Конечно же, он не повлияет на мою жизнь, мистер Карпентер.

— Я думал о принце и принцессе.

— Принце и принцессе?

— Скип и Дидри, Дидри является наследницей трона. Разве вы не знаете?

Хаксли встал. Его лицо было мертвенно-бледным. Он поклонился Дидри. — Ваше Высочество, мои извинения. Затем он отвесил поклон Скипу. — Ваше Высочество, почему вы ничего не

говорили?

— Да я просто не думал об этом.

Хаксли забегал вокруг стола, волоча за собой стул. — Пожалуйста, Ваше Высочество, присядьте, — обратился он к Дидри.

Дидри покачала головой. Затем она посмотрела на Карпентера. — Мистер Карпентер, с вами все в порядке?

Комната только что проделала сальто перед глазами Карпентера. Теперь она успокоилась. — У меня просто на секунду закружилась голова. Сейчас я в порядке.

— Нет, вы совсем не в порядке! Скип, помоги мне. Нам надо довести его обратно до постели!

Чтобы показать Дидри, что у него достаточно сил, Карпентер встал до того, как она и Скип подошли к нему. Она не купилась на его браваду. — Я же говорила, что вам нельзя ходить так далеко!

Она ухватила его за руку, Скип взял его за другую. — Рад был поговорить с вами, Хаксли, — произнес Карпентер, обернувшись через плечо.

— Приходите еще, мистер Карпентер. Когда почувствуете себя лучше. Хаксли снова поклонился Дидри и Скипу.

Коридоры держались ровно и не раскачивались. Возможно, это было потому, что Скип направил луч карманного фонарика в пол и Карпентер не видел стен. Он обрадовался, когда они добрались до лестницы, обрадовался, когда наконец увидел свою лежанку из хвороста и рухнул на нее. — Скип, принеси еще одно одеяло из Сэма, — услышал он голос Дидри. Больше он не слышал ничего.

Глава 9

СНОВА КУРИНЫЙ СУП. И ангел, сидящая рядом с ним.

Он не знал, как долго он проспал, но темнота за входом свидетельствовала о том, что была ночь, а так как Скип крепко спал в своей постели, то это могла быть самая ее середина. Поисковый прожектор Сэма был выключен.

— Крошка, тебе нужно спать.

— Поешьте супа, мистер Карпентер. Я только что приготовила его.

Передняя часть его постели снова была приподнята. — Как ты узнала, что я собирался проснуться?

— Я вас разбудила. Вы сейчас больше нуждаетесь в питании, чем во сне. Суп, мистер Карпентер.

Он проглотил содержимое ложки, которую она держала перед его губами.

— Пожалуй, я могу есть сам.

— Нет, не можете, мистер Карпентер, потому что я не позволю вам.

— Конечно, мэм. Этой ночью вы мой босс.

— Я не хочу быть боссом, мистер Карпентер, просто я волнуюсь за вас. Вот, выпейте молока.

Он повиновался. Это было разбавленное консервированное молоко. — Скажи мне, крошка, как Хаксли понял, что я не марсианин? Террористы тоже сразу догадались об этом, так же как и вы, ребята. Как все вы сразу понимаете, что я не с Марса?

— Из-за вашего лица. Оно не такое суровое, как лица марсиан. И ваши глаза тоже другие. Они добрые, а не мрачные.

— Такие же, как твои.

— Я всего лишь ребенок. И кроме того, я еще не десентиментализирована.

Он подумал о террористах. — И у всех взрослых марсиан лица такие же, как у Флойда, Фреда и Хью?

— У большинства из них лица не такие жестокие, но они достаточно суровые. И их глаза почти такие же мрачные.

— Лицо Хаксли не суровое. И у него пустые глаза.

— Это потому что он стар, но в его глазах скрыта твердость. Ешьте больше супа, мистер Карпентер.

— После того как я поем, сразу ложись спать.

— Я лягу, мистер Карпентер. Вот, выпейте еще молока.

— Слушаюсь, мэм.

* * *

С утра Карпентер чувствовал себя отлично, и Дидри позволила ему совершить небольшую прогулку. Он сообщил, что вполне бы управился с завтраком, состоящим из яичницы с беконом, и сказал ей, где бекон и как его поджарить. Она сварила и какао тоже и принесла его ему на подносе. В качестве подноса была использована доска для резки хлеба, извлеченная из буфета Сэма, которая вполне подошла для этой роли. Дидри держала ее все время, пока он завтракал.

Скип уселся с на его кровать с другой стороны. — Вам понравился Хаксли, мистер Карпентер?

— Он выглядит вполне безобидным.

— Сегодня утром он приходил за водой. Он осматривал дорогу сюда, и я подумал, что он собирается нанести нам визит, но он не стал. Он поднялся обратно по лестнице.

— Почему бы тебе не включить Сэма и не дать ему поработать на холостых оборотах, пока его батареи не будут заряжены как следует?

— Хорошо. Я все время включаю и выключаю его, мистер Карпентер. Разве я не говорил вам, что я гений по части техники?

— Только не надо хвастаться этим! — откликнулась Дидри.

— Я не хвастаюсь!

— Хвастаешься!

— Правило сегодняшнего дня — сказал Карпентер, — никаких семейных ссор.

Буря в стакане воды затихла, и Скип направился к Сэму.

* * *

Поскольку Дидри настаивала, чтобы он оставался в постели, за исключением коротких прогулок время от времени, Карпентер провел большую часть дня в дреме, периодически просыпаясь и размышляя в периоды бодрствования о детишках. Дэдри сняла бандаж с его руки и заменила его другим, гораздо меньшим. Рана отлично заживала. Он сказал ей, что она напоминает ему Флоренс Найтингейл, а когда она спросила, кто такая Флоренс Найтингейл, он рассказал ей, что она была первой настоящей медсестрой на Земле. Дидри сообщила ему, что в Большом Марсе всех девочек обучают сестринскому делу и медицине. Это навело его на мысль, что, возможно, неприглядная картина, которой Хаксли обрисовал свою родную страну, могла быть карикатурой. Жадность была далеко не единственным мотивирующим фактором, и в то, что в Большом Марсе двурушников было больше, чем их будет в старых добрых Штатах 74,051,622 лет спустя, верилось с трудом. На самом деле, несмотря на свою программу десентиментализации, цивилизация Большого Марса могла быть частью замечательной цивилизации, особенно если вам посчастливилось быть ключевым членом Королевского Дома.

Эти размышления вернули его к вопросу номер один: как

вернуть ребятишек обратно на Марс. Упоминание Хаксли о наступающем ледниковом периоде отвлекли его размышления на мгновение, но он не принял это во внимание, потому что всю свою жизнь он слышал о наступающем ледниковом периоде на Земле и рассматривал подобные катастрофы как неизбежные в будущем явления, с которыми люди ничего не могли поделать. Идеальным решением его проблемы было бы вернуть Сэма назад в тот момент, когда Кейт, Флойд и Фред пьянствовали на третьем этаже тайного дома террористов, а он дрался с Хью на третьем. Тогда можно было, ничего не опасаясь, проникнуть на корабль и отправить радиограмму на Большой Марс. Но с того момента прошло слишком много времени, и если сейчас Сэм прыгнет так далеко в прошлое, его батареи сгорят еще до того, как он туда допрыгнет, или, если не сгорят во время этого прыжка, сгорят при возвращении обратно, оставив Карпентера и ребятишек со сломанным ящероходом, стоящим совсем рядом с кораблем террористов.

Единственным разумным решением этого вопроса было бы незаметно подогнать Сэма поближе к кораблю так, чтобы можно было держать его под наблюдением, настроив камуфлирующее поля ящерохода таким образом, чтобы он слился с окрестностями, а затем просто дожидаться до тех пор, пока террористы не оставят корабль без охраны. Это было бы долгим ожиданием, потому что террористы понимали, что радио предоставляет для детей единственный шанс быть когда-либо спасенными, и они должны будут смотреть за ним, как курица-наседка смотрит за своими цыплятами, но в конце концов они допустят промах. Может быть, Хью снова как следует приложится к бутылке и оставит свой пост, или, быть может, уснет. В последнем случае Карпентеру придется проникнуть на борт корабля, чтобы найти радиорубку, и это будет рискованным предприятием. Он должен будет хладнокровно сделать это, как только наступит подходящий момент, но сейчас самым важным было начать осуществлять эти планы как можно скорее, сразу, как только он встанет на ноги, потому что террористы могут отказаться от поисков детей и, удовлетворившись выкупом, который к тому времени их сообщник на Марсе должен будет собрать, и стартовать на свою родную планету.

Дидри подала Карпентеру на ланч куриный суп и молоко. Куриный суп уже начинал лезть из его ушей. К тому же его тошнило от своей лежанки. У него появилась блестящая, на его взгляд, идея. — Почему бы тебе не позволить мне приготовить

ужин, крошка? Это не справедливо, что готовишь всегда ты.

— Я люблю готовить.

— Ну, даже если тебе нравится готовить, ты должна устать от этого. Я сделаю вот что — вставлю пораньше и приготовлю кое-что особенное, и -

— Мистер Карпентер, вы пытаетесь надуть меня, чтобы я позволила вам выбраться из кровати!

— Но я отлично себя чувствую. Я -

— Завтра вы будете чувствовать себя еще лучше. Тогда вы сможете выбраться из кровати и делать все, что вам будет угодно. А я пока что буду готовить.

Ну ладно, так или и иначе это казалось блестящей идеей. Но не все еще было потеряно: — В морозильной камере холодильника, крошка, ты должна найти плоские, почти квадратные коробки с изображениями еды на них. На Земле будущего мы называем их TV-ужинами. Обычно я их терпеть не могу, но, я думаю, сегодняшним вечером они будут весьма недурны на вкус. Если они там, принеси две или три коробки с разными картинками.

Она принесла макароны с сыром, жареного цыпленка и Солсбери стейк с картофелем. Он показал на коробку с Солсбери стейком и картофелем. — Я буду вот это.

— И я тоже, — отозвался Скип рядом с Дидри.

— Найдется пара таких коробок, крошка?

— Их тут три, я буду тоже.

Он прочитал ей инструкцию, и она сказала, что запомнит ее; а затем в тот вечер у них был TV-ужин, за семьдесят четыре миллиона и сколько-то там тысяч лет до того, как телевидение будет изобретено. Дидри села со своей коробкой на лежанку Карпентера с одной стороны, а Скип со своей коробкой — с другой. Их вечеринка были почти такой же, как известная Вечеринка с Жареным Зефиром; это навело его на мысли обо всех тех одиноких милях, которые лежат между Землей и Марсом, и

немного времени спустя он обнаружил себя размышляющим о стройной принцессе с лютиковыми волосами, летящей походкой поднимающейся по золотым ступеням к золотому трону; ее лицо было твердым, как камень, а в глазах угасли последние огоньки нежности; и он увидел Скипа, высокого и взрослого, с таким же, как у Флойда, суровым лицом, стоящего среди членов Королевской Семьи, появившихся во всех своих пышных убранствах по случаю восшествия на престол; и он захотел, захотел изо всех своих сил взять с собой этих детей на Землю будущего, и чтобы совесть его оставалась при этом чиста, но он в полном отчаянии понимал, что не мог.

Ему не спалось той ночью, возможно, потому, что он спал полдня до этого. Он ворочался в своей постели и так и сяк; в конце концов он открыл глаза и сел, и, конечно же, он увидел девочку-ангела, сидевшую рядом с его постелью на свернутом одеяле, известную также как Принцесса Большого Марса.

Куриный суп? Молоко? Нет, у нее не было ни супа, ни молока. Она просто сидела в одиночестве в ночи, рядом со своей кроватью из хвороста.

— Вам тоже не спится, мистер Карпентер?

— Нет. Ты не должна сидеть здесь, крошка, тебе нужно спать. Здесь холодно.

— Я думала о том, что нам со Скипом делать, и не могла уснуть из-за этого. А потом я увидела, что вы тоже не можете уснуть.

— Я позабочусь об этом. Я собираюсь как-нибудь вернуть вас, ребята, на Марс.

Наступила тишина. Затем Дидри сказала: — Я также думала о мисс Сэндз. Насчет того, что вы говорили о том, что она не любит вас.

— У Принцессы Большого Марса большие ушки.

— Я ничем не могу помочь, но я слышала, как вы рассказывали Скипу о ней, когда мы ночевали в пещере. Я только притворялась спящей, но я не собиралась подслушивать.

— Значит, ты слышала, как я рассказывал ему о том, что на Земле будущего иногда бывает такое — парень влюбляется в девушку, но она не любит его в ответ. Это то, что случилось со мной и мисс Сэндз.

— Я не верила этому ни минуты, мистер Карпентер. Бьюсь об заклад, что она любит вас, только не показывает виду, как и вы.

— Крошка, она даже не взглянет на меня.

— Готова поспорить, что она смотрит на вас все время, пока вы не смотрите на нее. Я знаю это как девушка, мистер Карпентер. Но вы никогда не должны говорить с ней таким манером, каким вы говорили с ней во сне. Она может подумать, что вы слегка со странностями.

Он вспомнил сон, в котором он зашел в кабинет мисс Сэндз и признался ей в любви. Очевидно, он говорил вслух. — Мне кажется, мисс Сэндз уже думает, что я слегка не в себе.

— Нет, она так не думает! Честное слово, мистер Карпентер, иногда вы сводите меня с ума! Ну как вы можете ждать от нее, что она влюбится в вас, если вы даже не говорите ей о ваших чувствах! Да если вы скажете ей, что ее любите, она бросится вам на шею вот увидите!

— Не думаю, крошка.

— Просто скажите ей в следующий раз об этом, и вы сами увидите!

— Я подумаю над этим. А пока, мне кажется, мы оба должны попытаться хоть немного поспать.

Она быстро наклонилась вперед и поцеловала его в щеку. Её глаза были темно-синими, быть может, из-за неясного света. — Любая девушка бросится вам на шею, — прошептала она. Затем она скользнула под одеяло на своей постели из веток.

* * *

Карпентер проснулся от солнечного света, косыми лучами пробивающегося сквозь заросший виноградными лозами вход. Дождь закончился. Он встал тихо, чтобы не разбудить детей, и просунул ноги в ботинки; побрился в каюте Сэма, а затем приготовил завтрак.

Блинчики и сосиски. И какао. — Идемте завтракать, ребята! — позвал он из пассажирской двери.

Они завтракали в каюте. Так как в ней было только два стула, Скип уселся на край койки. Его глаза расширились, когда он вгрызся в сосиску, и стали еще больше, когда он положил большой, щедро намазанный сиропом кусок блинчика в рот. Дидри ела со всем изяществом, какое предписывают правила хорошего тона, но когда Карпентер спросил, кто хочет еще, никто из них не сказал нет.

Чтобы доказать Дидри, как он силен, Карпентер настоял на том, чтобы посуду мыл он. Пока он мыл тарелки, Скип, выбравшийся из Сэма наружу, подошел к пассажирской двери и сообщил, что когда Хаксли приходил за водой, он сказал, что хочет сообщить Карпентеру кое-что важное и был бы признателен, если бы он нанес ему еще один визит. Карпентер глянул на Дидри, которая вытирала тарелку. — Ну, я думаю, все будет в порядке, мистер Карпентер. Но мы со Скипом пойдем с вами.

Скип дал Карпентеру идти впереди. После того как они достигли галереи, Карпентер повернул в нужный коридор, а добравшись до Y-образного перекрестка, он свернул на левую ветку. Но боковых коридоров было много, и он не был уверен, в какой из них он должен повернуть налево. Конечно же, он выбрал неправильный коридор, и Скип сообщил ему, что вместо этого коридора нужно завернуть в следующий. Карпентер исправил свою ошибку. Затем нужно было свернуть направо, потом налево, а в конце снова направо. Здесь боковых коридоров было меньше, и он нашел дорогу без дальнейших затруднений; наконец вдали появилась светящаяся точка смотрового окна в двери Хаксли.

Хаксли сдвинул люк в потолке в сторону, и утренний свет наполнял комнату. При естественном освещении это место выглядело еще грязнее, чем в свете лампы. Старик отвесил поклон Дидри и Скипу. Он где-то отыскал еще один стул и поставил его у стола рядом с другими стульями. Хаксли еще раз поклонился Дидри. — Пожалуйста, садитесь, Ваше Высочество.

Было очевидно, что Хаксли собирался стоять до тех пор, пока она не выполнит его просьбу. Она разместилась на самом краешке стула, так, чтобы только не свалиться с него. Карпентер и Скип сели тоже. Хаксли занял оставшийся стул так, чтобы находиться за столом напротив Карпентера. — Во время вашего предшествующего визита, мистер Карпентер, — произнес он, — я упомянул о том, что на Марсе наступает еще один ледниковый период.

Карпентер кивнул. Неужели Хаксли пригласил его еще раз только для того, чтобы побеседовать о гипотетическом ледниковом периоде?

— По причине эксцентриситета его орбиты и значительного наклона его оси, которая колеблется от четырнадцати до тридцати пяти градусов, — продолжал Хаксли, — Марс постоянно ныряет в ледниковые периоды. Одна сторона его орбиты лежит на тридцать миллионов миль ближе к солнцу, чем другая, и временами, когда планета находится наиболее близко к солнцу, она наклонена таким образом, что ее северное полушарие удалено от солнца в наибольшей степени. Находясь на противоположной стороне своей орбиты, планета так далека от солнца, что, когда в северном полушарии должно наступить лето, оно так по-настоящему и не приходит. Во время таких фаз нормальный процесс таяния льда на Северном Полюсе прекращается. Спустя двадцать четыре тысячи лет ситуация начинает развиваться в обратном направлении, и такие же процессы происходят в южном полушарии. Однако между этими двумя климатическими катаклизмами существует период, в течение которого два полушария получают одинаковое количество солнечного света. Во время этого периода лед вокруг полярных шапок тает обычным образом, водяной пар поглощается атмосферой, и климат становится теплее. Эти идеальные межледниковые периоды длятся около трех тысяч лет и должны были повторяться в течение всей относительно недавней истории планеты. Кью воспользовались настоящим межледниковым периодом по причинам, известным только им, и засеяли планету человеческой и различными другими формами жизни. Кажется, вас не особо удивили катаклизмы марсианского климата, мистер Карпентер? Интересно, существуют ли в ваши дни на Марсе ледниковые периоды?

Не подумав, Карпентер сказал: — Когда я был у вас прошлый

раз, вы рассказывали мне об огромном океане. Теперь от него не осталось никаких следов. И когда планета наиболее близка к солнцу, ее северная полусфера отклоняется от него.

Дидри дотронулась до его плеча. — Неужели там нет никакой жизни, мистер Карпентер?

— Мы не знаем, крошка, — быстро ответил он. — Мы только фотографировали планету с орбитальных аппаратов, но мы не смогли определить, есть ли там какая-то жизнь или нет, и провели несколько простых экспериментов с помощью дистанционно управляемых спускаемых аппаратов. Возможно, там есть жизнь, или даже цивилизация, существующая под поверхностью. Карпентер не стал говорить о том, что атмосфера Марса будущего состоит в основном из углекислого газа и слишком тонкая, чтобы вода могла течь в жидком виде.

— Однако Марс в моем времени находится более чем на семьдесят четыре миллиона лет в будущем, так что, конечно, вам или Скипу не о чем беспокоиться.

— Определенно нет, Принцесса, — сказал Хаксли. — И Марс будущего, удаленного от нашего времени на восемьсот лет — будущего, в котором, как вам, без сомнения, известно, наступит предсказанный нашими учеными ледниковый период, также определенно не является тем, о чем вам или вашему брату нужно беспокоиться. Вы можете быть уверены в том, что к тому времени кто-нибудь действительно позаботиться об этой проблеме, и будут построены космические корабли, способные перебросить всю цивилизацию Большого Марса на планеты, расположенные в других звездных системах. Хаксли вернул свой взгляд на Карпентера. — Я хотел, чтобы вы хорошо ознакомились с этой проблемой, мистер Карпентер, но что до вас, то наступающий ледниковый период не имеет никакого отношения к вашей дилемме.

— Моей дилемме?

— Либо вам придется взять принцессу и принца с собой в ваше будущее, либо вы должны будете как-то постараться вернуть их обратно на Марс.

— Боюсь, я никогда не принимал ваш ледниковый период во внимание.

— Я опасался, что вы принимали его во внимание. Это могло повлиять на ваш ход мыслей. Ваша дилемма весьма сложна. Вам, как и мне, известно, что принцесса и принц не могут так просто занять более низкое социальное положение в каком-либо обществе, и, несмотря на то, что ваши речь и манеры показывают, что ваш социум не может радикально отличаться от социума Большого Марса, в чем-то должны быть различия, и даже если их нет, вы не сможете обеспечить двум членам Королевского Дома тот образ жизни, который они принимали как должное. Дело в том, что им просто не место в будущем Земли; они принадлежат планете, на которой они родились. Кроме того, принцессе суждено когда-нибудь взойти на трон Большого Марса, и, забрав ее на Землю будущего, вы лишаете ее права первородства.

— Но если вы решите, что они должны вернуться на Марс, единственное, что вы можете предпринять — это постараться перехитрить похитителей и связаться с Космическим Флотом, используя их радио, и это, несомненно, рискованное предприятие. И это, конечно, не дилемма, которая поддается простому решению.

— Когда человек решает сделаться отшельником, он не отрезает себя бесповоротно от себе подобных, если он, конечно, не слабоумный. Он оборудует место своего уединения — свою пещеру, если хотите — достаточно близко от цивилизации таким образом, чтобы, если что-то пойдет не так или если он передумает, он гарантированно мог бы вернуться обратно. И если место его уединения удалено от цивилизации, он гарантированно обеспечивает себя транспортным средством, способным покрыть это расстояние. Он оставляет за собой свободу выбора, и свобода выбора делает его добровольный остракизм сносным. Когда он отправляется вечером спать, или когда он встает утром, он делает это с осознанием того, что он действительно может в любое время вернуться в общество, от которого он себя изолировал.

— Как главный помощник инженера-строителя Римена, я был обеспечен наземным транспортным средством, и, что более важно, был обеспечен личным космическим кораблем, на котором я мог совершать путешествие обратно на Марс в выходные или по деловым вопросам, которые делали такое путешествие необходимым. В центре Римена находится маленький космопорт, где такие важные должностные лица, как я, держали свои небольшие космические корабли. Во время эвакуации я стартовал

на своем корабле якобы с целью вернуться на Марс. Но я не вернулся. Вместо этого я в течение некоторого время находился на околоземной орбите, после чего ночью посадил корабль в глубоком овраге недалеко от этих скал. К тому времени я уже подыскал для себя вырубленное в скале помещение, в котором мы сейчас находимся. С тех пор я никогда не использовал этот космический корабль, но он до сих пор здесь. Прямо за моей задней дверью. Он является тем, что дает мне свободу выбора. Это очень маленький космический корабль, и у него нет радио, обеспечивающего межпланетную связь, но он может вместить двух взрослых — или одного взрослого и двух детей. Его скорость меньше, чем скорость больших кораблей, но при нынешнем расположении Марса и Земли он может преодолеть расстояние между этими двумя планетами менее чем за семь дней. Его плазменный двигатель загерметизирован, поэтому ему ничто не может повредить. Вчера я проверил антигравитационный реактор. Он в прекрасном состоянии. То, что я предлагаю вам сделать, мистер Карпентер, является решением вашей дилеммы. Я верну принцессу и принца обратно на Марс.

Глава 10

ВЕСЬ ОСТАТОК ДНЯ в соборе было тихо. Это было время ожидания. Детям не нужно было упаковывать одежду или что-нибудь еще, поэтому делать им было нечего. В обед Дидри соорудила легкий перекус. Перекус был сооружен совершенно без вдохновения: какао и бутерброды из вакуумных упаковок. Ни она, ни Скип не казались голодными. У Карпентера абсолютно не было аппетита; он был уверен, что детишки были поглощены размышлениями о Большом Марсе.

Время старта было назначено на 7:00 вечера, по часам Карпентера. У Хаксли не было часов, он определял время по солнцу. Он сказал, что придет за детьми. Карпентер посматривал на часы, установленные на панели управления в кабине Сэма, чтобы видеть, сколько времени прошло; свои наручные часы он потерял. Хаксли сообщил, что ему придется весь день паковать провизию для путешествия, так как ограниченный объем багажного отсека корабля вынуждает его выбирать только самые необходимые продукты питания. Карпентер предложил ему снабдить корабль провизией из багажного отсека Сэма, но Хаксли отказался, так как он привык к марсианской диете, и к тому же половина его комнаты набита рационами, которые он насобирал в городе после отбытия колонистов. Когда Карпентер заметил, что продукты не могли сохраниться в нормальном состоянии за все время, пока он проживал в своей пещере, Хаксли возразил, что когда еда вакуумируется должным образом, она может храниться вечно, а на Марсе вакуумная упаковка продуктов — настоящее искусство.

Хаксли не собирался больше возвращаться на Землю. Он поведал о том, что денежное вознаграждение за возвращение принцессы и принца обратно на Марс должно сделать его сверхбогатым марсианином, а для сверхбогатого марсианина нет никаких оснований кукситься весь остаток своей жизни в пещере на Земле.

Он был вполне откровенен, рассказывая о своих мотивах. — Я родился бедным. Теперь я могу умереть богатым. Возможно, Хаксли был даже слишком откровенен.

Овраг, в котором находился корабль Хаксли, был менее чем в

четверти мили от его жилища. Корабль покоился на тонких стальных посадочных стойках и был не более тридцати футов в высоту. Вначале Хаксли маскировал носовую часть корабле ветками, которые он срезал свежими каждую неделю. Сейчас в этом больше не было необходимости, так как ветви деревьев, росших на краю оврага, разрослись достаточно, чтобы скрыть корабль. Скип проверил его антигравитационный реактор, и оказалось, что он в полном порядке. Он не мог проверить плазменный двигатель, но с того времени, как он был загерметизирован, не случилось ничего, что могло бы повредить его, поэтому и беспокоиться за его состояние, в общем-то, не было причин.

Карпентер проверил обитаемый отсек корабля. В нем было вполне достаточно места для одного взрослого и двоих детей, чтобы сидеть, и вполне достаточно дополнительного пространства, чтобы перемещаться внутри отсека.

На всем белом свете не было ни одной причины, по которой Дидри и Скип не смогли бы вернуться обратно на Марс.

* * *

После перекуса, когда Карпентер разбирал лежанки из веток и сворачивал одеяла, Дидри сказала ему: — Думаю, что теперь, мистер Карпентер, вы сможете вернуться в 1998 год.

— Нет, для начала я собираюсь немного пошпионить вокруг, крошка. Меня отправили в прошлое, чтобы я выяснил происхождение останков. NAPS не понравится, если я вернусь, не разузнав обо всем как следует.

— Вы расскажете им о Скипе и обо мне?

— Конечно, расскажу.

— Они не поверят, что вы нашли принца и принцессу с Марса здесь, в вашем далеком-далеком прошлом.

— Может быть, они и не поверят. Но я все равно им расскажу. Все-таки им придется кое-чему поверить, когда они увидят

фотографии с тобой и Скипом, отснятые камерами Сэма. Я собираюсь отобрать себе ваши лучшие фотографии, вставить их в рамки и разместить на каминной полке. Ну ладно, не на каминной полке, потому что у меня нет камина, а на полке рядом с моим радиоприемником.

Она замолчала. Ему подумалось, что она мечтает об огромном дворце, где она скоро снова будет жить, и обо всех этих слугах, которые будут у нее на побегушках. Она быстро позабудет о Вечеринке с Жареным Зефиром. Он сглотнул. — Я думаю, когда-нибудь ты станешь замечательной королевой, крошка.

Она отвернулась и, не проронив ни слова, пошла в сторону задней части нефа, туда, где протекал ручей. В недоумении он уставился ей вслед. Она села на берег ручья, согнула колени и обхватила их руками.

Он снова начал сворачивать одеяла.

* * *

Проблема заключалась в том, что он ничего не знал о Хаксли, за исключением того, что Хаксли рассказал ему сам, а Хаксли мог рассказать неправду.

Кроме того, Хаксли был стариком. Его возраст соответствовал самое меньшее семидесяти пяти земным годам. Не исключено, что ему было и все сто земных лет, так как, возможно, люди на Марсе стареют не так быстро, как в мире Земли будущего. Но независимо от того, было ли Хаксли семьдесят пять или сто лет, он определенно приближался к завершению своего жизненного пути.

А ну как он завершит этот свой жизненный путь как раз на полпути между Землей и Марсом?

Скипу придется взять управление кораблем на себя. Пожалуй, он справился бы с этой задачей. Но Скип был всего лишь девятилетним мальчиком!

Но настоящей проблемой была не продолжительность жизни

Хаксли, а его надежность. Он прожил в известняковой пещере почти полвека. О чем он размышлял все это время? Какие идеи, логичные или безумные, рождались в его разуме?

Какими путями развивалось его мышление и насколько оно отличается от мышления людей, живущих в обществе?

* * *

— Я вычистил всего Сэма изнутри, мистер Карпентер, — сказал Скип. — Теперь он полностью готов для того, чтобы вы отправились на нем выяснять, кто превратился в ископаемые останки.

— Спасибо, Скип. И от Сэма спасибо тоже.

* * *

Он подошел к Сэму и посмотрел сквозь дверной проем на часы: 1:56.

* * *

Прожив в пещере из известняка почти пятьдесят лет и отправившись однажды к ручью за водой, старик увидел двоих детей, большую необычную машину и мужчину, спящего на постели из веток.

Один из детей подружился с ним. Он не был особо впечатлен, когда узнал, что мальчик и его сестра были похищены, потому что еще не знал, сто они были Принцем и Принцессой Большого Марса. Его не интересовало, кем они были в действительности, пока он не встретился с Карпентером, и Карпентер сказал ему об этом.

Он уже говорил Карпентеру, что ненавидит истеблишмент Большого Марса. “Он сказал, что ненавидит его пассивно. Пассивно, черт возьми! — подумал Карпентер. — Хаксли должен ненавидеть его до мозга костей. Иначе он не поселился бы в пещере за миллионы и миллионы миль от своего лицемерного родного порога.”

Принцесса и принц. Повелители истеблишмента. Возможно, формальные, но все-таки повелители.

Вишенка на торте истеблишмента.

Почему бы старику не захотеть прожить немногие оставшиеся годы богачом?

* * *

Дидри достала рулон марлевой повязки и ножницы из шкафа в каюте Сэма и подошла к куску рухнувшей известковой скалы у входа, на которой сидел Карпентер. — Мне кажется, я должна наложить свежую повязку на вашу руку, мистер Карпентер. Некому будет перевязать вас до тех пор, пока вы не вернетесь обратно в будущее.

Он смотрел на ее ловкие пальцы, которые размотали старую повязку и наложили новую. Ему захотелось еще раз сказать ей, что она напоминает ему Флоренс Найтингейл, но он вспомнил, как она ушла после того, как он сообщил ей, какой замечательной королевой она станет, и, опасаясь обидеть ее снова, он промолчал.

* * *

Он снова подошел к Сэму и посмотрел на часы: 2:59.

* * *

Хаксли жил в пещере десятилетия, год за годом, сезон за сезоном. Не было никого, чтобы составить ему компанию, кроме набора книг. Он сидел в своей пещере, читая книги и вспоминая.

Вспоминая, возможно, о тех минутах, когда ему казалось, что какая-нибудь должность из тех, что он жаждал, плывет ему в руки, а потом она ускользала от него, и так случалось снова и снова; или думая о том, как его унижали те, кто был чуть-чуть выше его на социальной лестнице; вспоминая, возможно, о больших налогах, которые были слишком кусачими для его жалких зарплат, и представляя себе шикарные дворцы, в которых жили сверхбогатые правители. Вспоминая о том, как он, наконец, получил работу, соответствующую его способностям, и как в конце концов должность инженера-строителя, соблазнительно покрутившись у него перед глазами, затем рванула прочь.

Вспоминая, негодуя. Ненавидя.

Ненавидя власти предержащие.

Волк, выползающий время от времени из-под овечьей шкуры и скрывающийся в комнате с каменными стенами.

Который нашел однажды в своем логове заблудившихся принцессу и принца Большого Марса.

* * *

Дидри приготовила TV-ужин и какао. На ужин были поданы макароны с сыром. — Потрясающее какао, крошка, — сказал Карпентер, потягивая из своей чашки.

К его изумлению, по ее щеке скатилась слеза.

* * *

Карпентер представил, как дети поднимаются на борт

корабля; Хаксли поднимается вслед за ними. Он увидел, как шлюз закрывается и корабль стартует.

Пятьдесят миллионов миль.

* * *

На часах Сэма было шесть тридцать.

Дидри и Скип сидели с отсутствующими взглядами на пассажирских местах в кабине Сэма.

Не было сомнений, что они думали о дворце и о всех тех королевских привилегиях, которые вскоре заново обретут.

Карпентер, вскарабкавшийся вслед за ними внутрь Сэма и пробравшийся в каюту за стаканом воды, покинул трицератанк через другую дверь.

Зефир на прутике был слишком жалкой заменой королевскому скипетру.

* * *

Он подошел к заросшему виноградом входу и посмотрел сквозь лозы на позднемеловой день. Каменистые склоны, спускающиеся прямо от скал, поросли виргинскими дубами, которые отбрасывали на землю длинные тени; среди их ветвей мелькали зубастые птицы. Струтиомим, оперевшись на свой хвост, объедал листья на нижних ветвях одного из дубов; вечернее небо было темно-синим. Свежий воздух, очищенный дождевой влагой, едва ли не искрился. Справа вдали он мог различить горы; они появились совсем недавно на лике Земли. Он услышал вдали полу-рев — полу-крик теропода. Равнина была скрыта под зеленью виргинских дубов. Он нарисовал ее в своем воображении, с ее лаврами, сассафрасами и карликовыми магнолиями в цвету. Прекрасный Эридан.

* * *

Они были его детьми, а не Хаксли. Может, они и были принцессой и принцем Большого Марса, но он нашел их, и они были его детьми. И если с ними что-нибудь случится, он умрет.

* * *

Было почти семь часов. Хаксли спустился по известковый лестнице на пол нефа. Карпентер подошел и встал рядом с Сэмом, Дидри и Скип выбрались из двери Сэма и встали рядом с ним. Хаксли шел к ним, и его деревянная обувь издавала глухое кланк-кланк-кланк-кланк. Он поклонился Дидри и Скипу. — Я полагаю, настало время отправляться в путь, Ваше Высочество. Мой корабль ждет вашего приказа.

— Я тут подумал, — произнес Карпентер. Он повернулся к Дидри и Скипу. — Я знаю, как вы сильно хотите вернуться домой, я знаю, как вы должны соскучиться по дворцу и как вы скучаете по родителям, хотя вы мне никогда об этом не говорили. Я знаю, что вы должны чувствовать. Он повернулся к Хаксли. — Я понимаю, что они, возможно, будут ненавидеть меня, но я знаю о вас слишком мало, чтобы доверить вам ребят. Он снова глянул на детей. — Простите, но я не могу отпустить вас.

Карпентер очень удивился, когда дети бросились обнимать его, а Дидри подпрыгнула и поцеловала в щеку.

Глава 11

КАРПЕНТЕР НАШЕЛ, ЧТО подсохшие ветки из лежанок вполне годятся в качестве дров. Он отобрал ветки поменьше, и Скип, догадавшись о его намерении, начал разводить маленький костер.

— Крошка, загляни в шкаф в каюте Сэма, есть ли там еще один пакет зефира.

— Вот он! Вот он!

Крошечный огонек весело запрыгал с ветки на ветку, и маленькая кучка хвороста, сооруженная Скипом, загорелась. Скип уже заострил прутик овощным ножом, взятым из шкафа Сэма. Дидри заостряла таким же ножом другой прутик. — Давайте дождемся, пока костер прогорит, — сказал Карпентер.

— Вам не кажется, что Хаксли слетел с катушек, мистер Карпентер? — спросил Скип.

— Вполне возможно.

— Он точно выглядел спятившим, когда уходил. Я думаю, ему никогда не приходило в голову, что вы не захотите избавиться от нас.

Дидри заострила второй прутик и вручила его Карпентеру. — Я пойду приготовлю какао.

— Немного погодя, — сказал Карпентер, — мы проведем небольшое собрание.

Так как костер был небольшим, огоньки пламени быстро угасли. Дидри вынесла какао и три чашки, а затем она, Скип и Карпентер расселись у костра. Вскоре воздух в кафедральном соборе мелового периода наполнился ароматом жареного зефира.

Пакета им хватило не на долго.

Карпентер хотел вспомнить слова какой-нибудь песни из тех, которые он обычно всегда знал, но у него ничего не вышло.

Детишки спели одну из своих песенок. Ее мелодия была нежной и трогательной и навеяла ему мысли о зеленых холмах и реках, похожих на каналы, которые он видел на фреске в доме похитителей, но ее слова были о рыбаке, который зацепился ногой о свою сеть и потерял всю рыбу. Тем не менее, это была прелестная песенка; Карпентер пожалел, что у них не было времени спеть еще, но нужно было кое-что сделать.

— Я полагаю, — произнес Карпентер, заканчивая свой какао, — что вы оба знаете, о чем будет наше собрание.

Дидри и Скип кивнули.

— Хотя я не мог отпустить вас с Хаксли, одна вещь, из-за которой он старался, действительно важна. Вы оба принадлежите Марсу.

Последовало еще два торжественных кивка.

— Так или иначе мне придется пробраться на борт корабля похитителей и отправить радиограмму Космическому Флоту. Я помню, Скип, ты говорил, что они могут добраться сюда немногим меньше, чем за пять дней.

— Дидри может точно рассчитать, сколько времени им потребуется, мистер Карпентер.

— Пока не надо. Сейчас самое важное — придумать, как пробраться на борт корабля. Нужно будет сделать это, когда он останется без охраны. Если мы будем прыгать в разные точки прошлого в пределах диапазона возможностей Сэма, мы можем поймать момент, когда кто-нибудь, кто будет охранять корабль, оставит на время свой пост. Тогда я смог бы пробраться на борт. Но шансы против того, что нам повезет, довольно высоки, и -

— Но, мистер Карпентер, — прервала его Дидри, — даже если вы сможете пробраться на борт незамеченным, вы не сможете узнать, как использовать радиопередатчик.

— Вы можете рассказать мне об этом, ребята.

— Я думаю, мы должны пойти с вами.

— Весь трюк состоит в том, чтобы отправить вас обратно на

Марс, а не вернуть снова в руки похитителей.

— Но что для нас будет хорошего, если в их руки попадете вы, мистер Карпентер? — спросил Скип.

— Я не попаду.

— Мне кажется, — продолжила Дидри, — что с тех пор, как вы спасли нас от того большого динозавра, вы постоянно рискуете ради нас. Я думаю, и мы должны рискнуть.

— Ни о каком риске и говорить не придется, если мы все сделаем правильно, крошка. Я хотел сказать, что самое лучшее для нас будет припарковать Сэма достаточно близко к кораблю, так, чтобы мы смогли держать его под наблюдением, и настроить его камуфлирующее поле таким образом, чтобы он слился с окружающим пейзажем. Затем мы попросту дождемся, когда один из похитителей оставит свой пост. В конечном счете кто-нибудь из них это сделает.

— Может быть, мы должны переждать пару недель перед тем, как начать свое наблюдение, — сказала Дидри. — К тому времени они оставят свои попытки разыскать нас и даже перестанут заботиться об охране корабля.

— Я думаю, нам нужно переждать даже больше двух недель, — добавил Скип. — Просто для надежности.

— Мне кажется, вы пытаетесь надуть меня, ребята.

— Совсем нет, мистер Карпентер.

— Ну, не так уж и нет. Все дело в том, что мы не можем позволить себе ждать. В Сэме еще осталось полно еды, но это не будет длиться вечно, да и похитители могут убраться отсюда в любую минуту.

— Может быть, они уже убрались! — предположила Дидри.

— Может быть, хотя я так не думаю. Мы начнем наше наблюдение завтра. Я думаю, даже если похитители и улетели, нам всем нужно как следует выспаться.

— У меня еще осталось какао, — сообщил Скип.

— У меня тоже, — отозвалась Дидри.

— Должен заметить, что я знаю неких принца и принцессу, которым лучше допить их какао побыстрее.

* * *

Он отправил детей спать в каюту. Не было смысла снова сооружать постели из веток всего лишь на одну ночь, и он сжег часть из них в костре, но настоящей причиной сменить место ночлега была связана с Хаксли. Старик, конечно, был совсем не похож на грозного противника, однако не стоило относиться легкомысленно к человеку, прожившему в пещере почти пятьдесят лет и у которого из рук только что ускользнула потенциальная возможность сказочно обогатиться.

Дидри уступила Скипу койку, а для себя устроила на полу постель из одеял. Карпентер выключил свет в каюте, после чего выдвинул защитное поле Сэма достаточно далеко назад таким образом, чтобы оно охватило весь ящероход. Для него как раз хватило места, чтобы сделать себе лежанку из одеял рядом с бортовым нейлоновым трапом. Он убавил свет поискового прожектора Сэма, пожелал детям спокойной ночи, скинул ботинки и улегся спать. Он извлек свой пистолет, который носил за поясом, и положил на землю рядом с собой. Карпентер чувствовал себя немного глупо, предпринимая такие меры предосторожности, однако он знал, как много значили деньги на Земле будущего, а откровения Хаксли продемонстрировали, что они значили ровно столько же на Марсе настоящего.

Свет, отраженный от высокого потолка, не был настолько ярким, чтобы помешать ему заснуть; тем не менее, сон долго не приходил, а когда наконец Карпентер уснул, его сон был прерывистым и чередовался с размышлениями. Его одолевали сомнения. Может быть, он сделал ошибку, не позволив Хаксли забрать детей. А может, он поступил так скорее по причине своего одиночества, а не потому, что особо заботился об их благополучии. Возможно, что настоящей причиной, по которой он не позволил Хаксли взять их с собой, было желание, чтобы кто-то еще, кроме Сэма, составил ему компанию.

Свет определенно мешал ему спать. Он действительно стал таким ярким, что пробудил его от глубокого сна. Он открыл глаза. Несомненно, свет был просто ослепительным. И, что было совершенно невероятным, он спустился с потолка, слился с длинным, сверкающим клинком, и теперь спускался сам клинок.

Он перекатился на бок. Большой мясницкий нож глубоко вошел в одеяла; Хаксли занес его и ударил снова, но Карпентер перекатился на нижнюю часть гусеницы Сэма, и клинок с лязгом ударил в ее верхнюю часть. Удар вырвал рукоять ножа из ладони Хаксли, и нож со звоном запрыгал по полу. Хаксли, похожий на босоногого оборванца, вывалившегося из бредового сна, повернулся и побежал.

В двери появилась Дидри. — Мистер Карпентер, что случилось? Затем она увидела Хаксли. Он был на полпути к лестнице, и его босые ноги шлепали по полу. Она заметила нож. — Он — он хотел убить вас!

Карпентер вскочил на ноги. В дверном проеме рядом с Дидри появился Скип. — Скип, фонарик, — скомандовал Карпентер. — Я иду за ним.

Скип достал карманный фонарик из выдвижного ящика под панелью управления Сэма и передал его Карпентеру. Внимательно осмотрев пол пещеры с помощью фонарика, Карпентер заметил трехжильный медный провод, который Хаксли использовал, чтобы закоротить защитное поле. Он поднял его и бросил Скипу. — Включи защитное поле снова и закрой дверь. Не выходите наружу, ребята, пока я не вернусь.

К этому времени Хаксли преодолел половину лестницы; Карпентер поднял свой пистолет, засунул ноги в ботинки и помчался за ним. Когда он добрался до галереи, Хаксли исчез. Он выбрал коридор, по которому должен был бежать старик, и свернул в него. Он слышал слабое флап-флап босых ног. Когда он достиг Y-образного перекрестка, он повернул на левую ветку. Флап-флап-флап-флап. Теперь звук стал более удаленным. Может быть, Хаксли потерял его из виду? А может, изменилась акустика. Что он собирается сделать со стариком, когда догонит его? Избить? Вряд ли. Но он скажет ему кое-что не очень приятное и ясно даст понять, что если тот когда-либо попытается забрать детей снова, это будет его последняя попытка.

Флап-флап-флап-флап исчезло совсем. Должно быть, Хаксли свернул в еще один коридор, и если предположить, что он направился в свое убежище, он должен повернуть налево. Вряд ли он направился куда-то еще. Карпентеру нужно было не ошибиться, как прошлый раз, с выбором правильного коридора. Это место походило на лабиринт. Он выбрал коридор, повернул в него, остановился и прислушался. Не было слышно ничего, кроме звука его собственного дыхания. Он посветил фонарем впереди себя, но не обнаружил никаких признаков Хаксли. Он направил луч фонаря прямо на пол. Слой пыли на полу коридора был нетронут.

Он вернулся в предыдущий коридор. Еще один, следующий за первым, коридор с левой стороны должен быть тем, который ему нужен. Он повернул в него, остановился и прислушался. Тишина. Он посветил на пол. На пыльном полу было множество следов ног. Вздохнув с облегчением, он побежал вперед. К этому времени старик должен был сделать следующий поворот.

Карпентер вспомнил, что это был правильный поворот. На этот раз он без проблем нашел нужный коридор. Теперь ему нужно было сделать еще два поворота, один налево и один направо. Он легко отыскал левый коридор и понесся вдоль него, пока не добрался до последнего коридора, ведущего прямо к уединенному жилищу Хаксли. Но он не увидел светящуюся точку смотрового окна в его конце; вместо этого он увидел световой прямоугольник распахнутой двери.

К этому времени он тяжело дышал — всю дорогу приходилось подниматься в гору. Он медленно двинулся в сторону светящегося дверного проема, держа пистолет в руке. Хаксли говорил, что израсходовал все заряды для своего ружья. Возможно, это было правдой, иначе он использовал бы против Карпентера ружье, а не мясницкий нож. Он оставил свой нож, когда убегал, но Карпентер был уверен, что у него припасены другие такие же ножи, и, возможно, он сейчас поджидает Карпентера в засаде за дверью, занеся еще один клинок для смертельного удара.

Был только один способ выяснить, так это или нет. Карпентер, прижимаясь к краю дверного проема, заскочил в освещенную фонарем комнату. Но его встретил не Хаксли. Его встретил хаос.

Хаос из книг.

Одна из заставленных томами полок была сломана, и повсюду на полу лежали книги. След из книг вел к наружной двери, которая была открыта. Было нетрудно представить себе новый сценарий. Известия о местонахождении принцессы и принца ни принесли бы Хаксли большущую кучу денег, ни сделали бы его эпическим героем, но немного деньжат и звание героя средней руки он бы заработал. Он мог бы описать Карпентера как бессовестного негодяя и представить свое нападение на него как попытку освободить детей от обманщика, который притворился их другом. Дидри и Скип после возвращения их Космическим Флотом на Марс попытались бы исправить его историю, но сам факт, что Хаксли сделал их спасение возможным, вызвал бы недоверие ко всему, чего бы они не сказали.

Он забрал с собой столько своих любимых книг, сколько смог; теперь их вес не имел значения. Карпентер прошел по следу из книг через комнату и выбрался из двери наружу, за дверью была короткая серия отпечатков ног Хаксли. Она заканчивалась на освещенной звездами площадке, но он знал, где находится корабль. Впрочем, меньше всего на свете ему хотелось останавливать Хаксли, поэтому он встал под звездным светом и начал ждать. Наконец маленький корабль бесшумно поднялся в небо, унося с собой его дилемму. Все, что ему нужно было делать теперь — это дожидаться в соборе вместе с детьми прибытия Космического Флота. Как только один из их кораблей совершит посадку, он разведет большой костер у входа в собор, чтобы спасатели смогли без труда найти их убежище; тогда они смогут взять Дидри и Скипа на Марс.

Ему попросту не о чем было беспокоиться.

Карпентер сглотнул. Ему захотелось выкурить сигарету, хотя прошло уже пять лет с тех пор, как он бросил курить.

К тому времени маленький корабль был уже высоко в верхнемеловом небе, и его двигатель включился, выбросив сверкающий, как звезда, факел реактивной струи. И какой факел! Он увеличился на глазах у Карпентера, став новой звездой, яркой и ослепительной. Но это была не новая звезда и даже не факел ракетного двигателя: это был корабль с Хаксли и его книгами.

Карпентер изумленно смотрел на яркий погребальный костер, пока тот постепенно не растаял. Он принял правильное решение — но по ошибочной причине.

Но одно он знал точно; окаменелые человеческие останки, которые сотрудники NAPS извлекут во время полевых исследований в 1998 году нашей эры, будут принадлежать не Хаксли.

Глава 12

ЗАРЯ ЗАСТАЛА КАРПЕНТЕРА, детей и Сэма далеко на равнине.

Карпентер хотел бы оставить собор гораздо раньше, чем они оставили в действительности, чтобы они могли незаметно подобраться к кораблю террористов под прикрытием предрассветной тьмы, но он понимал, что у них не получится найти дорогу без помощи поискового прожектора Сэма, свет которого выдал бы их.

Перед тем, как покинуть пещеру, Карпентер выскользнул наружу и провел ночную рекогносцировку близлежащих окрестностей. Он не обнаружил никаких признаков террористов, но он должен был убедиться, что они не устроили засаду.

Было ясно, что они не имели ни малейшего представления о том, где он прятался с детьми.

Первые лучи солнца порвали розовые одежды зари и прогнали ее на запад. Дневной занавес поднялся, и равнина превратилась в открытую сцену. Рощицы деревьев, разбросанные по утренней сцене, были, по мнению Карпентера, слишком малочисленны и далеки друг от друга, но он знал, что, для того чтобы добраться до места, где находится корабль террористов, им придется описать полукруг, объезжая город, а сделать это, не рискуя быть обнаруженными, у них ни за что не получится.

Двигаясь по широкой дуге, Карпентер старался держать небо под наблюдением. Птеранодонов он не заметил, но на западе разглядел стадо цератопсов. Было ли оно тем же самым стадом, временным членом которого стал Сэм неделю назад?

Дидри и Скип сидели вместе с Карпентером на водительском сиденье, и они увидели стадо цератопсов тоже. — Посмотрите-ка, сколько Сэмов! — воскликнул Скип.

— Смотрите, — сказала Дидри, указывая пальцем. — Вон то самое дерево, на которое нас загнал тот большой толстый динозавр!

Карпентер глянул на дерево. Может быть, это и было то самое дерево, на котором сидели ребятишки, когда он нашел их, но на равнине было слишком много гинкго, поэтому нельзя было сказать наверняка.

Скип перебрался назад в каюту. — Хотите лимонада, мистер Карпентер?

Карпентер кивнул головой. — Мне тоже, — сказала Дидри.

Скип открыл две бутылки лимонада, протянул одну Дидри и забрался со своим лимонадом обратно на водительское сидение. — К слову, посмотрите-ка вон на то сумасшедшее дерево, мистер Карпентер!

И действительно, это было сумасшедшее дерево. У него были хвост, большая голова и зубы. Дерево загорало в косых лучах утреннего солнца.

Мистер Тираннозавр-рекс.

— Ну что ж, я знал, что встречусь с тобой рано или поздно, старина, — сказал Карпентер.

* * *

Тираннозавр не только грелся на солнышке, он к тому же еще и разглядывал Сэма. Он принял Сэма за настоящее животное, и не было сомнений, что ему очень хотелось отведать сырой стейк из цератопса.

Казалось, он усмехался.

Карпентер сбросил скорость и вел Сэма очень медленно.

Дети позабыли о своем лимонаде и таращили глаза на кульминацию эволюции рептилий. Балансируя на огромных задних ногах, тираннозавр возвышался над землей самое меньшее на двадцать футов. От кончика носа и до конца своего огромного хвоста он был в длину по крайней мере сорок пять футов. Каждая из его маленьких передних конечностей была снабжена двумя

когтистыми пальцами, идеально подходившими для того, чтобы поднять чашку чая. Он был темно серого цвета и имел грязную шкуру, вид которой вызывал ощущение мурашек по телу.

Большая капля слюны выкатилась из угла его пасти, и они почти услышали шлепок, с которым она упала на землю. Тираннозавр испустил рев. Или вопль. Трудно было сказать, какой звук он издал. — Сматываемся отсюда! — прошептал Скип.

Тираннозавр двинулся в их сторону. Земля задрожала под его ногами. — Скорее, — выдохнула Дидри.

— Не бойтесь, ребята, — сказал Карпентер. — Сэм ему не по зубам.

Тем не менее, если бы не опасность привлечь внимание террористов, он бы использовал рогопушки, так, на всякий случай.

Тираннозавр заслонил собой солнечный свет, и Сэм оказался под его огромной тенью. Гигантская голова поднялась, готовясь к атакующему броску сверху вниз. Карпентер затормозил одну из гусениц и сделал быстрый поворот вправо, поэтому атака тираннозавра пришлась на хвост Сэма. Проблема была в том, что Сэм в действительности не имел хвоста. Огромные челюсти скользнули по защитному полю и встретились друг с другом, как два такси, столкнувшиеся на Пятой Авеню. После этого тираннозавр взревел по-настоящему.

— Он — он вышел из себя, — сказал Скип.

Карпентер развернул Сэма на месте так, что его носовая часть снова оказалась напротив атакующего ящера. Тираннозавр все еще принимал Сэма за цератопса и ожидал, что он начнет удирать, как настоящий цератопс. Тогда бы он сделал шаг в сторону, опустил бы свою голову и вонзил зубы в спину Сэма. Но Сэм “думал” по-другому и, вместо того чтобы пуститься наутек, продолжал медленно отступать. Это еще больше разъярило тираннозавра, и он, вместо того чтобы ждать дальше, когда Сэм ретируется, бросился в атаку сам. Карпентер быстро переключился с задней передачи на переднюю, и когда тираннозавр перенес весь свой вес на правую ногу, ударил плечом Сэма в его заднюю левую.

Тираннозавр дико закрутил хвостом, и только это не дало ему опрокинуться.

Издавая пронзительный вопль, он раскрыл пасть на всю ширину, демонстрируя каждый из всех своих шестидюймовых зубов. Вместе с воплем внутрь Сэма через вентиляционную систему проникло его дыхание, и кабина стала благоухать так же, как Нью-Йоркская улица во время забастовки мусорщиков. Тираннозавр снова набросился на них, позабыв обо всем, что только что с ним случилось. На этот раз Карпентер направил Сэма на его правую ногу и ударил, как будто собираясь оторвать ящера от земли. Тираннозавр отчаянно попытался сделать пируэт. У него получилось не лучше, чем у слона, старающегося сплясать чечетку. Он напрасно вертел своим громадным хвостом. Для троих обитателей ящерохода он походил на падающее дерево. Карпентер отвел Сэма так, чтобы тираннозавр не упал на него. Восьмитонная гора мяса падала все ниже, ниже и ниже. Она прихватила с собой два маленьких деревца. КРАААААААШ! КРАААААААШ! КАРОООООООМПФ!

Свалившись на спину, тираннозавр стал яростно взбрыкивать задними ногами и бить хвостом назад и вперед, пока, наконец, не перевернулся на брюхо. Тем не менее его положение оставалось не самым блестящим. Когда он стоял на задних ногах, вес его хвоста компенсировал тяжесть огромной головы, позволяя сохранять равновесие, но теперь, когда его голова находилась на земле, массы хвоста для восстановления баланса не хватало. Затем он заработал слабыми передними лапами, стараясь оттолкнуть грудную часть туловища от земли, чтобы выровнять “качели” из своих головы и хвоста. Когда у него почти получилось, Карпентер пересек театр военных действий и слегка толкнул тираннозавра в плечо мордой Сэма, тем самым повергнув его на землю снова, на этот раз со слегка другим КАРОООООООМПФ!

Дидри и Скип хохотали. — Подтолкните его еще разок, мистер Карпентер, — сказал Скип, когда тираннозавр снова попытался перевернуться на брюхо.

— Нет, мы уже доставили ему пару неприятных минут. Нам лучше поехать дальше.

— А он не погонится за нами? — спросила Дидри.

— Вряд ли. Запах у Сэма не такой, как у цератопса, и он оставляет совсем другие следы. В любом случае, Сэм может запросто обогнать нашего приятеля прямо сейчас. Как вы думаете, ребята, мы едем мимо города?

— Мимо города путей хватает, — отозвался Скип.

— Хотя, может быть, нам лучше какое-то время держать курс на юго-восток.

— Если бы мы ехали прямо на восток, мы бы вышли точно на корабль.

— Очень скоро мы увидим море, — сказала Дидри.

Море привело Карпентера в замешательство, когда, полутора часами позже, Сэм выкатился прямо на берег. К 1998 году нашей эры оно бесследно исчезнет. На самом деле оно не сильно отличалось от морей будущего, хотя, конечно, было намного, намного мельче, а его береговая линия представляла собой болото, покрытое спутанными зарослями деревьев. Но это море было таким же голубым, как Тихий Океан, и казалось таким же безбрежным.

Что привело его в замешательство гораздо больше, чем море, так это огромный узор, немного погодя появившийся в небе на одной линии с наклонным лобовым стеклом Сэма:

— Это Кью, — прошептала Дидри.

* * *

Узор лежал прямо по ходу следования солнца, которое к этому времени уже прошло треть своего пути, поднимаясь по восточному небосклону. Казалось бы, ослепительный солнечный свет должен был делать узор едва различимым, но чернота его линий была ярче блеска солнца.

— Это всего лишь пересекающиеся линии, крошка. Почему ты говоришь, что это Кью?

— Потому что Кью выглядят так.

— Ты когда-нибудь видела их?

— Нет, но я разговаривала с людьми, которые видели. Но даже если я никогда их и не видела, я видела пирамиды, и на каждой пирамиде были такие же пересекающиеся линии, которые мы видим сейчас.

— Ну да, это Кью, — подтвердил Скип.

— Может быть, это скорее космический корабль Кью?

— Может быть, — ответила Дидри. — Даже ученые с Большого Марса не знают толком, что там на самом деле появляется в небе и нарисовано на пирамидах — сами Кью или их космические корабли.

— Не похоже, что вы, ребята, испугались.

— Да нет, мы не боимся, — сказал Скип. — Кью никогда не обращают внимания на людей.

— Эта штуковина там наверху, похоже, интересуется нами.

— Я думаю, их интересует Сэм, — возразила Дидри. — Он ведь является анахронизмом.

— Как и я.

— Все обстоит так, как говорит Скип, мистер Карпентер. Они никогда не обращают внимания на людей. Кажется, люди просто не имеют для них никакого значения.

— Я думал, люди имеют для них большое значение, раз уж они засеяли ими Марс и собираются засеять Землю.

— Мне кажется, они уже засеяли Землю в определенном смысле, и я думаю, что время для них существует по-другому, не так, как для нас.

— Ну что же, раз они уже засеяли Землю в будущем, им должно быть интересно, что это я делаю в Эридане сейчас.

— Нет, — сказала Дидри. — им просто все равно. Если их что-то и интересует, так это Сэм.

— Смотрите, — произнес Скип, — они сейчас на лобовом стекле!

Карпентер снова посмотрел на узор. Он был на лобовом стекле.

Ему вспомнился рассказ Эдгара По, который он читал в школе. Действие происходило во времена владычества холеры в Нью-Йорке; герой рассказа проживал в течение двух недель у родственника в комфортабельном коттедже на берегу Гудзона. Читая в послеполуденное время у открытого окна, из которого открывался вид на холм, он поднял глаза от страницы и увидел гротескное чудовище, сползающее вниз по склону холма. В конечном счете “чудовище” оказалось насекомым из рода Sphinx, длиной приблизительно в одну шестнадцатую дюйма, которое спускалось по свисающей с оконной рамы паутине, оставленной пауком.

Может быть, узор все это время находился на лобовом стекле Сэма?

Если так, то он должен быть не больше жука из рассказа По.

Температура внутри Сэма быстро падала. Карпентер проверил термостат. Он был установлен на семьдесят градусов [7]. Он мог видеть свое дыхание и дыхание детей. И он видел, что теперь дети испугались.

Дидри подвинулась поближе к Карпентеру, а Скип — к Дидри. — Я — я думаю, они изучают Сэма, — прошептала Дидри.

— Как, крошка?

— Я — я не знаю.

— Смотрите! — вскричал Скип, показывая на небо. — Похитители!

Подняв глаза, Карпентер увидел трех “птеранодонов”. Нет, четырех; они пролетели над побережьем в южном направлении. Он попытался включить первую передачу, чтобы вести Сэма под

прикрытием ветвей близлежащих ив, но обнаружил, что двигатель больше не работал; он увидел, что зажигание было все еще включено.

Судя по тому, что птеранодоны были в воздухе, террористы, по-видимому, до сих пор не обнаружили ящероход. Наконец четыре темных силуэта скрылись из виду. Но Карпентер знал, что они вернуться.

— Может быть, они увидели Кью, — сказал он. — Может, они улетели из-за них.

Дидри покачала головой. — Если бы они увидели Кью, они остались бы в городе. Да и небо — подходящее место, чтобы держаться подальше от Кью, когда они в тоже воздухе. Мне кажется, они просто полетели искать нас дальше.

Карпентер мысленно согласился с ней.

Он снова всмотрелся в узор. Была ли это группа инопланетных существ, или это был один пришелец? А может быть, его предположение верно, и это был их корабль?

А если это и был их корабль, как он смог уменьшится до ничтожной части своего прежнего размера и мгновенно переместиться с неба, где он был вначале, на лобовое стекло Сэма?

Что это такое, выглядевшее как нарисованная кем-то на стекле косая решетка для игры в крестики-нолики? Чем бы это ни было, оно было двухмерным.

Быть может, когда Кью являют себя или свои корабли, они делают это только в двух измерениях. Или, быть может, люди не способны воспринимать их или их корабли больше, чем в двух измерениях.

Возможно, они могут это делать в четырех измерениях.

Ему захотелось узнать, как выглядит узор снаружи, и попытался открыть водительскую дверь. Он не был особенно удивлен тем, что дверь даже не шевельнулась.

Он не стал пытаться открыть пассажирскую дверь, потому что

знал, что она тоже не поддастся.

Сидя с двумя детьми, он испытал чувство холодного равнодушия. Это было такое же равнодушие, какое иногда испытываешь, глядя на звезды. Внезапно он понял, что Дидри имела в виду, когда говорила, что люди не имеют для Кью никакого значения. И он понял, как раса людей может знать о своих создателях и не поклоняться им.

— А Кью часто показываются на Марсе? — спросил он.

— Люди видят их постоянно, — ответил Скип.

— Они видят их на протяжении поколений. — добавила Дидри. — Кью — часть нашей истории.

— Если они собираются засеять Землю, они должны были бы стать частью и нашей истории. Но они не стали.

— Не исключено, что к 1998 году вашей эры Кью потеряли интерес к Земле, и больше не показывались, — продолжила Дидри. — Или, быть может, они улетели куда-нибудь еще в другую часть галактики. Но я готова поспорить, что в вашей культуре остались их следы.

“Интересно, — подумал он, — может ли решетка для игры в крестики-нолики быть результатом воздействия архетипической памяти?” — Возможно, ты и права, крошка.

Он снова посмотрел на узор; его линии больше не были такими отчетливыми, как раньше, и температура внутри Сэма стала подниматься. Дети тоже разглядывали узор. — Он исчезает, — произнес Скип.

Пересекающиеся линии стали тонкими, как нити; температура продолжала расти. Внезапно двигатель Сэма заработал вновь, и узор исчез.

Карпентер не додумался посмотреть на часы, встроенные в панель управления Сэма, когда узор только появился на лобовом стекле, но положение солнца подсказывало ему, что со времени его появления прошло довольно много времени. Казалось, что узор был на стекле недолго, но могло быть так, что во время присутствия Кью время удвоило свой бег, или, быть может,

корабль Кью, если это действительно был корабль, оказывал дестабилизирующее влияние на восприятие течения времени как у него, так, вероятно, и у Дидри со Скипом.

— Похитители! — воскликнул мальчик. — Они возвращаются!

— И они увидели Сэма! — закричала Дидри.

Три птеранодона уже неслись вниз по направлению к ящероходу. Карпентер быстро заехал под ветви ближайшей ивы, и три самолета вернулись обратно к четвертому, бывшему высоко в небе.

Четвертому?

Карпентер посмотрел вверх сквозь листву и сосчитал самолеты. Да, их было четыре.

Корабль террористов был оставлен без охраны!

Дидри смотрела на него. Он понял, что она пришла к такому же заключению. Скип сообразил об этом секундой позже. — Они так хотели разыскать нас, что совсем забыли о корабле. Правда, для нас в этом нет ничего хорошего, — добавил он, — потому что они смогут добраться до него раньше, чем мы.

— Нет, не смогут, — возразил Карпентер, вводя цифры в компьютер Ллонка.

Дидри наклонилась вперед. — Это такие же цифры, как прошлый раз, мистер Карпентер.

— Правильно. Нет резона прыгать назад больше, чем на час. Раскинь-ка мозгами, крошка.

— 828.464.280 умножить на 4.692.438.921 будет 3.887.518.032.130.241.880.

Карпентер закончил расчеты и включил рубильник временного скачка. — Ну что, поехали снова, ребятишки!

Сэм замерцал и слегка вздрогнул, солнце немного опустилось, тень от ивы стала длиннее, а птеранодоны исчезли с

неба.

Глава 13

КОРАБЛЬ ТЕРРОРИСТОВ выглядел как большое металлическое дерево с тремя тонкими стволами внизу. Его “листва” состояла из спутанных мертвых веток с увядшими листьями, прикрепленных к носовой части.

Три ствола были посадочными опорами, на которых покоился корабль. Они были тонкими и казались очень хрупкими, и Карпентер нашел, что ему с трудом верилось в их способность выдержать вес корабля. Возможно, что металлургическая промышленность Марса была более передовой по сравнению с земной.

Корабль окружали настоящие деревья: несколько гинкго, почти такие же высокие, как сам корабль, ивы и саговники. Равнина в этом месте переходила в низину, покрытую толстым ковром из осоки, и трясин вокруг было больше. Карпентер догадался, почему террористы выбрали это место — оно отлично маскировало корабль.

Дидри, казалось, читала его мысли. Сэм стоял на холостом ходу в пятидесяти футах от корабля, но она, Карпентер и Скип все еще сидели в кабине. Они знали, что террористы уже покинули корабль, потому что Карпентер остановился и ждал до тех пор, пока они не увидели, как птеранодоны пронеслись на юг.

Открытый люк ангара для самолетов рядом с носовой частью корабля также свидетельствовал о том, что террористы улетели.

— Неплохое место для того, чтобы спрятать корабль, — сказала Дидри, — но они сделали глупость, приземлившись здесь, где вокруг полным-полно болот. Если Космический Флот догадается, что похитители в Эридане, они могут найти корабль с помощью детекторов массы. Хотя нет, они не догадаются.

— Неужели у террористов нет убежища на Марсе?

— Есть. Там находится их сообщник Кирк.

— Почему же они не спрятали вас со Скипом там вместо того, чтобы тащить так далеко на Землю?

— Дело в том, что Земля на самом деле не так далека для таких скоростных кораблей, как этот. Это разведывательный корабль Космического Флота, который похитители, возможно, украли с орбиты. Готова поспорить, Флот даже не заметил, что его умыкнули!

— Ребята из Космического Флота, похоже, не слишком умны.

— О, они достаточно умны, когда поступают на военную службу, мистер Карпентер, ну, или умны до того, как начинают учиться в академии. Но в академии их не учат думать — их учат только исполнять приказы.

— Они выполнят любой приказ, — вставил Скип.

— Абсурдность всего этого заключается в том, — продолжила Дидри, — что в действительности мы не нуждаемся в Космическом Флоте. За последние сто лет у нас не было войны.

— Вам, ребята, повезло, что вы живете на Марсе.

— А на Земле будущего происходят войны, мистер Карпентер? — спросил Скип.

— У нас было две больших войны, — ответил Карпентер. — Хотя сейчас нам удалось добиться всеобщего мира. Он открыл водительскую дверь. — Я собираюсь добраться до радио. Мы уже потеряли полчаса из времени, которое у нас в запасе.

— Мы пойдем с вами, — сказала Дидри.

— Нет, ребята, вы дожидайтесь в кабине Сэма, и -

— Мистер Карпентер, вы не сможете управиться с марсианским радиопередатчиком, вы даже не знаете, где он находится; и даже если бы вы знали, где он, и умели с ним работать, как вы сможете разговаривать с кем-нибудь на Марсе, если они будут без сережек-говорешек?

— Они оденут их.

— Нет, они не будут их одевать. Они просто подумают, что это какой-то сумасшедший, который настроился на

межпланетный диапазон, и прервут радиосвязь.

— В любом случае, — вмешался Скип, — что в этом опасного? Как похитители могут навредить нам, если их здесь нет?

Карпентер посмотрел на корабль. Вход в шлюзовую камеру был рядом с его нижней частью, немного выше одной из посадочных стоек. Он может добраться до него, вскарабкавшись по посадочной стойке. Но что, если у него не получится открыть шлюз? Он ничего не знал о марсианских механизмах.

В итоге он оказался поставленным перед фактом, что у него не получится сделать все в одиночку. Он загнал Сэма под иву и припарковал его так, чтобы его носовая часть оказалась повернутой в направлении ближайшей посадочной стойки. Всегда нужно позаботиться о тузе в рукаве. — Хорошо, крошка, хорошо, Скип — идемте.

Они подошли во главе с Карпентером к кораблю. — Скип, как ты думаешь, у тебя получится открыть шлюзовую камеру?

— Запросто, мистер Карпентер.

Он вскарабкался по посадочной стойке, и шлюзовая камера открылась. — Она даже не заперта, мистер Карпентер.

Карпентер нахмурился. Все проходило слишком гладко.

Скип спустил вниз гибкую металлическую лестницу. Карпентер взобрался по ней первый, Дидри последовала за ним. Температура внутри корабля была выше, чем снаружи. Освещение в шлюзовой камере почему-то оставалось включенным. Скип открыл внутренний люк шлюзовой камеры так же просто, как и наружный, и повел всех в коридор. Освещение в коридоре было также оставлено включенным.

Мальчик был не совсем уверен в себе. Коридор был круглым, и он медленно двигался вдоль него. По обе стороны коридора через широкие интервалы были стальные двери. Скип открыл одну из них на внутренней переборке и тут же закрыл обратно. — Это отсек с двигателем и антигравитационным реактором. Нам туда не надо. Затем он открыл одну из дверей на переборке, расположенной с наружной стороны. — Смотри, Дидри —

секретная лестница! Ну, может и не секретная, но это не та, которую они использовали, когда притащили нас на борт и улетели.

Дидри присоеденилась к нему и заглянула в дверной проем, а Карпентер перегнулся через их головы. Винтовая лестница, расположенная внутри колодца с гладкими металлическими стенами, вела наверх. Лестница была столь узкой, что подняться или спуститься по ней мог только один человек. — Возможно, это аварийная лестница, Скип.

— Бьюсь об заклад, она самая! Но нам лучше подняться по обычной, если я смогу найти ее.

Они продолжили движение вдоль коридора, по-прежнему возглавляемые Скипом, и прошли мимо еще одной двери на внутренней переборке, которая, с его слов, также вела в отсек с двигателем и антигравитационным реактором. Коридор закончился более широкой дверью. — Я думаю, это должна быть она. Он открыл дверь, демонстрируя прямую лестницу. — Это та самая лестница, по которой они тащили нас, когда похитили и привели на корабль, мистер Карпентер. Это сходный трап. Идемте.

Он начал подниматься по лестнице. Лампы в виде диагональных трубок освещали ему путь. Очевидно, террористы оставили свет включенным на всем корабле. Карпентер и Дидри продолжали подниматься; Карпентер пытался следить за временем. У него, конечно, ничего не получалось, но он не очень-то об этом беспокоился. Хотя они прилично потеряли из часа, бывшего в их распоряжении, все еще оставалось достаточно времени, чтобы успеть послать сигнал SOS. Как только они отправят его, им придется со всех ног мчаться к Сэму. Весь остаток дня он должен будет прятать Сэма подальше от глаз, а потом направится в кафедральный собор, где они будут дожидаться появления Космического Флота.

Первая палуба, до которой они добрались, оказалась зеленым садом. Растения, очень похожие на земные папоротники, росли в орошаемых скважинах сквозь мульчу; искусственный солнечный свет давали фитолампы, встроенные в переборки.

На следующей палубе находились камбуз и столовая. В ней стоял неприятный запах, особенно заметный после запаха

растительности на палубе внизу. Большое помещение было наполнено разбросанными как попало картонными коробками; в переборки были встроены шкафы, а прикрученные болтами к полу длинные столы и скамейки простирались почти что от одной стены до другой. В камбузе также были встроенные в переборку грязная плита и раковина, похожая на раковину в доме террористов или на металлический бак в жилище Хаксли; она была наполнена грязной посудой. Похоже было, что обитатели Марса особо не заботились о чистоте тарелок.

Следующая палуба представляла собой большое круглое помещение, стены которого являлись обшивкой корпуса корабля. Оно было пустым, за исключением раскиданного по полу мусора. — Здесь был кубрик, когда корабль еще входил в состав Космического Флота, — сообщила Дидри. — Должно быть, похитители выбросили все кровати.

Скип показал на цилиндрическую колонну рядом со стеной. — Это должна быть та же лестница, которую мы видели внизу, мистер Карпентер. Тут даже дверь в нее. Конечно, это аварийная лестница.

На следующей палубе, до которой они добрались, были офицерские каюты. Не было сомнений в том, что именно здесь террористы проводили свое время, когда корабль находился в космосе. Палуба представляла собой большую комнату отдыха, окруженную дверьми; все двери были закрыты. В комнате находились шесть роскошных, прикрученных к полу кресел, расположенных вокруг низкой тумбы, стоявшей точно в центре палубы. На тумбе покоилось нечто, казавшееся большим кубом изо льда. Карпентеру не было нужды спрашивать у детей, что это такое. Хотя он никогда не видел марсианский голографический куб раньше, он знал, что смотрит сейчас именно на него.

Дидри показала на одну из дверей. — Они заперли нас в той кающе.

— Они все время смотрели голографические фильмы, — сказал Скип, — мы иногда могли слышать некоторые слова.

Возможно, они смотрели фильмы для голубых. А дети лежали все это время в кающе, голодные и замерзшие. Карпентер попытался возненавидеть террористов еще больше, чем он уже ненавидел, и обнаружил, что не смог.

Нижняя часть тумбы была окружена полками, заполненными маленькими катушками, которые, вероятно, вставлялись во встроенный проигрыватель. “Интересно, — подумал Карпентер, — почему это террористы, с таким обилием фильмов, с комфортабельными креслами, в которых так удобно бездельничать, и с кроватями, в которых, несомненно, так удобно спать, выбрали себе в качестве жилья дом в городе?

Может быть, он был для них чем-то вроде настоящего, родного дома?”

Следующая палуба выглядела как огромная компьютерная комната. В ней везде были панели с маленькими лампочками, переключателями, массой крутящихся ручек и расположенными ярусами экранами. Карпентер видел подобный отсек в маленьком корабле Хаксли, но, конечно же, он был гораздо, гораздо меньше и не произвел на него такого впечатления. Скип сказал тогда, что это пост управления антигравитационным реактором, но пост управления на этом корабле был не только значительно больше, в нем располагалось гораздо более сложное оборудование, и Карпентер был в замешательстве. — Почему вся аппаратура находится здесь, — спросил он, — если реактор расположен внизу?

— Компьютер реактора объединен с компьютером корабля, — ответила Дидри. — Но, конечно, он довольно большой. Для того чтобы свести на нет планетарную силу притяжения, ему приходится производить множество расчетов, с которыми человеческий разум попросту не в состоянии справиться.

— Полагаю, нужно быть гением, чтобы летать на марсианском корабле.

— Совсем нет, — отозвался Скип. — Все, что нужно пилоту — так это знать, на какие кнопки нажимать в ходовой рубке.

Он снова начал подниматься по сходному трапу. — Ходовая рубка через одну палубу выше — радиопередатчик как раз там.

Палуба между постом управления антигравитационным реактором и ходовой рубкой оказалась ангаром для птеранодонов. Бриз с равнины, родившийся в горах, затекал через открытый люк. Рядом с люком, подобно стальной колонне, стояла труба аварийной винтовой лестницы с запертой дверью. Ангар не

был оснащен шлюзовой камерой, вероятно, по той причине, что птеранодоны не были предназначены для полетов в космосе.

Несколько птеранодонов лежало напротив одной из переборок. Со своими распластанными крыльями они походили на больших, покрытых голой кожей коршунов. Яйцевидные бомбы, которыми они оснащались, были сложены в трех прикрепленных к палубе контейнерах со стальными ячейками; один из контейнеров был частично пуст.

Карпентер подошел к открытому люку; дети присоединились к нему. Ивы, под которыми был припаркован Сэм, были ниже корабля, и он мог видеть сквозь их верхние ветви широко раскинувшуюся равнину и молодые горы вдали, которые когда-нибудь будут известны как Скалистые. Справа, сквозь листву и ветви гинкго, он заметил пирамидальные здания города; за городскими постройками можно было разглядеть известковые скалы. Карпентер посмотрел на юг, пытаясь обнаружить приближающихся птеранодонов, но он знал, что появляться им было слишком рано. Правда, он знал также, что когда террористы пролетят второй раз над возвышенным местом, на котором стоял Сэм, и Сэм проделает свой трюк с исчезновением под ивой, они направятся прямо к кораблю.

— Какое прекрасное место, мистер Карпентер, — сказала стоящая рядом с ним Дидри. — Я буду скучать по нему, когда вернусь обратно на Марс,

— Марс тоже должен быть прекрасным.

— О, да. Там красиво, но не так, как здесь. Когда люди долго живут на планете, они что-то у нее отбирают. Зачастую это делает ее более красивой, но нередко бывает наоборот.

Карпентер подумал о Земле будущего. Размышления о Земле будущего сводились главным образом к мыслям о скоростных автострадах и городах. Транспортные развязки типа “клеверный лист” прекрасно смотрелись сверху, и города выглядели издалека очень романтично, что, в общем-то, не соответствовало их внутреннему содержанию, но ничто из того, что человек построил или построит когда-либо, не сможет сравниться с первозданным очарованием Эридана.

Он с грустью подумал о том, что вскоре ему тоже придется

покинуть это прекрасное место. Время уходило, и он отвернулся от люка. — Я думаю, нам лучше подняться на ходовую рубку, ребята.

И снова Скип показывал дорогу. Предназначение большей части аппаратуры на ходовом мостике было так же непонятно Карпентеру, как и предназначение аппаратуры, находившейся на посту управления реактором антимассы. Она занимала половину палубы, а в переборке за ней было несколько дверей; пара мягких кресел, похожих на подушки и снабженных ремнями, располагались напротив панелей с путаницей экранов и мерцающих огней. Поодаль, слева и справа от кресел, находились два огромных иллюминатора, встроенные в обшивку. Сквозь один из них Карпентер мог видеть море, а сквозь другой — равнину.

Дидри и Скип уселись в кресла-подушки, и Дидри потянулась к маленькому шестиугольному предмету, прикрепленному к одной из панелей. В этот момент одна из дверей на переборке сзади открылась, и Флойд, ухмыляющийся во весь своей зубастый рот, шагнул в рубку с ружьем в руках. Дидри и Скип, услышав его шаги, обернулись в креслах-подушках; их лица побледнели. Ухмылка на лице Флойда превратилась в широкую улыбку, и он направил ружье на Карпентера. — Добро пожаловать на борт, старина.

Глава 14

— Я ДУМАЛ, КРОШКА, — сказал Карпентер, — что похитителей только четверо.

— Их на самом деле четверо, мистер Карпентер. Наверное, четвертый самолет был беспилотный!

Флойд, в чьих ушах не было сережек-говорешек, не понял Карпентера, но догадался о смысле сказанного им по ответу Дидри. — Мы предположили, что ты сделаешь, если увидишь четыре самолета, — сказал он. — И мы в конце концов сообразили о кое-чем еще. Единственный приятель, который у тебя есть — это устройство дистанционного управления. Мне кажется, это большая пряжка на твоем ремне, но перед тем, как его снять, положи ту маленькую пушку, что заткнута за твоим ремнем, на палубу.

— Все, что скажешь, Флойд. Карпентер положил пистолет на палубу и начал расстегивать ремень. — Ребята, оставайтесь в этих креслах и пристегнитесь ремнями, — сказал он Дидри и Скипу.

Повернуть управляющий перстень пальцем, одновременно расстегивая ремень, было совсем просто. Карпентер обратился к Дидри: — Крошка, если этот корабль упадет на бок, не взорвутся ли от удара о землю бомбы в ангаре или что-нибудь еще? Ответь мне “да” или “нет”.

— Нет.

— Скип, оборудование на палубе закреплено достаточно прочно, чтобы оно не сорвалось на нас от такого удара? “Да” или “нет”.

— Да.
— Кресла — они удержаться на месте?

— Да.

— Ребята, вы оба крепко пристегнулись?

В ответ прозвучало двойное: “Да”.

— Хватит трепаться с детьми, давай снимай свой ремень! — рявкнул Флойд. Он торопливо надевал сережки-говорешки.

“Слишком поздно, приятель”, — подумал Карпентер и нажал Х-образную выпуклость на управляющем перстне, включение которой бросало Сэма вперед для нанесения таранного удара.

В тот же миг снизу донесся рев двигателя “Камминз” и лязг гусениц. Пустой взгляд превратил жесткое выражение лица Флойда в смешное; он подбежал к иллюминатору, смотрящему на запад, и уставился сквозь него вниз, на землю. То, что он увидел, заставило его совершенно забыть о Карпентере. Флойд повернул переключатель под иллюминатором, после чего стекло скользнуло вбок, в стену. Марсианин высунулся наружу и навел свое ружье на несущийся внизу, как таран, трицератанк. Мгновение спустя Сэм врезался в посадочную стойку, и Флойд, с ружьем наизготовку, вылетел в открытый иллюминатор, подобно Дариусу Грину, снабженному реактивным двигателем.

— КРАК! — треснула посадочная стойка.

Карпентер нырнул в сторону кресел и втиснулся между ними. — Держись, ребята!

Сначала корабль кренился медленно, потом начал падать все быстрее. Затем, когда корабль с треском врезался в иву, из-под которой Сэм начал свою атаку, падение, как и надеялся Карпентер, замедлилось. Ветви хрустнули, и дерево, прежде чем рухнуть с громким “КРАК!”, частично повернуло корабль вокруг своей оси. Все завершил последний удар. Он вырвал Карпентера из промежутка между креслами и бросил спиной на внутреннюю часть обшивки корабля, рухнувшего на землю. Затем все погрузилось во тьму.

* * *

Кто-то снова включил свет. Он увидел над собой лицо Дидри. Ее похожие на осенние астры глаза потемнели от тревоги. Она расстегнула его клетчатую рубашку и гладила его щеки. Он постарался широко улыбнуться ей, что не очень-то и получилось,

и сделал глубокий вдох, наполняя легкие воздухом, который был выбит из него падением; затем осторожно поднялся на ноги. Похоже было, что ничего не разбилось. В ходовой рубке ничего не изменилось, но выглядела она как-то странно. Потом он понял: это оттого, что он стоит не на палубе, а на стене.

Дидри обняла его за пояс: — О, мистер Карпентер, вам всегда достается из-за нас!

Он взъерошил ее лютиковые волосы. Внезапно он почувствовал тревогу.

— Где Скип?

Не успела она ответить, как в горизонтально расположенную рубку через горизонтально же расположенную лестницу забрался Скип. Он нес небольшой контейнер. — Мистер Карпентер — вы в порядке!

— Он ходил за кислородом для вас, — сказала Дидри, — но, похоже, он вам уже не понадобиться.

— Нет, я в полном порядке.

Карпентер был не совсем в порядке — он все еще был немного оглушен, но детям об этом говорить не стоило. Он стал разыскивать свой пистолет, но так и не смог его найти. Затем он подошел к открытому иллюминатору, который сейчас вполне подходил на роль входного люка, и шагнул через него на землю. Ива была разбита в щепки; он всмотрелся сквозь ее сломанные ветки и остатки ствола, пытаясь обнаружить Сэма, но его нигде не было видно. Корабль мог рухнуть прямо на него, но было маловероятно, что произошло именно это. Сэм должен был быть на порядочном удалении от корабля после того, как тот опрокинулся. Он нажал кнопку вызова на управляющем перстне и отправился на поиски Флойда.

Вокруг стояла тишина. Зауроподы, орнитоподы, тероподы, анкилозавры и цератопсы на многие мили вокруг, не говоря уже о ящерицах, черепахах, лягушках и крокодилах, о насекомых и разнообразных морских созданиях, наверняка услышали падение корабля и оставили свои обычные дела.

Поиски Флойда оказались безуспешными. Карпентер решил

было, что террорист выжил после падения и поджидает его в засаде, сидя в камышах. Но потом он наткнулся на одну из трясин, которыми изобиловала местность, и увидел, что ее поверхность взбаламучена.

Нигде не было видно следов ружья. Видимо, Флойд так и не выпустил его из рук.

Может быть, если бы сотрудники NAPS, извлекая окаменевшие останки Флойда, копнули поглубже, они нашли бы окаменевшее ружье.

Пока Карпентер стоял, разглядывая болото, к нему рысцой приблизился Сэм и остановился в нескольких футах поодаль. Вид ящерохода производил грустное впечатление. Камуфлирующее поле Сэма было все еще включено, поэтому у него были ноги и хвост, но ‘небъющееся’ лобовое стекло и большая часть головы исчезли. Рогопушки торчали в разные стороны, а на морде была большая вмятина.

Карпентер выключил Сэма при помощи управляющего перстня. Он надеялся, что NAPS не вычтет расходы на ремонт из его зарплаты.

Подбежали Дидри со Скипом. Он указал на болото, но их больше заботило состояние Сэма, чем участь Флойда. — Ого, мистер Карпентер — он сломался! — воскликнул Скип.

— Его можно наладить, — отозвался Карпентер, — и он все еще работает. К этому времени в голове у него окончательно прояснилось. — Идемте отправим сигнал SOS, ребята! Или вы его уже отправили?

— Еще нет, — ответил Скип.

— Ну ладно, тогда отправьте. Пока вы будете этим заниматься, я поищу свой пистолет.

До упавшего корабля было довольно приличное расстояние; они поспешили к нему. Когда они дошли до иллюминатора, Дидри взглянула на небо. Она застыла на месте. — Мистер Карпентер — они возвращаются!

Над горизонтом виднелись четыре темных пятнышка. —

Бегите к Сэму, ребята — скорее!

Дети побежали; он бросился им вслед, но, несмотря на свои длинные ноги, не мог за ними угнаться. Они вкарабкались в кабину, а он не пробежал еще и полпути. Пятнышки превратились в птеранодонов, и птеранодоны уже пикировали на корабль. “Когда террористы увидят, что случилось с кораблем, они разнесут меня в пух и прах”, — подумал Карпентер. Словно желая помочь террористам в этом деле, он споткнулся о небольшую черепаху, пересекавшую ему путь, и растянулся на земле.

Поднявшись на ноги, Карпентер увидел, что Дидри и Скип уже захлопнули пассажирскую дверь Сэма. Через секунду ящероход замерцал, а затем исчез.

Почти сразу же осока начала ложиться на землю, как будто от сильного ветра. Он почувствовал ветер, который дул сверху вниз. Затем он увидел огромный космический корабль, медленно спускающийся на равнину. Он был таким большим, что выглядел как висящий в воздухе Эмпайр-Стейт Билдинг.

Пока он смотрел на него, из нижней части летающего небоскреба выдвинулись посадочные стойки, и корабль приземлился, заняв площадь в четверть акра. Посадочные стойки отрегулировались так, что корабль встал на равнине в строго вертикальном положении, а секундой позже из шпиля на его носовой части вылетели четыре радужных луча. “ПФФТ! ПФФТ! ПФФФТ! ПФФТ!” И все четыре птеранодона — три пилотируемых и один беспилотный — исчезли.

Люки размером с парадный подъезд открылись, выдвинулся трап шириной с тротуар Пятой Авеню, и вниз спустились две колонны солдат. Их форма была инопланетного покроя и ослепительно белой, и каждый держал серебристое ружье.

Колонны остановились у подножия трапа и повернулись друг к другу. Быть может, прошло пять минут. Быть может, десять. Возможно даже, что прошло пятнадцать минут. Затем в большом проеме парадного подъезда появился высокий человек. Его мундир был таким белым, что форма солдат по сравнению с ним казалась грязной, а с его левого плеча до пояса спадала лестница из разноцветных лент. Карпентеру вспомнилась комическая опера ”Корабль Ее Величества “Пинафор”, или возлюбленная матроса”. Здесь, вне всякого сомнения, находился Командующий

Космическим Флотом.

Кем бы он ни был, он спустился по трапу с надутым от важности видом, пройдя между двумя колоннами солдат, и выступил на открытое место. В руке у него было нечто вроде мерцающей волшебной палочки. Он воззрился на Карпентера сквозь заросли карликовых магнолий и осоки. В тот момент, когда Карпентер собрался направиться к нему, внезапно возник Сэм, появившись точно в том же месте, откуда он исчез из вида. Черный дым валил сквозь его разбитое лобовое стекло. Камуфлирующее поле больше не работало, и Сэм выглядел как подбитый танк, который едва вернулся с поля боя. Пассажирская дверь распахнулась, и из кабины выпрыгнули Дидри и Скип, окутанные еще большим количеством дыма. Карпентер понял, что они сделали, и про себя навсегда распрощался с двадцатым веком.

Дети подбежали к Карпентеру. — О, мистер Карпентер, — Дидри плакала, — мы не нарочно сломали его, мы думали, может, он не сгорит, но, чтобы спасти вас от бомб террористов, оставалось только одно — прыгнуть подальше назад и затем быстро дать радиограмму Космическому Флоту, чтобы они смогли вовремя отправить сюда корабль!

— Но как у вас вообще получилось незаметно пробраться на корабль?

— Мы пробрались на него ночью и использовали аварийную лестницу, — объяснил Скип. — Это было нетрудно.

— Вы сильно рисковали.

— На самом деле мы вовсе не рисковали, — возразила Дидри, — потому что знали, что нас не могли поймать, по той простой причине, что если бы мы попались, нас бы здесь не было.

— На охране был Хью, — продолжил Скип. — Мы заглянули на палубу с офицерскими каютами, и он храпел в одном из кресел. Дидри точно рассчитала время, за которое корабль с Марса сможет сюда добраться, чтобы спасти вас, а потом мы связались по радио с Космическим Флотом и передали им эти данные, а заодно рассказали им, что с нами случилось. Все было бы здорово, если бы не сломался временной двигатель. Мне пришлось его разобрать и починить. Я его изучил, пока вы

оправлялись от вашей раны, мистер Карпентер. Я знаю его сверху донизу и наладил в два счета. Мы — мы думали, что батареи выдержат, но прыжок обратно был немного лишним для них.

— Но даже если они и сгорели, — сказала Дидри, сияя, — ничего страшного не случилось, потому что теперь вы сможете отправиться на Марс вместе с нами, мистер Карпентер.

— Да запросто, — ответил Карпентер.

— Мы раздобудем для вас шикарную работу во дворце, — продолжил Скип, — и –

— Я сожалею, что вынужден прервать столь милую и занимательную беседу, — произнес суровый голос, — но воинские уставы диктуют, что все поставленные задачи должны быть выполнены в наикратчайшие сроки.

Обернувшись, Карпентер впервые увидел лицо Командующего Космическим Флотом крупным планом. Если жесткие выражения лиц террористов не производило на него впечатления, так как были вполне ожидаемыми, то на этот раз он был застигнут врасплох. Он узрел монументальный лоб, классический нос, пару крутых скул, две жесткие линии губ и каменный подбородок. Настоящее лицо-скала, с парой маленьких коричневых глаз, смотрящих из двух темных пещер. Взглянув на лица стоящих за ним десантников, он увидел такие же холодные, резкие физиономии.

Командующий Космическим Флотом поклонился Дидри и затем — Скипу. Карпентера он проигнорировал. — Вы никогда не встречали меня, Ваше Высочество, но я часто видел вас издали. Я Горацио, командир флагмана “Быстрая Звезда”. Последовательность событий, произошедших после вашего похищения, были переданы мне Командованием по каналам связи Космического Флота вместе с приказом прибыть на Землю точно в срок, указанный вами, но я был бы признателен, Принцесса Дидри, если бы вы рассказали мне лично, что произошло, начиная с вашего прибытия на Землю.

Дидри рассказала. Чем глубже она погружалась в повествование, тем краснее становился Карпентер, потому что большая часть рассказа была он нем. Со слов Дидри, все деяния, которые совершил Карпентер во имя ее и Скипа, были не чем

иным, как героическими подвигами, а сам он в ее сказании являлся кем-то навроде верховного божества Эридана. — Поэтому, — заключила она, — вот что нам нужно сделать: взять мистера Карпентера с собой на Марс и, оказав ему достойный прием, найти для него высокооплачиваемую должность в высших кругах Королевского Дома.

Казалось, Горацио не был особо впечатлен эпическим повествованием Дидри, но он по меньшей мере знал о существовании Карпентера. Он пристально посмотрел Карпентеру в лицо. Его глаза были как маленькие грязные коричневые шарики из стекла. Он небрежно вдел в уши сережки-говорешки и удостоил Карпентера высокомерным кивком.

Карпентер стиснул зубы. Затем он напомнил себе, что, возможно, офицеры марсианского Космического Флота являлись членами жесткой кастовой системы и к тому же были десентиментализированы. Кем еще он тогда мог быть в глазах Горацио, как не куском грязи? — Пожалуй, она права насчет того, чтобы вы забрали меня с собой на Марс, — сказал Карпентер, — хотя, конечно же, я не жду, что мне достанется какая-нибудь высокооплачиваемая должность. Мне бы вполне подошла любая обычная работа. И, как она говорила, мой ящероход сломан, и хотя у меня есть шанс добраться до моей точки входа пешком и отправить в будущее сигнал бедствия, все-таки этот шанс крайне мал.

Горацио как-то умудрился посмотреть на него свысока, хотя он был нисколько не выше Карпентера. — У меня нет приказа взять вас с собой на Марс.

Глаза Дидри, похожие на осенние астры, сверкнули. — Отлично, теперь он у вас есть! Я приказываю вам забрать его на Марс!

— Позвольте мне напомнить вам, Принцесса Дидри, что хотя ваша предполагаемая власть намного превышает мои полномочия, никто, и даже вы, Ваше Высочество, не может обладать реальной властью до тех пор, пока она или он не будут десентиментализированы. Таким образом, у меня нет иного выхода, кроме как оставить этого землянина, которому вы воздали честь и хвалу и которого вы описали в столь сентиментальной манере, точно там же, где мы его обнаружили — на планете, на которой он родился — или, если быть более

точным, на которой он родится через семьдесят четыре миллиона лет в будущем, если мы поверим тому, что он рассказал вам.

Дидри была вне себя. — Вы командир военного корабля Космического Флота! Даже если у вас нет приказа забрать мистера Карпентера с собой, отдайте такой приказ!

— Сожалею, Ваше Высочество, но отдать приказ такого рода означало бы для меня превысить свои служебные полномочия.

— Тогда свяжитесь с Большим Марсом.

— По такому ничтожному вопросу? Я не осмелюсь сделать это, Ваше Высочество.

— Тогда это сделаю я!

— Об этом не может быть и речи, Ваше Высочество. Радиосвязь Космического Флота может быть использована только экипажем корабля и предназначена для обеспечения военных операций. Пожалуйста, пройдите назад в поле, Ваше Высочество. И вы также, Ваше Высочество, — обратился Горацио к Скипу. — Мне нужно уничтожить останки корабля, который не может больше использоваться Космическим Флотом, так как похитители своим небрежным отношением привели его в негодное состояние.

— Вы просто не хотите, чтобы кто-нибудь узнал, что они утащили корабль прямо из-под вашего носа! — сказала Дидри.

— Пожалуйста, Ваше Высочество, — повторил Горацио, — отойдите назад.

Дидри взяла Карпентера за руку. — Полагаю, нам лучше сделать так, как он говорит, мистер Карпентер. Идем, Скип. Не думаю, что Горацио как-то навредит Сэму.

После того как Карпентер, дети и десантники отошли на дюжину ярдов назад, Горацио поднял свою волшебную палочку. Она загорелась синим, потом зеленым огнем. Затем из “шпиля ” небоскреба вылетел радужный сноп огня, упал на корабль террористов и обратил его в ничто от носа до кормы.

Легкий трепет, который мог быть самодовольной улыбкой, пробежал по губам Горацио. Он подозвал к себе двух

десантников. — Сопроводите принцессу и принца на борт Быстрой Звезды и проследите, чтобы они были обеспечены апартаментами, соответствующими их благородному статусу.

— Я не сдвинусь с места ни на дюйм, — заявила Дидри, — пока вы не согласитесь взять мистера Карпентера с нами!

Горацио поднял мизинец на левой руке, и два солдата, выступившие до этого вперед, осторожно схватили Дидри и Скипа и силой начали “сопровождать” их к кораблю. Дети отчаянно пытались вырваться, но сопровождающие были крупными, сильными мужчинами. Карпентер беспомощно наблюдал за всем происходящим, понимая, что для Горацио не было бы ничего лучше, чем отдать приказ солдатам изрешетить его лучами из своих ружей.

Детей уже волокли вверх по трапу. — Почему вы не взяли нас с собой в Землю будущего, мистер Карпентер? — прокричала Дидри. — Мы все время этого хотели!

— Да, надо бы мне так сделать, крошка. Надо бы!

— Там осталась банка куриного супа, которую вы можете послать назад. О, мистер Карпентер, я так надеюсь, что у вас это получится!

— Может быть, вы сможете наладить Сэма, — крикнул Скип. — Может, у вас получится наладить хотя бы одну из батарей, чтобы он заработал.

— Со мной все будет в порядке, ребята. Не беспокойтесь за меня. — Карпентер повернулся к Горацио. — По меньшей мере вы можете оставить мне ружье.

— Мне запрещено передавать оружие посторонним лицам.

— Я и не думал, что вы сделаете это.

Дети были уже в дверях небоскреба. — Прощайте, ребята — я никогда вас не забуду!

Дидри сделала отчаянную попытку вырваться из рук солдат. Еще немного — и это бы ей удалось. Карпентер видел ее лицо, на котором было написано страдание. — Я люблю вас, мистер

Карпентер! — успела она прокричать перед тем, как скрылась вместе со Скипом внутри корабля. — Я буду любить вас всю жизнь!

Он обнаружил, что в глазах у него все расплылось, и еще он понял, что совершил ужасную ошибку. Дети принадлежали Марсу не больше, чем принадлежал Марсу он сам.

Двумя молниеносными движениями левой руки Горацио вырвал сережки из ушей Карпентера; затем сказал что-то непонятное своим солдатам. Они взяли ружья на караул; он промаршировал между ними, затем солдаты последовали за ним в двух ровных колоннах, и десант погрузился на корабль.

Парадный подъезд захлопнулся. Небоскреб дрогнул, затем поднялся в воздух. Его посадочные стойки задвинулись обратно в корпус; он некоторое время парил над Землей в утренних лучах, огромный и гротескный, с двумя одинокими детишками, заключенными внутри него. Траву на равнине под действием могучего антигравитацинного реактора прибило к земле, потом корабль устремился в небо и превратился в быстро исчезающую дневную звезду.

Карпентер долго смотрел в то место, где была звезда. Он видел лица двоих детей. Но это были не те лица, которые он знал раньше. Время прыгнуло вперед, дети выросли; их лица были твердыми и бесчувственными, и вся любовь, которая когда-то жила в их глазах, которая протянулась к нему и коснулась его сердца, исчезла.

Он опустил глаза на равнину. Я люблю вас, мистер Карпентер! Я буду любить вас всю жизнь!

* * *

Ему придется взять последнюю оставшуюся банку куриного супа и пересечь равнину, и пусть ему встретятся тероподы, больше или маленькие. Ему было все равно, доберется он до фотонного поля или нет. А затем земля вздрогнула под его ногами, и он увидел, что один, самый большой из них, уже на подходе. Старый добрый Тираннозавр-рекс. Бежать было слишком

поздно. Кроме того, куда он должен был бежать? — Давай сюда, дружище, не стесняйся! Я жду не дождусь вас всех!

Глава 15

“ИНТЕРЕСНО, ТОТ ЛИ ЭТО тираннозавр, которого Сэм повергнул наземь сегодня рано утром?” — подумал Карпентер в то время, когда огромный теропод приближался к нему. Он выглядел как один из них, но передвигался как-то странно.

Вместо того чтобы переваливаться с боку на бок, он покачивался вверх-вниз.

Казалось бы, земля должна была гудеть под огромным весом, когда трехпалые лапы динозавра ступали на нее, — ТУМБ! ТУМБ! — однако вместо этого движение животного сопровождалось скрежещущим звуком.

Во время движения ящер рычал, но его рычание тоже было необычным. Оно было низким, мягким и совсем не пугало.

Тираннозавр подошел достаточно близко, и теперь Карпентер мог хорошо рассмотреть его атрофированные передние ноги с похожими на когти пальцами. Его пасть была приоткрыта и также давала возможность полюбоваться отличными зубами. Гигантская голова, венчавшая шею толщиной со ствол дерева, должна была ужаснуть его, но не ужасала. Он был совсем один в Эридане. Если бы он смог вернуться в Землю будущего, он был бы одинок и там. Так почему же какая-то башка, похожая на драконью, должна напугать его?

Он опустил глаза и с презрением посмотрел на задние лапы чудовища, похожие на колонны. Голова приближающегося динозавра была на уровне колен животного.

Тираннозавр остановился в нескольких ярдах от Карпентера и посмотрел на него сверху своими водянистыми, снабженными тяжелыми веками глазами. Укусит ли он его пару раз или проделает какой-нибудь трюк?

Пока он смотрел на чудовищную голову, челюсти продолжали раскрываться все шире; верхняя челюсть поднялась почти на девяносто градусов. Карпентер не поверил своим глазам — над нижним рядом шестидюймовых зубов появилась еще одна голова, на этот раз отнюдь не чудовищная, и на него посмотрело

знакомое лицо.

— Мисс Сэндз! — выдохнул он и чуть не опрокинулся на спину.

Придя в себя и чудесным образом исцелившись от безразличия к жизни после того, как угроза смерти миновала, он подошел к тираннотанку и стал любовно поглаживать его по ноге, но рука прошла сквозь камуфлирующее поле, и он почувствовал, что гладит стальную гусеницу. — Эдит, милочка, это ты!

— Вы целы, мистер Карпентер? — крикнула сверху мисс Сэндз.

— Вполне, — ответил Карпентер.

Рядом с ее головкой показалась еще одна — знакомая каштановая голова Питера Филдса, ее ассистента, который был принят на работу по ее рекомендации месяц спустя после того, как на работу устроилась она. — Здорово, что с вами все в порядке! — сказал Питер. — Пойду разверну Эдит.

Он подогнал тираннотанк кормовой частью к Сэму, после чего сбросил на землю буксировочный трос и спустил из нижней губы Эдит нейлоновый трап. Затем он и мисс Сэндз спустились и принялись прицеплять трос к проушинам, расположенным на корме Эдит и под мордой Сэма. Карпентер помогал им. — А откуда вы узнали, ребята, что мне пришлось туго? Ведь я ничего не посылал?

— Сердце подсказало, — ответил Питер Филдс и повернулся к мисс Сэндз. — Ну, полагаю, у нас все, Сэнди.

— Что ж, тогда поехали, — откликнулась мисс Сэндз. Она взглянула на Карпентера и быстро отвела глаза. — Если вы уже покончили со своим заданием, мистер Карпентер.

Казалось, ее лицо было каким-то другим, но от этого оно не было менее красивым. Пожалуй, оно было еще прекрасней. Он опустил глаза на ее коричневую полевую блузу. — Покончил, мисс Сэндз. И вы не поверите, как все обернулось.

— Ну, не знаю. Бывает, самые невероятные вещи на поверку оказываются самыми правдоподобными. Я приготовлю вам что-

нибудь поесть, мистер Карпентер.

Она легко поднялась по лестнице. Она была одета в кюлоты, вполне подходившем к ее блузе и полевым коричневым ботинкам. Питер Филдс был одет примерно также, только вместо кюлот у него были брюки, а вместо блузы — рубашка. Карпентер последовал за мисс Сэндз, а Питер — за ним. Водительская кабина была в голове тираннотанка, и Питер уселся за штурвал. Мисс Сэндз спустилась по лестнице внутри шеи Эдит в каюту. — Почему бы вам не прилечь, мистер Карпентер? Похоже, что вы порядком измотаны.

— Вроде так оно и есть, — признался Карпентер.

В каюте была койка, на которой он растянулся. Его усталость была скорее эмоциональной, чем физической. Вначале он распрощался с Дидри и Скипом, потом повстречал тираннозавра, который превратился в Эдит. А теперь он снова видит мисс Сэндз …

Она поставила воду для кофе, достала из холодильника ветчину и положила ее на кухонную столешницу с встроенной раковиной. Он совсем не хотел есть, но не стал говорить ей об этом.

Питер Филдс, оставшийся наверху в кабине, включил передачу, и Эдит тронулась. Питер был прекрасным водителем и готов был сидеть за рулем день и ночь. И он мог бы с закрытыми глазами разобрать и собрать любой ящероход. “Странно, почему они с мисс Сэндз не влюбились друг в друга? — подумал Карпентер. — Оба они такие милые, что запросто могли бы влюбиться друг в друга с первого взгляда”. Карпентер был рад, что этого не произошло, хотя ему это ничем особо не помогло.

А почему ни один из них не сказал о корабле Космического Флота? Ведь не могли же они не видеть, как он взлетает в небо.

Эдит не спеша двигалась по равнине на юго-запад, в сторону реки и фотонного поля; через задний иллюминатор он мог видеть беднягу Сэма, катящегося вслед на своих гусеницах. Ему вспомнилось, как все было в первый день, и он увидел себя и детей, сидящих в кабине; детишки уплетали бутерброды и запивали их лимонадом; он увидел прекрасный, зеленый Эридан с его кустами и деревьями, и розовый шквал из лепестков магнолий, кружащийся вокруг них; он попытался отогнать от себя

навевающие печаль воспоминания, и его глаза стали искать мисс Сэндз. Она резала ветчину на сушилке. Его взгляд коснулся ее ног, обутых в ботинки, и подколенных ямок, которые не были прикрыты кюлотами, задержался на тонкой талии, поднялся выше, к медно-красным волосам. Карпентер засмотрелся на ее волосы, которые мягко падали на плечи … Странно, что с возрастом волосы всегда темнеют. Даже голоса у маленьких девочек неуловимо меняются …

Карпентер неподвижно лежал на койке. — Мисс Сэндз, — сказал он вдруг. — Сколько будет 499,999,991 умножить на 8,003,432,111?

— 400,171,598,369,111,001, - ответила мисс Сэндз.

Она вдруг вздрогнула. А потом продолжила резать ветчину.

* * *

В каюте было довольно тихо. Тишину нарушали только слабый скрежет гусениц Эдит и низкое, мягкое урчание мотора, да еще тихий звук ножа мисс Сэндз, который то прорезал ветчину, то негромко кликал о столешницу.

Карпентер сел и спустил ноги на пол. Кондиционированный воздух в каюте Эдит холодил его лицо, но у него перехватило дыхание.

Возьмите двух одиноких детишек, которые за всю свою жизнь не знали, что такое быть любимыми. Представьте, что они похищены террористами и перевезены на другую планету, где их спасает от анатозавра землянин, который подходит им на роль отца и наставника так же, как тарелка подходит к ложке. Затем посадите их в ящероход, который при всех своих достоинствах — всего лишь чудесная огромная игрушка. Устройте для них пикник и приласкайте впервые в жизни. Затем позвольте им вновь попасть в руки террористов, и пусть землянин, спасая их, будет ранен, что даст детям возможность показать свою любовь и мужество, которые их общество вскоре отберет у них. А потом отнимите у них все это и оставьте землянина одного, безоружного, на опасной равнине.

Но 74,051,622 лет! Планета, будущий облик которой они никогда не видели!

Этого попросту не может быть! Такое фантастическое путешествие невозможно!

Но почему оно невозможно?

Почему невозможно для мальчика, который в два счета разобрал и наладил компактный временной двигатель, построить свою собственную большую машину времени? И разве он не смог бы встроить ее в маленький космический корабль, к которому они с сестрой, как принц и принцесса, запросто могли бы получить доступ? Что помешало бы им осуществить путешествие сквозь время и пространство на Землю будущего? И почему они не смогли бы найти нужное время, когда все, что им нужно было делать — это пристально осматривать западное полушарие Земли в разные периоды времени до тех пор, пока не появится Обелиск Господь Благослови Америку.

Они должны были совершить посадку вскоре после того, как Обелиск начал строиться. И они должны были приземлиться ночью, в месте, где они смогли бы легко спрятать свой корабль.

Они не стали пытаться исправить все кардинальным способом, потому что у них был план получше. Они знали, как использовать волны времени. Нет сомнений, что они стали подопечными государства — на эту роль подошло бы любое государство, на территории которого они посадили корабль — и в дальнейшем они прекрасно адаптировались. Возможно, они взяли себе имена людей, которыми они надеялись однажды стать; к тому же теперь они обзавелись и фамилиями. У них не было никаких проблем с изучением английского, и, вероятно, они использовали свои сережки-говорешки, снимая и одевая их до тех пор, пока не освоили его. Они выросли, и Дидри поступила в колледж и стала хронологистом, после чего устроилась на работу в NAPS, позже туда же в качестве ее ассистента устроился Скип.

Они отправились спасать Карпентера кружным путем.

Он сидел на койке, пытаясь собраться с мыслями.

Знали ли они, что это они будут мисс Сэндз и Питер Филдс,

когда брали себе такие фамилии? Нет, они не могли знать точно. Они могли только надеяться, что так будет. Но независимо от того, случилось бы это или нет, у них была одна цель: спасти, а затем вернуть его в 1998 год.

Им приходилось быть осторожными с парадоксами. Мисс Сэндз могла делать разные мелочи, навроде того, чтобы загрузить Сэма одеялами под завязку, или наполнить шкаф пакетами с зефиром, но ни она, ни Питер не смели сказать: “Мистер Карпентер, не отправляйтесь в С-16, потому что вы получите там тяжелое ранение, а под конец вам придется совсем туго”. Они знали, что не могли изменить то, что с ними уже случилось, поэтому были вынуждены войти в жизнь Карпентера так, как будто с ним незнакомы.

Но было ли действительно так необходимо вести себя как незнакомцы, так, как вела себя мисс Сэндз? Конечно, она могла бы изредка видеть его, по меньшей мере для того, чтобы знать, что он жив.

Возможно, она стыдилась того, что открыто выражала свою любовь к нему, когда была маленькой девочкой. Выросшая в настоящем Земли, она, быть может, считала свое поведение в детстве смешным.

А может быть, она испытывала к нему те же чувства, что испытывал к ней он, и боялась все это время, что он может увидеть любовь в ее глазах до того, как узнает, кто она такая?

В каюту как будто вкрался туман — все расплылось у Карпентера перед глазами.

* * *

Клик, стучал о столешницу нож мисс Сэндз. Клик, клик, клик.

К тому времени она нарезала столько ветчины, что ее вполне хватило бы на добрый глоток Тираннозавру-рексу.

— Я — я на самом деле не так уж и голоден, мисс Сэндз, — сказал Карпентер.

Мисс Сэндз положила нож на столешницу.

Он встал. — Мисс Сэндз, — произнес он. Тогда она повернулась к нему, и он посмотрел в ее похожие на осенние астры глаза; они смотрели на него точно так же, как смотрели, когда она была маленькой девочкой, сидящей рядом с его лежанкой в меловом соборе мезозойской полночью. Да если вы скажете ей, что ее любите, она бросится вам на шею вот увидите!

— Я люблю тебя, крошка, — сказал Карпентер.

И она бросилась ему на шею!

ОБ АВТОРЕ

РОБЕРТ ФРАНКЛИН ЯНГ начал писать в промежуток между тридцатью и сорока годами. Впервые опубликовал свою работу в журнале Startling Stories за несколько лет до того, как журнал закрылся. С тех пор он публикуется главным образом в журналах, посвященных научной фантастике и фэнтези, а также в таких изданиях, как Playboy и The Saturday Evening Post. Вышло два сборника его коротких рассказов, в 1982 г. издательством Del Rey Books опубликован роман Янга Последнее дерево Иггдрасиль.

Янг родился в маленьком городке на западе штата Нью-Йорк, где проживает всю свою жизнь, за исключением трех с половиной лет службы в армии во время Второй Мировой Войны, которые он провел на Соломоновых Островах, Филиппинах и Японии. Ему довелось сменить много профессий, занимаясь при этом в свободное время писательской деятельностью. В настоящее время он вышел на пенсию и пишет полный рабочий день.

Он женат и вместе со своей супругой является собственником дома на берегу озера Эри. С тех пор как он начал заниматься писательской деятельностью, которая началась как хобби и занимает большую часть его свободного времени, у него появились другие занятия. Он много читает, особенно в области психологии и древней истории. Роберт Янг любит писать научную фантастику, потому что она дает полную свободу его воображению.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. North American Paleontological Society (Североамериканское палеонтологическое общество) — NAPS;

2. в оригинале, как и в “У начала времен”, не “крошка”, а “Pumpkin” — “Тыковка”;

3. в повести “У начала времен” также не “каштаны”, а “marshmallows” — “зефир”;

4. в повести “У начала времен” также не “банка консервированной зайчатины”, а “a can of chicken soup” — “банка консервированного куриного супа”;

5. “удавка с полуштыками” — разновидность самозатягивающейся петли;

6. «Эридан». Оригинальный текст:

“Why do you call me ‘pumpkin’ Mr. Carpenter? On Mars pumpkins are unpleasant squashy fruits that grow in swamps and midden marshes.”

“Oh Earth, in my time, they grow in beautiful pumpkin patches, and you can make delicious pies out of them, ‘Pumpkin’ is what a man calls a girl when he thinks the world of her.”

Перевод оригинального текста:

— Почему вы зовете меня ‘тыковкой’, мистер Карпентер? На Марсе тыквы — неприятные мясистые плоды, которые растут на болотах и на топях, поросших сорняком.

— На Земле, в мое время, они растут на красивых тыквенных грядках, и ты можешь готовить из них очень вкусные пироги; ‘Тыковкой’ парень называет девушку, когда он думает, что весь мир для нее.

«У начала времен». Опубликованный вариант литературного перевода:

— А почему вы зовете меня крошкой, мистер Карпентер? У нас так называется сухой и жесткий маленький кусочек хлеба.

Он рассмеялся. Звуки, доносившиеся из-за защитного поля, стали слабее и утихли вдали — видимо, ящер направился в другую сторону.

— На Земле это тоже называется крошкой, но ничего обидного тут нет. Дело не в этом. Крошками у нас называют еще девушек, которые нам нравятся.

Оригинальный текст:

"Why do you call me 'pumpkin', Mr. Carpenter? On Mars, a pumpkin is an unpleasant squashy vegetable that grows in swamps and midden-marshes."

He laughed. The sounds from beyond the shield-field diminished, then faded away, as the theropod thundered off in another direction. "On Earth, a pumpkin is quite a nice vegetable — or maybe it's a fruit. Whichever, it's quite respectable. But that's beside the point. 'Pumpkin' is what a man calls a girl when he likes her."

Перевод оригинального текста:

— Почему вы зовете меня ‘тыковкой’, мистер Карпентер? На Марсе тыква — неприятный мясистый овощ, который растет на болотах и на топях, поросших сорняком.

Он рассмеялся. Звуки, доносившиеся из-за защитного поля, стали слабее и утихли вдали — видимо, ящер направился в другую сторону. — На Земле тыква — вполне приятный овощ — или, может быть, фрукт. Чем бы он не был, он вполне хорош. Но это к делу не относится. ‘Тыковкой’ парень называет девушку, когда она ему нравится.

7. +70˚F (по шкале Фаренгейта) соответствуют примерно +21,1 ˚C (по шкале Цельсия).

СЕВЕРНАЯ АМЕРИКА 74,000,000 лет назад

notes

Примечания

North American Paleontological Society (Североамериканское палеонтологическое общество) — NAPS;

2

в оригинале, как и в “У начала времен”, не “крошка”, а “Pumpkin” — “Тыковка”

3

в повести “У начала времен” также не “каштаны”, а “marshmallows” — “зефир”

в повести “У начала времен” также не “банка консервированной зайчатины”, а “a can of chicken soup” — “банка консервированного куриного супа”

5

“удавка с полуштыками” — разновидность самозатягивающейся петли

6

«Эридан». Оригинальный текст:

“Why do you call me ‘pumpkin’ Mr. Carpenter? On Mars pumpkins are unpleasant squashy fruits that grow in swamps and midden marshes.”

“Oh Earth, in my time, they grow in beautiful pumpkin patches, and you can make delicious pies out of them, ‘Pumpkin’ is what a man calls a girl when he thinks the world of her.”

Перевод оригинального текста:

— Почему вы зовете меня ‘тыковкой’, мистер Карпентер? На Марсе тыквы — неприятные мясистые плоды, которые растут на болотах и на топях, поросших сорняком.

— На Земле, в мое время, они растут на красивых тыквенных грядках, и ты можешь готовить из них очень вкусные пироги; ‘Тыковкой’ парень называет девушку, когда он думает, что весь мир для нее.

«У начала времен». Опубликованный вариант литературного перевода:

— А почему вы зовете меня крошкой, мистер Карпентер?

У нас так называется сухой и жесткий маленький кусочек хлеба.

Он рассмеялся. Звуки, доносившиеся из-за защитного поля, стали слабее и утихли вдали — видимо, ящер направился в другую сторону.

— На Земле это тоже называется крошкой, но ничего обидного тут нет. Дело не в этом. Крошками у нас называют еще девушек, которые нам нравятся.

Оригинальный текст:

"Why do you call me 'pumpkin', Mr. Carpenter? On Mars, a pumpkin is an unpleasant squashy vegetable that grows in swamps and midden-marshes."

He laughed. The sounds from beyond the shield-field diminished, then faded away, as the theropod thundered off in another direction. "On Earth, a pumpkin is quite a nice vegetable — or maybe it's a fruit. Whichever, it's quite respectable. But that's beside the point. 'Pumpkin' is what a man calls a girl when he likes her."

Перевод оригинального текста:

— Почему вы зовете меня ‘тыковкой’, мистер Карпентер? На Марсе тыква — неприятный мясистый овощ, который растет на болотах и на топях, поросших сорняком.

Он рассмеялся. Звуки, доносившиеся из-за защитного поля, стали слабее и утихли вдали — видимо, ящер направился в

другую сторону. — На Земле тыква — вполне приятный овощ — или, может быть, фрукт. Чем бы он не был, он вполне хорош. Но это к делу не относится. ‘Тыковкой’ парень называет девушку, когда она ему нравится.

7

+70°F (по шкале Фаренгейта) соответствуют примерно +21,1 °C (по шкале Цельсия).

СЕВЕРНАЯ АМЕРИКА 74,000,000 лет назад